

4

2012

РОСССНЯ XXI

4. 2012 июль-август

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

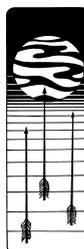
Энергия саморазрушения _____ 6

Европейские параллели

Валентина Марьина

Эдвард Бенеш: мысли о демократии _____ 28

Пути духовных исканий

Наталья Потапова

Тема «памяти» в культуре модернизма
(окончание) _____ 58

Страницы истории

Франтишек Штеллер

Династическая политика Австрийской,
Прусской и Российской монархий в XVIII веке:
сравнительно-исторический анализ _____ 82

Ярлыки и мифы

*Дмитрий Антонов,
Михаил Майзульс*

«Мечтания» и «illusions».
Дьявольские наваждения между
книжностью и иконографией _ **112**

Актуальный архив

Владимир Печатнов

Как Трумэн у Сталина
Курилы просил _____ **140**

Андрей Юрганов

После Сталина. Как остановился
механизм репрессий _____ **158**

Редакционная почта

Ирина Медведева, Татьяна Шишова

«Ты этого хотел,
Жорж Дантен!» _____ **174**

Александр Калинин

Всего лишь предположение _ **186**

Contents in English look at the page 196

РОССИЯ ХХІ

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

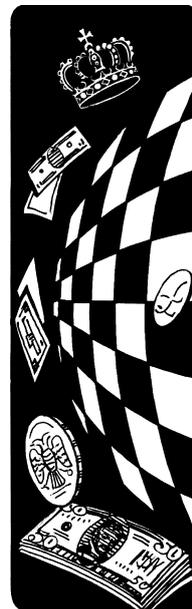
Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Теперь все снова становится возможным, и мы готовы предвидеть и самое худшее – упадок, варварство, регресс. Отсюда и рождаются теории упадка. Дело не в том, что мы чувствуем в себе упадок, а в том, что все в будущем возможно, включая это. Такое ощущение само по себе неплохой симптом: это значит, что мы вновь вступаем в ту атмосферу неуверенности, которая присуща всякой подлинной жизни; что мы вновь узнаем тревогу неизвестности, и мучительную, и сладостную, которой насыщено каждое мгновение, если мы умеем прожить его сполна. Мы привыкли избегать этого жуткого трепета, мы старались успокаивать себя, всеми средствами заглушать в себе предчувствие глубинной трагичности нашей судьбы. Сейчас – впервые за последние три века – мы вдруг растерянно сознаем свою полную неуверенность в завтрашнем дне. И это отрезвление благотворно для нас.

Тот, кто относится к жизни серьезно и принимает всю полноту ответственности, ощущает постоянную скрытую опасность и всегда настороже. В римских легионах часовой должен был держать палец на губах, чтобы не задремать. Неплохой жест, он как бы предписывает полное молчание в тишине ночи, чтобы уловить малейший звук зарождающегося будущего.

Хосе Ортега-и-Гассет

Сергей Кургинян

**ЭНЕРГИЯ
САМОРАЗРУШЕНИЯ**

УДК
323

Adverse forces are colliding in the field of the current Russian reality meaning. The elite cannot be considered as the united and single force. A segment of elite has saddled up the power of protest that in any moment may turn into the power of the country's self-destruction and bring about the loss of identity, to disaster of 'the big nation' and loss of independence, economic, energetic as well as, in the final resort, political independence. This assertion applies to meanings carried by different vectors. To put it exactly, it applies to acquisition of the single summarizing, general meaning that is not found as yet. Nowadays it is precisely the lack of this meaning affects the foreign and domestic policy and is exemplified in shortsighted decisions on WTO and provokes activation of the counter-elite in the current political space of Russia.

Ключевые слова: WTO; ситуация в Сирии; безопасность; экономика; оппозиция.

Key words: WTO, situation in Syria, security, economy, opposition.

E-mail: ecc@ecc.ru

ВАКУУМ СМЫСЛОВ

Иногда, обсуждая очень конкретные вопросы, надо все-таки обсудить и общие. Что такое смысл? Смысл – это что-то такое, без чего человек жить не может.

Разгром советских смыслов создал некое пустое пространство. У великого английского режиссера Питера Брука была книга «Пустое пространство», где он описал пространство, в котором не было смыслов, т.е. был вакуум смыслов. Как говорил один мой знакомый, очень много занимавшийся религией, «свято место пусто не бывает, но и пусто место свято не бывает». Вакуум смыслов должен быть чем-то заполнен. И в этот вакуум смыслов рванулось все, что могло рвануться.

Лишившись советской, а значит и имперской, идентичности, все начали изобретать себе идентичности и соответствующие им смыслы, потому что без смыслов и идентичности жить невозможно. В результате в этом пустом месте образовалась какая-то смысловая среда сообразно тому, что находилось в запасе у данного населения помимо советских смыслов, которые оказались разгромленными. Но под ними что-то лежало, и это что-то вышло наружу, наполнив пространство.

Естественно, что на Северном Кавказе, там, где традиционно существовал ислам, суфийский или не суфийский – в данном случае неважно, смыслами, которые зашли на территорию, были исламские смыслы. Но есть закон, гласящий, что когда некий смысл, или дискурс, заходит в некое пространство, то он создает структуру, в том числе и региональ-

ной власти. Сформировалась классическая египетская (сирийская, ливийская или любая другая) ситуация, где сверху умеренный исламский полуавторитарный режим, а внутри все бурлит.

И бурлит здесь, что бы ни говорили по этому поводу наши любители демократии или американские махинаторы, уверяющие всех, что они говорят правду, вовсе не желание демократии или, как говорит один из этих махинаторов по фамилии Бжезинский, энергия глобального пробыждения. Здесь бурлит реальная исламская страсть, приобретающая характер исламистский, сосредоточенная в мечетях и грезящая о своей халифатистской идентичности. Полуавторитарный мягкий ислам начинает подавлять эту страсть. Чем больше она подавляется, тем больше радикализуется. Через какой-то момент крышка слетает с котла и снизу идет то, что идет. Мы видели, что происходит в Египте, в Ливии. Мы видим, что идет в Сирии. Это общий процесс.

Окончательно становится невозможным, чтобы пространство, заполненное приемлемым для данного региона смыслом, структурировавшим уже под этот дискурс свою власть, оказалось в прочных отношениях с федеральным центром. Люди здесь все больше и больше погружаются в исламскую культуру со всеми ее ограничениями. Для человека смысл не менее важен, чем пища, воздух или вода.

Какой же выход из подобной коллизии? Я лично вижу один выход: советские смыслы. Других нет. Навязать этой территории кем-то выдуманный русский смысл в двадцать первом веке невозможно. Поезд ушел, страсти в федеральном центре нет, все разговоры о Ермолове впустую. Тем более, что Ермолов не только насаждал что-то огнем и мечом, он и договаривался о чем-то с местной элитой, как мы знаем. Даже он! Заново создать такую старую ситуацию невозможно.

Советский смысл памятен. И под зонтиком этого советского смысла жили все вместе. И было понятно, как жить, потому что есть наш традиционный ислам, а есть советское смысловое поле; они на самом деле в чем-то не так уж сильно друг от друга отличаются.

Чуть-чуть больше взаимной терпимости – и многое могло бы объединиться в идеологическом симбиозе. Но произошло другое. Если нечто восстановить, то можно спаять существующие цивилизационные плиты. В противном случае «исламская плита» отползет от нас. Она будет отползать от нас беспощадно, просто заполняясь другим смыслом. Виноваты будем мы, потому что если мы не заполняем эту сопредельную нам региональную плиту своими смыслами, то она будет заполняться чужими смыслами. А наши враги или конкуренты (в данном случае

можно использовать и то, и другое слово) будут этому всячески помогать. Вот один из существующих вызовов.

Как отвечает на него вновь созданная власть? Никак. Она этого просто не видит. Ей неинтересно. Она занята другим: своими аппаратными интригами, дележом постов и возможностей, какими-то странными весточеческими композициями, – а процесс идет. Он неумолимо набирает обороты.

Никакого смысла, кроме обновленного советского, уже не будет. Будет либо этот смысл, либо никакой. Я говорю это не потому, что советский смысл дорог моему сердцу. Не потому, что я его защищал в телепроектах, а потому что это так. Я это знаю. У меня достаточно информации, достаточный объем проведенных исследований, для того чтобы утверждать это на сто процентов. Либо «несоветский сдвиг», который пока еще может произойти, либо крах. И не в 2017-ом, а, возможно, раньше.

ОЧАГ КРИЗИСА

Еще одна болевая точка – экономический кризис. Ведь все обсуждают то, что рубль кубарем пошел вниз. Все обсуждают, докуда он пойдет. Остановится, не остановится? Все связывают это с падением цен на нефть.

Почему начали падать цены на нефть? Почему они сейчас стабилизировались? Могут ли они падать снова? Где главный очаг кризиса? Имеет ли место действительно новая волна кризиса? Как она будет разворачиваться? И является ли это кризисом? Я много раз говорил, что это некая катастрофа.

Где зарыта собака? Можно сколько угодно тыкать в различные кривые и быстро-быстро лепетать какие-то слова, но суть-то в чем? Где центр, из которого исходит все и дальше начинает вертеться в этой самой кризисной или катастрофической пляске? Центром является Европа. Европа вообще и Греция в особенности.

Вопрос заключается в том, удастся ли избежать распада еврозоны? Отпадет ли от еврозоны Греция? Если Греция отпадет, то отпадет ли только Греция или вслед за ней начнут отваливаться другие куски: Испания, Португалия, Италия и так далее?

Если Европа распадается, то ей придется достаточно долго выстраивать новые экономические связи. Сейчас даже есть попытки представить себе, как именно это будет происходить и как натянуть эти новые параллельные связи, чтобы падение было не слишком жестким. Но в любом случае, сколь бы мягким это падение ни было, оно означает рас-

пад Европы, после него Европе придется очухиваться (прошу прощения за это слово) достаточно долго.

Это будет не рецессия – рецессия уже есть. Это будет депрессия – глубокий спад, неравномерный. И весьма, весьма болезненный. В результате этого спада, который, повторяю, захватит не только слабые страны Европы, но и самые сильные, будет снижение потребности Европы в энергоносителях, в сырье вообще и нефти в первую очередь.

Но еще до того, как что-нибудь такое начнется, одно только подозрение по поводу того, что это может произойти, что сработает принцип домино и вся еврозона развалится, а нефть будет нужна Европе в значительно меньшем количестве, чем сейчас, – приводит к панике. К панике на бирже определенных бумаг, на бирже нефтяных фьючерсов.

В результате начинает падать цена всех тех товаров, которые обеспечивают формирование европейских экономик. Включая нефть, газ, металл и лес. Равновесная цена на нефть... видимо, никто не знает, какова она точно, но так, по всем примерным расчетам, семьдесят–восемьдесят долларов за баррель сейчас, при нынешнем состоянии экономики. Остальное – это спекуляции фьючерсами, то есть свободно обращающимися на финансовых рынках бумагами или электронными записями, в которых зафиксированы обещания через какой-то срок купить товар по такой-то и такой-то цене.

Поскольку кризисные рынки проблематизируют долгосрочные инвестиции, большинство свободных капиталов идет в спекуляции. Ведь в этом вся опасность существующей ситуации. В этом вторая волна кризиса. Печатаются деньги, денег много. Спрашивается, кому их давать? Доверия нет, риски огромны. Каким предприятиям их дать? Где гарантия, что ты им дашь, они что-то произведут, а купят ли это? Страшно, да? А что тогда делать? А тогда все эти «бабки», которые напечатали американцы, да и мир в целом, бегут куда? В эти фьючерсы. И надувается нефтяной пузырь.

Над реальной ценой надувается вторая цена, которая связана с тем, что девать деньги куда-то надо. Та самая вторая цена, на которой, в принципе, тоскливо и убого жирует наша экономика. Когда фьючерсные спекулянты видят риск падения цены, связанный с кризисным сокращением потребления нефти в Европе, они продают фьючерсы и опускают цену. Именно этим, а не чем-то другим определяется снижение нефтяных цен со ста двадцати долларов за баррель до девяноста семи.

А следом за этим снижением наш рубль падает автоматически. Можно высчитать коэффициент: какое именно падение цены на нефть

ЭНЕРГИЯ САМОРАЗРУШЕНИЯ

приводит к какому падению рубля, если его не поддерживать. У нас есть какие-то золотовалютные резервы, большие или меньшие – не знаю, и если их включать, то можно рубль стабилизировать на какое-то время. Но если нефть так и так падает дальше в цене, то девальвируй рубль. А следом снижаются доходы населения, потому что очень велика зависимость от импорта, а импорт, естественно, идет в долларах, и, вообще, вся жизнь в значительной степени пересчитана на доллары. Ну, и будет снижаться уровень жизни на какое-то количество процентов, при таких-то ценах на нефть. А когда начнет снижаться уровень жизни всюду, как считает оппозиция, тогда начнутся социальные протесты, и вот тут-то: «Гуляем, – говорят они, – по-настоящему». Это уже будут не рассерженные горожане – это будет совсем другое.

Старт нынешнему кризису дали фактически махинации крупнейших финансовых структур на деривативах. В ходе кризиса стали известны гигантские аферы, которые проворачивали наиболее уважаемые бизнес-фигуры. Например, Бернард Мэдофф. Его пирамида обошлась инвесторам в шестьдесят миллиардов долларов. Все это страшно подорвало доверие к финансовой сфере, и это доверие не восстанавливается. А государство спасло от банкротства именно мошенников, корпорации аферистов, и доверие к государству тоже оказалось под вопросом. И абсолютно непонятны перспективы выхода из кризиса. То есть абсолютно непонятно, когда реальный сектор начнет поглощать деньги, и что он начнет выдавать, и как это будет принято.

Это и называется «стратегическая неопределенность» или «турбо-экономика». И, в этом смысле, все строится на неуверенности и на отсутствии понимания, что дальше делать. А при такой неуверенности или при таком отсутствии доверия ко всему на свете: к финансовым институтам, к реальным корпорациям, к поведению населения, к устойчивости государств – свободные деньги будут оставаться в сфере финансовых спекуляций. А там, где они будут оставаться в сфере финансовых спекуляций, будут возникать пузыри. А там, где будут пузыри, все будет лопаться.

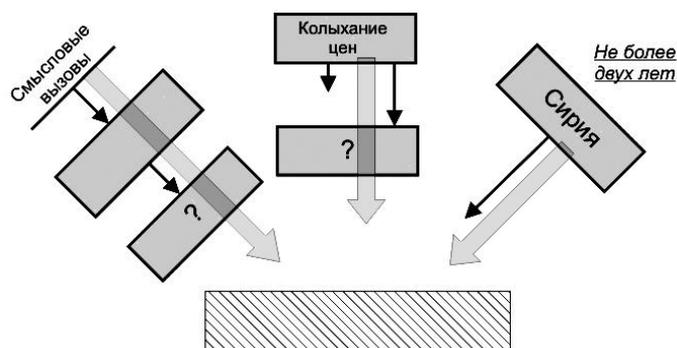
Итак. У нас есть смысловые вызовы, и на отдельных наших территориях смыслы некогерентны общенациональным, да и общенациональных смыслов на самом деле нет. Как правильно говорят многие, главной крепой осталась Великая Победа. А какие еще крепости сдерживают пространство? Ведь нужно-то много креп и в истории, и в будущем, а где они? Где забота о них?

Есть и второй вызов. Цены заколыхались. Если даже сейчас они чуть успокоятся, они могут заколыхаться в любой момент. Что будет, когда в обменниках появится 45 рублей за доллар? Или 50? Что будет тогда?

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ

Но есть еще и международные вызовы. Один из страшнейших вызовов для нас, как ни странно, – Сирия. С момента, когда падет режим Асада, до момента тяжелого хаоса на нашей территории пройдет не более 2-х лет. Падет режим в 14-м году – в 16-м начнется мощная турбулентность у нас, настоящая, такая, что Болотная и Сахарова «отдыхают». А если все эти процессы соединятся вместе, то будет уже не турбулентность. Это будет февраль 1917-го года в полном масштабе.

Ситуация в Сирии обостряется. Мятежники уже пытаются штурмовать крупнейшие города и взрывают высшую военную элиту чуть не в центре Дамаска. Пока что Россия стоит на своем, но мы не знаем, как долго это продлится. Покушения на лидеров муфтията в Татарстане – это явно не «изолированная от Сирии случайность». И давайте теперь представим, что процесс упорства России в Совбезе ООН закончится какой-нибудь неадекватной уступкой:

У нас бесконечно длящийся идеологический кризис. Возможна вторая волна экономического кризиса. Международный кризис (Сирия). Что дальше?

А дальше происходит самое мрачное, нечто, требующее от нас предельно пристального внимания. Нечто прискорбное свыше всякой меры:

Москва, 4 июня, РИА Новости¹:

«Премьер-министр РФ Дмитрий Медведев потребовал не затягивать ратификацию документов, связанных со вступлением России в ВТО. "Соответствующий протокол должен быть ратифицирован до 23 июня². Процесс затягивать мы не имеем права. Опыт других стран показывает, что если мы допустим проволочки, то, скорее всего, наши прежние усилия закончатся крахом и нужно будет заново согласовывать все и еще на худших условиях", – сказал Медведев в понедельник на совещании с вице-преьерами. Протокол о присоединении России к ВТО был подписан 16 декабря 2011 года в рамках министерской конференции этой международной организации. Одновременно был утвержден сопутствующий пакет документов, включая обязательства по доступу на рынок товаров и услуг. Таким образом, Россия официально была принята во Всемирную торговую организацию, членства в которой добивалась с 1993 года».

Сайт «Единой России» от 4 июня³:

«Медведев потребовал досогласовать меры поддержки экономики при вступлении РФ в ВТО. "Мы должны предпринять все, от нас зависящее, для того, чтобы защитить нашего производителя от недобросовестной конкуренции (т.е. от ВТО! – С.К.), по максимуму использовать тот опыт, который имеют другие государства, по созданию комфортных условий для наших предприятий, для отечественных предпринимателей", – подчеркнул премьер-министр». (Я бы сказал, подчеркнул, расшаркавшись перед уничтожаемыми предпринимателями – С.К.).

Первый канал⁴:

«Дмитрий Медведев обсудил с вице-преьерами защиту отечественных предприятий при вступлении в ВТО».

Защиту отечественных предприятий, уничтожаемых ВТО! Это вроде как «Машина Скорой помощи идет: / Сама режет, сама давит, / Сама помощь подает».

¹ <http://www.ria.ru/economy/20120604/664688907.html>

² Вероятно, опечатка. 23 июля.

³ <http://er.ru/news/2012/6/4/medvedev-potreboval-dosoglasovat-mery-podderzhki-ekonomiki-pri-vstuplenii-rf-v-vto/>

⁴ <http://www.1tv.ru/news/economic/208938>

НТВ⁵:

«Медведев требует поспешить с документами по ВТО».

Газета «Взгляд»⁶:

«Медведев велел не затягивать ратификацию документов по ВТО».

«Русская служба новостей»⁷:

«Кабмин рассчитывает 7 июня рассмотреть протокол о присоединении к ВТО».

Голос России⁸:

«Правительство рассмотрит протокол о присоединении РФ к ВТО 7 июня... Дмитрий Медведев потребовал не затягивать ратификацию документов».

«Российская газета»⁹:

«Успеть вступить. Пакет документов для вступления России в ВТО будет ратифицирован до 23 июня».

Мало?!

А теперь я объясняю, что это означает.

Это означает, что основные бумаги по вступлению России в ВТО вообще не переведены на русский язык. На английском существует протокол в 1137 страниц. Доклад Рабочей группы на русском – 722 страницы. На изучение каждой страницы из русского перевода и английского протокола нужно сколько времени? Ну, будем считать, 3 минуты. Тогда нужно 92 часа. Протокол содержит 23150 условий. Для того чтобы осмыслить одно условие, нужна 1 минута. Всего нужно 386 часов. Итого 478 часов. При изучении 8 часов в день – 60 дней. Так я спрашиваю, за ЧТО будут голосовать депутаты свободной демократической России?

Медведев все время хочет, чтобы он выглядел как просвещенный человек, который соблюдает все процессуальные тонкости, который, как юрист, безумно тщательно относится к процедуре и всему прочему. Что это такое?! Это что?! Это что за азиатско-деспотический тон?

Они обязаны все перевести! Они обязаны все это детально обсудить! Каждое условие! Они обязаны открыть дискуссию! Они обязаны включить в эту дискуссию гражданское общество, по поводу которого Медведев льет крокодиловы слезы.

⁵ <http://www.ntv.ru/novosti/301721/>

⁶ <http://www.vz.ru/news/2012/6/4/582005.html>

⁷ <http://www.rusnovosti.ru/news/205921/>

⁸ URL: http://rus.ruvr.ru/2012_06_04/76969484/

⁹ http://rus.ruvr.ru/2012_06_04/76969484/

Они обязаны выслушать экспертов! И после этого – так, как полагаются просвещенным людям, а не азиатским деспотам, – принимать решения в ходе политической дискуссии. И поскольку с «Единой Россией» были большие проблемы в ходе выборов, и если все остальные партии против, а «Единая Россия» несколькими голосами это протаскивает, то это омерзительная процедура, не имеющая никакого отношения ни к демократии, ни к гражданскому обсуждению, ни к каким нормам.

Это что за блицкриг против своего народа и своей промышленности?! Никаких заседаний по этому поводу. Этот вопрос не включен в повестку дня Думой. Значит, его с бухты-барухты под чьим-то давлением, пинком вбивают в повестку дня, задают сроки, требуют, когда это должно быть кончено. При этом процесс не обеспечен. Мы¹⁰ завершаем перевод и сверку этих огромных текстов.

Что, у Медведева, его правительства и всех прочих нет переводчиков, чтобы это все перевести?! Это нельзя издать?! Нельзя сделать дискуссию?! Нельзя выслушать альтернативные точки зрения?! Нельзя провести все нормы западной просвещенной процедуры?!

Но в том-то и дело, что воют о западной просвещенной процедуре тогда, когда им это выгодно! А когда им это невыгодно, ведут себя как азиатские деспоты со своим народом, со своим гражданским обществом!

А теперь мы обсудим, чем это обернется. Сначала я изложу мнение Стивена Сестановича. Он как-никак сотрудник Совета по международным отношениям. И все знают, что очень влиятельный сотрудник. Его интервьюирует Бернард Гверцман¹¹:

Вопрос: *«Россия полностью готова к вступлению в ВТО. Важное ли это событие для мировой экономики? Важное ли это событие для отношений России с остальным миром?»*

Ответ: *«Россия – это самая крупная экономика, не входящая в состав ВТО. Ее вступление важно в экономическом плане, но оно также вызывает значительный политический интерес... Соединенные Штаты использовали торговлю в качестве оружия против русских еще во времена холодной войны, как было с поправкой Джексона-Вэника к американскому закону о торговле от 1974 года. (Справка: и даже если они сейчас отменят эту поправку, то в ответ будут вводить поправки имени Магницкого или Ходорковского. – С.К.).*

¹⁰ Переводчики из движения «Суть времени».

¹¹ *Последствия вступления России в ВТО для США // Council on Foreign Relations, США.*
URL: www.inosmi.ru/usa/20111111/177477001.html

...Для получения преимуществ от российского членства в ВТО Соединенным Штатам необходимо отменить действующую в отношении России поправку Джексона-Вэника... А то обстоятельство, что поправка Джексона-Вэника предусматривает ежегодное рассмотрение вопроса о выполнении Россией ее условий, означает, что торговля не является свободной и ограничена рамками. Так что Конгрессу придется проголосовать за отмену поправки в отношении России, что он уже сделал в отношении большинства государств из состава бывшего Советского Союза. С политической точки зрения это весьма неудобное и затруднительное голосование для многих членов Конгресса... С другой стороны, экономические преимущества и выгоды от вступления для США вполне реальны, и, как мне кажется, эти экономические соображения возьмут верх».

Вопрос: «Какие сферы экономики в США выиграют больше всего?»

Ответ: «Соединенные Штаты всегда экспортировали в больших количествах мясо птицы и свинину, и российские нормативные акты по этим статьям экспорта стали одним из самых трудноразрешимых вопросов, который надо было урегулировать для достижения соглашения по ВТО. У русских теперь будет меньше оснований жаловаться на химикаты, содержащиеся в американских пищевых продуктах, и поэтому появится больше возможностей для наращивания такого экспорта».

Нравится, да? «У русских теперь будет меньше оснований жаловаться на химикаты, содержащиеся в американских пищевых продуктах...»

«В целом, Россия будет обязана в ближайшие несколько лет сократить дотации своему сельскому хозяйству, снизить импортные пошлины на потребительские товары, уменьшить пошлины на тяжелое оборудование для сельского хозяйства, строительства, науки, а также на фармацевтическую продукцию. Кроме того, она должна облегчить для иностранцев условия владения российскими банками и страховыми компаниями. Соединенные Штаты проявляют интерес ко всем этим областям... Поэтому экономические выгоды для США здесь вполне реальны... У нас в торговле с Россией дефицит на 20 миллиардов долларов, который мы имеем шанс устранить, ибо членство России в ВТО даст нам доступ к российскому рынку... Это часть перезагрузки в том смысле, что цели сторон, изложенные Дмитрием Медведевым и Барак-ом Обамой с приходом к президентской власти, включали такие моменты, как договор СНВ, вступление в ВТО, а также сотрудничество по целому ряду других вопросов. (Интересно, каких вопросов? – С.К.) Путин сейчас более внимателен к озабоченностям российских предпри-

ятий и компаний, которым кажется, что они пострадают в результате вступления России в ВТО... Два года назад он сделал крупный шаг назад в этом вопросе, объявив, что Россия будет вступать только в составе Таможенного союза вместе с Казахстаном и остальными. Это затормозило и отбросило назад весь процесс вступления больше, чем любое другое действие за прошедшие 18 лет. Путин в последнее время говорил, что преимущества членства минимальны, что это сделка пятьдесят на пятьдесят, в которой баланс интересов чуть больше в пользу России. Похоже, что именно с таких позиций он сейчас разыгрывает карты...

Трудный вопрос для русских и для администрации будет состоять в том, согласится ли Конгресс на "чистое" голосование об отмене поправки Джексона-Вэника, без дальнейших мер и условий. В Конгрессе, понятно, сильны настроения в пользу замены поправки Джексона-Вэника чем-то другим... Есть так называемый законопроект Магницкого, предусматривающий ограничения на въезд в США и даже замораживание в Соединенных Штатах активов тех российских чиновников, которых считают нарушителями прав человека. Выдвигаются предложения о создании фонда поддержки групп гражданского общества в России. Такого рода меры призваны снять обеспокоенность законодателей после отмены ими самого важного оставшегося со времен холодной войны закона, касающегося прав человека».

Вопрос: «Но обстановка с правами человека в России определенно лучше, чем в Китае».

Ответ: «Это так. Но, конечно же, Россия делает вид, что является демократией, а китайцы не настолько лицемерны. (Понятно, в чем виноваты товарищ Путин, товарищ Медведев и другие? Китайцы-то не лицемерны! – С.К.). Есть и еще одно различие между Россией и Китаем. В плане экономики Китай является для американцев гораздо более сложной и причиняющей большие неприятности проблемой, потому что после получения статуса Постоянных нормальных торговых отношений Китай резко увеличил экспорт в США. В случае с Россией мы надеемся, что после получения ею статуса Постоянных нормальных торговых отношений увеличится американский экспорт в эту страну».

И здесь экономические выгоды однозначно в их пользу!

Это говорит Стивен Сестанович. Слышите, это американец говорит! Кремль, Белый дом, вы слышите, что говорит американец? А теперь мы подробно процитируем, если вы не слышите, обществу нашему, гражданскому, что именно произойдет. А я, как аналитик, объясню, что про-

изойдет с вами (сначала это произойдет с обществом, а потом с вами). Итак, произойдет¹² :

«1. Уничтожение или резкое сокращение производства в следующих отраслях промышленности: легкая и пищевая промышленность, производство лекарств, медицинского оборудования, электроники, автотранспорт, гражданское авиастроение, производство косметики, шин. Особенно пострадает агропромышленный комплекс... только 10 процентов региональных предприятий (в основном, в сырьевой сфере) позитивно воспринимают идею вступления в ВТО. Остальные 90% (индустриальная база поддержки политической, да? – С.К.) в силу своей неподготовленности, отсутствия опыта и особенно изношенных мощностей, которые достигают сегодня до 70%, не выдержат конкуренции.

Рухнут, вместе с базой поддержки! Еще раз, меня слышат или нет? Вместе с базой поддержки!

Далее, произойдет:

«2. 40%-ное сокращение рабочих мест в стране и резкий рост безработицы в таких регионах, как Пермская, Оренбургская, Кемеровская, Московская, Свердловская, Воронежская, Курская, Рязанская, Нижегородская, Кировская, Тюменская, Иркутская области, Алтайский, Краснодарский, Красноярский, Приморский, Хабаровский край, Ханты-Мансийский АО, Удмуртская республика, Республика Татарстан, Москва и Санкт-Петербург. Самое тяжелое положение будет там, где вытесняемые импортом предприятия являются бюджетобразующими. Это Ивановская, Пермская, Костромская, Курская, Московская, Тульская, Владимирская, Волгоградская, Самарская область и Тольятти».

Весьма серьезные аналитики, с которыми довелось беседовать, утверждают, что скоропалительное вступление в ВТО, я подчеркиваю, скоропалительное, по принципу пропихивания ногой, вот по этому принципу, принесет России 30 млн. безработных и 40 тыс. закрытых предприятий. А теперь я спрашиваю президента России Путина и премьер-министра Медведева, понимают ли они, что произойдет, если в России появится 30 миллионов безработных и рухнет 40 тысяч предприятий?

А произойдет посадка указанных лиц... не в тюрьму, а на остро заточенные колы. Цитируя «Моцарта и Сальери» Пушкина, могу сказать: «Для меня так это ясно, как простая гамма». И я спрашиваю, что означают эти действия? Я предупреждал, что либеральный клан будет осу-

¹² [http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=4978:](http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=4978)

ществлять саботаж, что его «уличная часть» будет подымать протестную волну и пытаться ее оседлывать, включая туда не только верхушечный протест так называемых «рассерженных горожан», но и реальный социальный протест.

У нас идеологический кризис, у нас в регионах кризис, у нас «сирийский фактор» торчит под боком! И у нас в этот момент, на фоне всего этого дела начинается вот эта штучка с ВТО? Кто это делает и зачем? Это какое имеет отношение к политической стабильности? Кому-то действительно охота поиграть в Михаила Сергеевича Горбачева в новой редакции? Но Михаил Сергеевич Горбачев выскочил из этой ситуации, как огурец, с Нобелевской премией! А здесь будет другое, здесь будет кровь! Реальная кровь.

Далее. Эксперты, с которыми мы вели очень серьезные беседы, утверждают, что вся эта скоропалительная затея, осуществляемая в катастрофическом противоречии со всеми демократическими гражданскими нормами и носящая очевидным образом антинациональный и антигосударственный характер, приведет к уничтожению четырехсот шестидесяти моногородов, которые зависят от одного завода или производства для предоставления рабочих мест и инфраструктуры. Гайдар «отдыхает»!

По существу все это означает акт экономической, а значит, и политической, капитуляции. Меморандум ВТО от 19 марта 2001 года гласит, что «национальные законы регулирования стран можно отменить, если ВТО посчитает их "более обременительными, чем необходимо". Комиссия ВТО по урегулированию споров обладает правом вето на решения любого парламента и любого правительственного органа любой страны. Именно эта комиссия решает, является ли тот или иной закон или "правило более обременительным, чем необходимо"».

Вам понятно, каковы будут решения по отношению к России?

«Посредством суда ВТО может заставить национальные правительства отменить федеральные и региональные правила и законы, касающиеся, в частности, защиты окружающей среды и социальных стандартов жизни. Таким образом, Россия теряет существенную часть своего суверенитета, поскольку правотворчество и свободное принятие решений будет ограничено. Всемирная торговая организация (ВТО) не входит в ООН, и, соответственно, законы ВТО стоят для ТНК и членов-стран ВТО выше законов ООН (экологических и трудовых прав МОТ ООН и т.д.)»

«Произойдет потеря Россией суверенитета и запрет на самостоятельную промышленную политику России».

Далее произойдет «потеря продовольственной безопасности». Разгром агропромышленного комплекса обернется тем, что сегодняшняя чудовищная зависимость столицы и Санкт-Петербурга от импорта продовольствия превратится в катастрофическую зависимость. Россия станет в невероятной степени более зависимой от импорта продовольствия, по поводу чего и ликует Сестанович.

Без повышения импортных пошлин вытеснить импорт с отечественных рынков будет невозможно. А это потеря продовольственной независимости! Если завтра перекроют поставки продовольствия, то мы не успеем вывезти население даже на приусадебные участки. Никуда. Мы разгрозим все до конца. Дело Гайдара будет доведено до конца. Этим правительством, в этом режиме. Гайдару удалось выйти сухим из воды, этим – уже не удастся.

Произойдет также «поглощение или уничтожение отечественных финансовых институтов». Можно что угодно говорить том, что и как защитили наши переговорщики по ВТО, но они ничего не защитили. И банковский сектор, как и страховой, рухнет, как карточный домик, при первом давлении объединенных потенциалов ротшильдов и рокфеллеров, которые для этого и объединяются.

Произойдет значительное увеличение оттока капитала при отсутствии дополнительных прямых инвестиций в Россию. Только разговоры, что будут дополнительные инвестиции... Отток произойдет! И отсутствие дополнительных прямых инвестиций, поскольку только совершенно безрассудный человек будет вкладывать средства в создание производств в стране, которая по причине не устранимых ничем природных особенностей, по причине своей демографической, социальной и прочих ситуаций в этом открытом состоянии не может конкурировать в большинстве отраслей с Китаем и многими другими странами. Которая расположена на севере, и ее сельское хозяйство заведомо неконкурентоспособно в сравнении с бразильским, австралийским или аргентинским.

При прочих равных в России любой продукт труда значительно дороже по затратам и доставкам на мировой рынок, чем в других странах, обладающих лучшими условиями речного хозяйства, морскими портами, менее длинной сетью железных дорог и т. д. Центральная Россия не сможет конкурировать без помощи государства с сельхозпроизводителями даже Восточной Европы. Импортные ограничения – это последнее, что позволяет нам существовать.

В Китае и Индии на части предприятий 40 долларов в месяц считается хорошей зарплатой. А 200 – отличной. Там еще и тепло. Там еще можно убедить работать за похлебку, а здесь? Здесь тоже надо устроить

окончательную нищету? Окончательно раздавить свой народ? А он чем ответит? И что планируется? Диктатура? Чья диктатура? Ненавидимых нашими либералами чекистов? Или, прямо, международных структур, которые тут будут создавать концлагеря для обнищавшего, мечущегося по стране населения?

Если все начнет действовать по принципу, диктуемому ВТО, то с высокотехнологическим производством понятно, что произойдет. А рабочая сила? Будет тут копать мотыгой в земле? В условиях, когда ей предоставлена возможность ездить по всему миру?

Произойдет

«увеличение тарифов на электричество и другие энергоресурсы, что приблизит их к мировым и поставит на грань разорения (Потрясающе! – С.К.) большинство промышленных предприятий. ВТО – это цена на энергоресурсы, как в Европе. Это бензин, как в Финляндии, это газ, как в Париже, это цена на электричество, как в Берлине. А зарплата – как в Воронеже»¹³.

Произойдет

«отмена льгот по НДС для отдельных категорий продукции и понижение конкурентоспособности многих товаров».

Произойдет

«резкое снижению платежеспособного (очень невысокого по западным меркам) спроса на отечественные и импортные товары среди населения...»

То есть его окончательное и абсолютное обнищание. Дело Гайдара-Чубайса, наконец, свершится.

Энерго-политический суверенитет в России будет сметен. Возникнет абсолютная невозможность модернизации промышленности, сырьевая модель будет законсервирована навсегда, и повезут к нам... Повезут к нам товары, а не технологии. Технологии сюда не поедут. Запомните эти слова, вы приняли это чудовищное решение, запомните это, не говорите, что вас не предупреждали! И не говорите, что вы не будете отвечать за последствия, поскольку вы будете за них отвечать!

Соответственно, произойдет стремительная фрагментация и регионализация страны. А как иначе-то? На уровне таких процессов? Социальная сфера деградирует немедленно. В прах обратится все, что осталось от детских садов, ясель, школ, больниц, домов престарелых. Все это будет закрыто новой генерацией «эффективных менеджеров».

¹³ [http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=4978:](http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=4978)

Ущерб информационной и национальной безопасности России будет сокрушителен.

Экологическое законодательство подвергнется соответствующей трансформации. Защита потребителей от воздействия генномодифицированных и злокачественных продуктов будет невозможна, поскольку правила ВТО не позволяют запретить их ввоз. А те государства, которые запрещают, платят огромные штрафы.

Теперь – потери. Даже Всемирный банк говорит о том, что прямые иностранные инвестиции могут повлечь спад производства в компаниях, находящихся в собственности россиян. Наши институты говорят, что Россия будет терять по 7,2 миллиарда долларов в год – 1% ВВП. Так считают даже самые умеренные специалисты. Эксперты в сельскохозяйственной отрасли утверждают, что наш агропром будет терять 4 миллиарда ежегодно.

Журнал «Эксперт» никак нельзя назвать оголтелым. Или даже – антиоранжевым. Или даже – яростно-консервативным. Это умеренный журнал. Согласно его данным, Россия, вступая в ВТО, отдает иностранцам вчетверо больший объем рынков, чем получит шанс отвоевать у них. В годовом выражении – 90 миллиардов долларов отдается, 23 – возвращается. На 1 предполагаемый доллар выигрыша РФ от вступления в ВТО 4 доллара потерь. В результате того, что Россия вступит в ВТО, покупать она будет больше, чем продавать, на 7,3 миллиарда долларов.

Но, вновь повторяю, самая главная цифра – это 30 миллионов безработных и 40 тысяч закрытых предприятий. Даже если эта цифра завышена вдвое, закройте глаза и вообразите, что будет.

Вступление России в ВТО нарушает седьмую статью нашей Конституции, которая говорит, что «Российская Федерация – это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Вступление России в ВТО подрывает нашу национальную безопасность, грозит окончательно сокрушить целостность страны, бросает миллионы и миллионы людей в нищету, уничтожает остатки того потенциала, на основе которого мы могли бы проводить так называемую «модернизацию», а на самом деле, – развитие. Вступление в ВТО наносит нам такой ущерб, который еще неизвестно какие бомбардировки могли бы нанести. Это наше мнение. Мы готовы отстаивать каждую позицию.

Вы хотите дискутировать? Дайте время и пространство!

Вы не хотите дискутировать? Тогда я ответственно заявляю, что и по вопросу ювенальной юстиции, и по вопросу ВТО, и по ряду других вопросов нужны конституционные, спокойные, уважаемые акции гражданского протеста.

У нашего движения своя повестка дня. Мы заявляем попыткам подорвать национальную безопасность категорическое: «Нет!» Мы были и остаемся гражданской патриотической оппозицией, и мы призываем всех, кому дороги интересы России, выразить свое отношение и к ювенальной юстиции, которая грозит разрушить нашу семью, и к вступлению в ВТО, что грозит разрушить нашу экономику и уничтожить наш народ.

Дополнительно, для всех людей, сохранивших еще представление о том, что такое интеллигентность, я обращаю внимание на этот азиатский стиль. *«Премьер-министр РФ Дмитрий Медведев потребовал не затягивать ратификацию документов, связанных со вступлением России в ВТО»*. «А дом надо сдавать к праздникам», – глумились по сходным поводам наши диссиденты в советскую эпоху. Но это – дом. К празднику могли заселиться люди и испытать счастье новых квартир.

А с ВТО – это что такое? Это что за блицкриг против собственного общества? Это что за плевок в лицо научному сообществу, промышленникам, всем тем, кто спокойно, вежливо обсуждает, надеется на дискуссию, думает о том, что эта дискуссия произойдет. Это что за стиль?

РАСКОЛ ЭЛИТЫ

Я знаю твердо, что представители очень, очень авторитетной западной элиты еще в 2005 году уверенно заявили о том, что принимать Россию в Европу целиком не будут. Что уж Северный-то Кавказ сразу надо отделить («цивилизационный шов», знаете ли), что затем надо будет территорию еще как-то нарезать, а также превратить окончательно в сырьевой придаток. И тогда, может быть, хоть что-нибудь, да получится. А может быть – нет. А может – перераспределиться с Китаем или с кем-то еще.

Я знаю наверняка, что это расколело всю нашу элиту, включая элиту госбезопасности, на две группы: которая и на это согласна и которая вывела людей на Болотную и Сахарова (кто-то и вышел сам, наверное, недовольных всегда хватает, но ядром организационным были те люди, которые согласились на вивисекцию страны), и на других, которые сказали этому: «Нет!».

Что, другие победили? А в чем это они победили? Наступление Запада продолжается. Никакого отпора ему не дается. Это – первое. Теперь – второе. Есть человек по фамилии Навальный. И у этого Навального есть теперь фонд, личный, хороший, милый фонд, в который люди, наш бизнес и все прочие хотят собирать средства для того, чтобы бороться с властью. Омерзительной, пакостной властью. Кто входит в этот фонд? – Вот статья в «Ведомостях» «Шестнадцать друзей Навального»¹⁴.

«Среди доноров – вице-президент "Росгосстраха" Роман Борисович, директор по стратегическому планированию "Альфа-групп" Алексей Савченко, председатель совета директоров "Национальной резервной корпорации" Александр Лебедев, партнер УК "Росинвестотель" Кирилл Иртюга, первый заместитель гендиректора ЗАО "Большой город" (бухгалтерские услуги) Артем Любимов. Еще несколько бизнесменов предпочли сообщить только род своей деятельности: Борис Зимин – предприниматель (председатель попечительского совета фонда "Династия". – "Ведомости"), Сергей Филонов – венчурный инвестор (президент компании "Авиамаркет". – "Ведомости"), Денис Соколов, предприниматель, Павел Просянкин и Сергей Гречишкин – финансисты».

Ну, во-первых, формирование этого фонда, которое считают триумфом Навального, – это в любом порядочном обществе полный провал. Потому что с момента, когда есть спонсоры, возникает вопрос: «А тех, на кого ты наезжаешь, тебе спонсор заказал? Это его конкуренты или это плохие люди?» Возникает ангажемент. Вместе со спонсорами. Спрашивается, а чем лучше, когда простые люди дают? А потому что простые люди ангажировать не могут. Собирают себе, как собирали, малыми суммами, и это было нормально. А теперь возникли спонсоры. А если эти спонсоры, они же доноры, – воры? Или их пожертвования – это оплата заказа на конкурентов?

В нормальной стране это полная катастрофа репутации. Здесь же это огромный шаг вперед, потому что, наконец, пошла элита. В бой пошла элита. А я спрашиваю: «Она с какого бодуна-то в бой пошла?» Она переродилась, да? Из Савла – в Павла? В ней проснулось моральное чувство? Тьфу! Вы мне эти сказки-то не рассказывайте! Она пошла в бой, потому что она знает, что «можно».

¹⁴ http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/281683/16_druzej Navalnogo

Если я прав, и, действительно, потоки «активистов» хлынули в иностранные лагеря, где их будут тренировать иностранные спец...¹⁵ Вы понимаете, что иностранцы деньги просто так не платят? Что они потребуют отработать, и что здесь начнутся эксцессы? Что здесь загорится огонь? Что эти эксцессы будут подпитываться элитой? В этот момент принять решение по поводу вступления в ВТО может человек, которому не только безразличны интересы страны, это может принять только политический самоубийца. Просто человек, которого вдруг обуял демон самоуничтожения, причем – быстрого!

Я предупреждал, что это так и будет, что правительство, пользуясь своими возможностями, начнет взрывать власть (потому что правительство есть выражение либерального клана), будет само наращивать предпосылки протеста, но я не думал, что так быстро. Я считал, что какая-то рациональность есть. Министры, вы понимаете, что вы министры даже не временного правительства, а карточного домика, который снесет ветер. Вам этого так хочется? У вас совсем уже сердце ушло в пятки? Вы уже не можете сказать десяти слов? Депутаты «Единой России», вы приняли безумное решение, ждите момента, когда вас будут выкидывать из окон.

У меня книга была в 2008 году, называлась «Качели». Я тогда сказал, что если нет смыслов, то все рухнет. Потеряем все. Потому что настоящую элиту строят только смыслы. И смыслы же строят связь элиты с народом. Упрощенный вариант – идеология, на самом же деле вопрос идет о гораздо более серьезных вещах – концепции, стратегии, доктрине и так далее. Не будет этого – рухнет все!

Либо надо работать, либо сложить лапки и ждать, пока накроет цунами. Не говорить «А что работать, если все равно все уже решено?» Никогда ничто окончательно не решено.

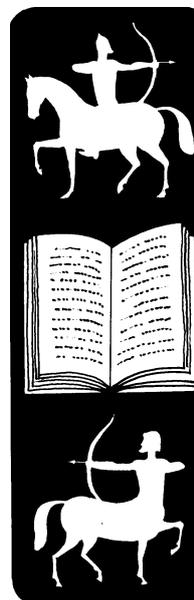
Вы не хотите, чтоб вас оккупировали? Тогда выстраивайте систему гражданского спокойного, корректного и настойчивого противодействия. Иначе начнутся конвульсии и все, что из них вытекает. А вытекает из них чаще всего полный и окончательный конец страны. Потому, что конвульсии будут разнокачественные, разнонаправленные, и всегда найдутся те, кто даже самую благородную энергию протеста превратит в энергию разрушения.

¹⁵ Передача «Гражданин Гордон». Вып.22. 05. 2012.

Каждый знает, что, открывая книгу по истории, он понимает ее, как понимает роман или то, что делают его соседи; иначе говоря, объяснять означает для историка «показать развитие интриги, сделать его понятным». Таково историческое объяснение: все сплошь подлунное... Историк делает интриги понятными. Поскольку речь идет о человеческих интригах, а не, например, геологических драмах, то и мотивы их будут человеческими...

**События интересуют историка
просто потому, что они произошли,
а не как повод для открытия
закономерностей: он максимум
при случае ссылается
на последние; он стремится
открыть неизвестные события
или неведомую сторону событий.**

Поль Вен

Валентина Марьяна

**ЭДВАРД БЕНЕШ:
МЫСЛИ О ДЕМОКРАТИИ**

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

УДК
329.05; 93/94

Edvard Beneš (1884–1948) was the second President of Czech Republic, politician, diplomat and scientist. In 1942 Beneš published book “Democracy Today and Tomorrow” which was translated into many languages already during the World War 2. In this book Beneš characterized democratic regimes that existed in Western Europe in the period between two world wars, disclosed their shortcomings, fundamental causes of their weakness and retreat in the face of totalitarian regimes (Fascism, Nazism) what ultimately brought about the World War 2. Beneš set forth his understanding of directions and ways of the liberal democracy restructuring (improvement) and its conversion into the “modern”, “humane” democracy. Beneš deals with party building and political “leadership” issues as well as issues of the new human person’s upbringing, bureaucracy, corruption, attitude toward religion etc. Many ideas of Beneš and his recommendations seem to be topical for the current phase of the Russian society’s development. The article is a summary of the book by Beneš.

Ключевые слова: Бенеш, демократия; либерализм; фашизм; национал-социализм; коммунизм; перестройка; перерождение; реформирование; модернизация; партийность; бюрократия; демократическая личность; Первая мировая война; Вторая мировая война; Советский Союз; Германия; Франция; Великобритания.

Key words: Beneš; democracy; liberalism; Fascism; Nazism; Communism; restructuring; degeneration; reformation; modernization; party building; bureaucracy; democratic personality; World War 1; World War 2; the Soviet Union; Germany; France; Great Britain.

E-mail: moscow.slav@gmail.com

Кто Вы, д-р Бенеш?

В 1942 году, то есть 70 лет назад, в Лондоне вышла книга Э.Бенеша «Демократия сегодня и завтра»¹. До этого отдельные ее части публиковались на английском языке. Книга сразу привлекла внимание мировой общественности. Еще во время Второй мировой войны она была переведена на множество иностранных языков, в том числе и на китайский. На русском языке книга не издавалась. Лишь в преддверии 110-й годовщины со дня рождения Э.Бенеша была опубликована последняя глава книги в русском переводе, выполненном автором данной статьи².

Хотя российскому читателю, интересующемуся историей Чехословакии и советско (российско)-чехословацких отношений, несомненно, знакомо имя Бенеша, коротко напомним о нем. В середине прошлого века имя Бенеша было широко известно в мире. Крупный государственный деятель, политик и ученый Эдвард Бенеш являлся наряду с Т.Г.Масариком и Р.Штефаником одним из основателей Чехословакии (1918); представлял в течение 30 лет ее интересы сначала (с 1918 г.) в качестве министра иностранных дел, а затем (с декабря 1935 г.) президента республики.

Бенеш получил прекрасное образование, обучаясь в Праге (философский факультет Карлова Университета), Париже (Сорбонна и Свободная школа политических наук), Дижоне (университет), Лондоне и Берлине. Во время пребывания в Западной Европе Бенеш познакомился с различными философскими течениями, а также с социалистическими воззрениями, что повлияло на формирование его взглядов и направлений научной деятельности. Его интересовали национальный и славянский вопросы, проблемы войны и культуры, революции и демократии и особенно рабочего и социалистического движений.

Являясь в годы Первой мировой войны одним из руководителей борьбы против Австро-Венгерской монархии за создание самостоятельного чехословацкого государства, Бенеш проявил недюжинные способности дипломата, организатора и пропагандиста. В качестве министра иностранных дел Чехословацкой республики он был хорошо известен в мире. Будучи сторонником западных демократий, Бенеш содействовал прозападной (прежде всего, профранцузской) внешнеполитической

¹ Beneš E. *Demokracie dnes a zítra*. Londýn, 1942.

² *Вопросы истории*. 1993. №1, 3.

ориентации ЧСР. Но в то же время Чехословакия стала одним из первых государств, признавших советское правительство де-факто и подписавших (1922) временные договоры с Советской Россией и Советской Украиной. Бенеш способствовал признанию Чехословакией СССР де-юре и заключению с ним в 1935 году вслед за Францией договора о взаимопомощи. Бенеш являлся видным политиком европейского и мирового уровня. Он активно участвовал в деятельности Лиги Наций и способствовал принятию в нее Советского Союза. В 1935 году Бенеш возглавлял эту международную организацию, будучи единогласно избран ее председателем.

Занимая высокие государственные посты, Бенеш не прекращал научной и преподавательской деятельности. В 1921 году стал профессором социологии в Карловом университете в Праге. Он являлся действительным и почетным членом многих политических, общественных, творческих и научных обществ и институтов, как национальных, так и зарубежных, в том числе профессором *honoris causa* университетов в Оксфорде, Париже и Страсбурге. Благодаря своей разнообразной политической и научной деятельности Бенеш был популярен в чешском обществе³ и известен мировой общественности. Он являлся учеником и приверженцем идей первого президента ЧСР Т.Г. Масарика, который видел в Бенеше своего преемника.

Эдвард Бенеш

Время пребывания Бенеша на посту президента страны было наполнено драматическими и трагическими событиями:

- расчленение Чехословакии фашистской Германией⁴;
- борьба за восстановление ЧСР (1939–1945) и за утверждение «новой демократии» в стране (1945–1947);

³ В Словакии его не любили из-за проповедуемой им теории «единой чехословацкой нации».

⁴ 30 сентября 1938 г. – известное Мюнхенское соглашение Англии, Франции, Германии и Италии: отторжение Судетской области. 15 марта 1939 г. – оккупация Германией чешских областей и Моравии, создание протектората Богемия и Моравия, включенного в состав «третьего рейха», образование Словацкого государства, вассала гитлеровской Германии.

- крах этих усилий в результате установления коммунистической монополии на власть (февраль 1948 г.)

Сразу после Мюнхена Бенеш ушел с поста президента и эмигрировал из страны, возглавив после марта 1939 г. борьбу за восстановление ЧСР в домюнхенских границах и отстаивая при этом позиции континuitета (преемственности) чехословацкой государственности. После прихода к власти кабинета У.Черчилля Англия признала (июль 1940 г.) Временное чехословацкое эмигрантское правительство, а Бенеша – президентом Чехословакии, пока еще отсутствовавшей на карте Европы. В этом качестве – президент в эмиграции – Бенеш пребывал до конца войны, а после освобождения Чехословакии стал президентом возрожденной страны.

За те три года, что оставались до его кончины, Бенеш стремился, насколько это было в его силах и возможностях, реализовать, с большим или меньшим успехом, идеи «совершенствования демократии». Все это происходило в трудных условиях послевоенного времени и решения первоочередных конкретных задач, связанных с восстановлением хозяйства страны и его переводом на мирные рельсы; урегулированием межнациональных отношений; достижением социального мира и гражданского согласия в обществе.

Намеченные Бенешем и изложенные достаточно полно в книге «Демократия сегодня и завтра»⁵ глубокие преобразования («социализация») всех сфер жизни – политической, социальной и экономической – открывали, как представлялось, перспективы становления «чехословацкого социализма» без насилия и диктатуры пролетариата, характерных для советской страны.

Прорисовывался альтернативный советскому путь к социализму, против чего, казалось, не возражали тогда и чехословацкие коммунисты. Сторонник идеи конвергенции демократии и социализма, то есть взаимовлияния, взаимопроникновения демократии западного типа и социализма советского образца (в нем Бенеш видел и положительные черты), он полагал, что демократические традиции чехословацкого общества станут благодатной почвой для воплощения этих представлений в жизнь. Начавшаяся холодная война, события февраля 1948 года в Чехословакии положили конец начатому «эксперименту» строительства «капитализма с человеческим лицом». Возобновление этой попытки, но уже под другим лозунгом строительства «социализма с человеческим лицом» потерпело крах в августе 1968 г.

⁵ Опубликованная после лондонского издания (1942) также в Праге (1946, 1947).

Что касается внешней политики, то тут Бенеш, особенно в последнее десятилетие своей жизни, то есть после Мюнхена, придерживался курса, который он сам выразил формулой «50% – на Запад, 50% – на Восток, а не 100% – на Запад»⁶. Будучи идейным противником советского строя, Бенеш, трезво мыслящий политик, ясно понимал, что судьба стран Центральной и Восточной Европы тесно связана с Советским Союзом. Прежде всего, ввиду их географического положения, а также потому, что, кроме емкого рынка, их восточный сосед обладает и мощными ресурсами, особенно энергетическими. Вместе с тем Бенеш опасался идейного влияния СССР и всеми доступными ему «мирными» средствами стремился не допустить этого. Однако ни его способностей, ни его возможностей оказалось недостаточно, чтобы сохранить в Чехословакии баланс противоборствующих политических сил и не допустить перевеса леворадикальных группировок, представленных коммунистами и левыми социал-демократами, стремившимися к полному овладению властью. Признав, что его идеи потерпели фиаско, и поняв, что Запад не собирается вмешиваться во внутривнутриполитические чехословацкие проблемы, не желая прямой конфронтации с Советским Союзом, Бенеш подал в отставку с поста президента. В это время перенесший несколько инсультов он был уже тяжело больным человеком. В 64 года Бенеш ушел из политики, которая являлась для него и увлекательной работой, и хобби. Он не смог построить в Чехословакии, своем любимом детище, строй, именуемый им «социализирующей демократией». Делать в этой жизни, как ему, вероятно, казалось, больше было нечего, и он ушел из нее спустя три месяца после отставки. Прожив сравнительно недолго, Бенеш как бы подтвердил собственный вывод о том, что политики-демократы физически исчерпывают себя быстрее и уходят из жизни раньше, чем политики-автократы. Похороны Бенеша собрали многотысячные демонстрации, которые новая власть оценила как происки реакционных сил, не желающих мириться с поражением в феврале 1948 г.

Бенеш считал себя политиком-демократом. Он был склонен к переговорам, диалогу и компромиссу во имя достижения соглашения на бескровной основе, предотвращения конфронтации как во внутренних, так и в международных делах; он отвергал насильственные революционные методы преобразования общества и высказывался за эволюционный путь его развития. Этот путь («революция посредством эволюции»), как известно, требует больше времени, но Бенеш надеялся, что

⁶ *Dokumenty z historie československé politiky. Pr., 1966. Díl 1. S.361, 362.*

после кровавой войны мир может быть длительным и союзникам удастся избежать конфронтации. Он считал: «Ничего не может быть более опасным для мира после общей победы, чем возможность того, что великие державы и другие демократические нации, сражающиеся сейчас вместе против Германии, не смогут сохранить своего союза». Не смогли! И Бенеш стал свидетелем все более нараставшего противостояния между Западом и СССР и начала холодной войны, активно противиться чему он уже был не в силах.

Одним из актуальных и сегодня направлений исследований Бенеша являлся славянский вопрос, вопрос о взаимоотношениях славянских народов, о славянской взаимности. В конце войны он полагал, «что, если славяне, борясь против внутренних и внешних фашистов, извлекли достаточные уроки, чтобы создать подлинно демократические режимы, если они предпримут радикальные действия для разрешения внутренних политических, социальных и экономических проблем, они настолько сплотятся, что смогут разрешить конфликты, которые до сих пор разделяли их. Игнорируя прошлое, игнорируя национальный престиж, притязания, прежнее национальное соперничество, они автоматически придут к созданию единой международной политики после войны... Это не значит, что славянские государства должны отказаться от независимости и создать прочный блок. Наоборот, каждое из них должно вести собственную независимую национальную политическую жизнь с собственными демократическими институтами... После войны славянские народы, если они действительно понимают историческое значение происходящих сегодня великих событий, смогут добиться политического и национального освобождения и смогут гарантировать закрепление его с помощью сотрудничества. Такое сотрудничество определит собой новый период их национальной эволюции. Сотрудничество будет соответствовать не только их собственным интересам, но будет полезно и для всей Европы»⁷. Жизнь показала неоправданность этих представлений Бенеша, но он был искренним в своем желании видеть славянский мир в будущем именно таким.

Не сбылись, не осуществились многие надежды, желания, идеи Бенеша. Его любимое детище – Чехословацкая республика – дважды в XX веке исчезало с карты Европы: временно в 1939 году и, по всей видимости, окончательно в 1993 году. Идеи, которые отстаивал Бенеш и которые стремился реализовать, потерпели крах, его планы строительства новой, «гуманной демократии» в Чехословакии рухнули. Как политик и

⁷ Бенеш Э. Новая славянская политика // Правда. 1944. 24 апреля. С.3–4.

государственный деятель, он потерпел фиаско. Это была трагедия, трагедия человека, который сам называл себя «идеалистическим реалистом». Возможно, для реализации многих его начинаний и идей еще не пришло время. Они оказались либо непонятыми, либо неосуществимыми в конкретных условиях середины XX века.

После установления коммунистического режима имя второго президента Чехословакии Эдварда Бенеша, рассматриваемое через призму классового подхода, подверглось очернительству и, по существу, на долгие годы было предано забвению. Но в последние двадцать лет в Чешской республике многое сделано, чтобы извлечь имя Бенеша из Леты и оценить его несомненные заслуги перед страной, причины неудач и политических просчетов. О нем написаны монографии, десятки, а может, и сотни статей⁸. Опубликованы мемуары Бенеша⁹, многие его выступления, документы, связанные с деятельностью и личной жизнью президента, воспоминания о нем¹⁰.

⁸ См., например: Havlíček F. *Edvard Beneš – člověk, sociolog, politik*. Pr., 1991; Kaplan K. *Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce. 1948*. Pr., 1993; Ort A. *Dr. Edvard Beneš – evropský politik*. Pr., 1993; Simmons M. *Nesmělý prezident*. Pr., 1993 (перевод с лондонского издания 1991 года); Zeman Z., Klimeš A. *The Life of Edvard Benes 1884–1948: Czechoslovakia in Peace and War*. Oxford, 1997; Kuklík J. *Mýty a realita tzv. Benešových dekretů: Dekrety prezidenta republiky 1940–1945*. Pr., 2002; Zeman Z. *Edvard Beneš. Politický životopis*. Pr., 2002; Kuklík J., Němeček J. *Proti Benešovi!: Česká a slovenská protibenešovská opozice v Londýně 1939–1945*. Pr., 2004; Dejmek J. *Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata*. Pr., 2006–2008. Díl 1. *Revolucionar a diplomat (1884–1935)*; Díl 2. *Prezident Republiky a veduce národního odboje (1936–1948)*.

⁹ Beneš E. *Paměti 1938–1945*. Pr., 2008. Sv. 1–3.

¹⁰ Beneš E. *Nezveřejněné projevy prezidenta Beneše: Rok 1946*. Pr., 1995. Díl 1–2; *Idem. Odsun němců z Československa. Výbor z Paměti, projevů a dokumentů. 1940–1947*. Pr., 1996; *Idem. Vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války*. Pr., 1996; Beneš E., Benešová H. *Listy důvěrné: Vzájemná korespondence Hany a Edvarda Benešových*. Pr., 1996; Pecháček J. *Masaryk, Beneš, Hrad: Masarykovy dopisy Benešovi*. Pr., 1996; Smutný J. *Svědectví prezidentova kancléře*. Praha, 1996; Beneš E. *Živý odkaz T.G.Masaryka: Projevy 1937–1947*. Pr., 1997; *Idem. Depeše z padesati zahraničních cest Beneše. 1919–1928*. Pr., 2000; Čapek K. *O Edvardu Benešovi*. Pr., 2000; Beneš E. *Cirkulární telegramy. 1920–1935: Z dokumentů archivu Min. zahraničních věcí České Republiky*. Pr., 2002; *Prezident Beneš v letech 1935–1938: studie a edice dokumentů*. Pr., 2008.

В Праге функционирует «Общество Эдварда Бенеша», основанное в 1990 году¹¹; председателем с апреля 1991 г. является профессор Карлова Университета доктор наук Вера Оливова. Деятельность Общества направлена на изучение наследия Бенеша. Оно организует публичные чтения, выпускает свой информационный Бюллетень, издает документы и специальные исторические исследования, посвященные политической деятельности Бенеша и его научным взглядам. В 2005 году на Лоретанской площади в Праге установили памятник второму президенту ЧСР. Вилла Сезимово Усти, где он любил бывать в свободное от государственных дел время, где он провел свои последние дни и на территории которой находится его могила, превращена в музей Бенеша.

В день 60-летия смерти Бенеша, 3 сентября 2008 г., президент Чешской республики Вацлав Клаус сказал: «...сегодняшний день убеждает нас в том, что он кое-чего смог достичь... Он должен остаться в нашей памяти как великий государственный муж, во времена которого хотя бы два десятилетия мы оставались независимым государством»¹². Но таким ли уж независимым? Здесь есть о чем подумать. Речь, вероятно, можно вести лишь о формах и степени зависимости небольшого центрально-европейского государства от западноевропейских держав. И Бенеш, по всей вилмости, это прекрасно понимал, хотя прилагал максимальные усилия для обеспечения фактической независимости своей страны.

**Политическое кредо
Бенеша**

Книга Бенеша «Демократия сегодня и завтра» дает достаточно полное представление об авторе как политике и ученом. Чешский историк Ян Кржен назвал ее в свое время «политическим кредо Бенеша»¹³. Советский читатель с книгой знаком не был: значительную часть послевоенного времени она была спрятана в спецхране, поскольку содержащиеся в ней идеи находились в явном противоречии с принципами «социалистической

¹¹ Оно является наследником «Института политических и социальных исследований д-ра Бенеша» (*Ústav Dr. Beneše pro politické a socialní studium*), существовавшего в Лондоне (1950–1964) под руководством бывшего начальника канцелярии президента в эмиграции Яромира Смутного.

¹² Радиогазета. 2008. 3 сентября. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/vspominaya-vtorogo-prezidenta-chexoslovakii-edvarda-benешa>

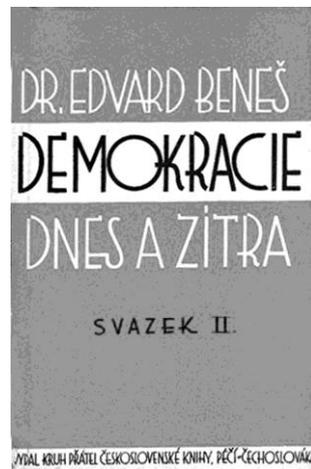
¹³ Křen J. Dr. Beneš za války // *Československý časopis historický*. 1965. №6. S.800.

демократии», являвшей собой, как нас убеждали, «высший тип демократии». Думается, в наших сегодняшних условиях, когда не прекращаются споры о том, что такое демократия, как, в каком направлении ей следует развиваться, каковы сильные и слабые стороны этого строя, книга весьма актуальна, а идеи Бенеша могут оказаться и практически полезными.

Труд состоит из двух частей, первая из которых – это лекции, прочитанные Бенешем в Чикагском университете в феврале–мае 1939 г. Они посвящены идейно-политическому развитию европейских стран после Первой мировой войны, анализу слабостей, недостатков и ошибок либеральной демократии, приведших к ее отступлению перед фашизмом, а также созданию и деятельности Лиги Наций, причинам недостаточной эффективности ее функционирования. Разбираются, кроме того, антидемократические идеологии – теории фашизма и национал-социализма. Вторая часть книги – размышления о послевоенном будущем Европы и направлениях совершенствования предвоенных демократических режимов.

Одной из важнейших задач, которые должны быть решены после Второй мировой войны, Бенеш считал «перерождение, преобразование и перестройку самой демократии». Предвоенная буржуазная демократия, согласно Бенешу, имела много «серьезных недостатков и в некоторых странах несла существенную вину за установление тоталитарных диктатур. Она должна реформироваться и вообще полностью переродиться». Демократия, как полагал автор, должна будет систематически и последовательно переноситься из сферы политики в социальную и экономическую сферы.

В 1942 году, когда Бенеш излагал свою концепцию послевоенного демократического устройства Европы и мира, он считал преждевременным говорить о его подробностях и высказал лишь несколько общих принципов. «Новая послевоенная европейская организация, – полагал он, – должна отличаться, прежде всего, более прочным всеобщим европейским равновесием». Последнее должно быть основано на выравнивании политических и экономических сил нескольких более крупных

политических образований, создаваемых отдельными государствами¹⁴. Конкретно это должно было выглядеть примерно следующим образом:

- 1) Блок западноевропейский (Великобритания и Франция + Бельгия и Голландия);
- 2) Германия, внутренне децентрализованная и представляющая собой свободную конфедерацию земель;
- 3) Италия, значительно ослабленная «в любом случае в Африке и на Средиземноморье»;
- 4) Реорганизованная центральная Европа, ядром которой мог бы стать чехословацко-польский альянс или конфедерация, опирающаяся на чехословацко-польско-советское сотрудничество и имеющая целью воспрепятствовать «Дранг нах Остен»¹⁵;
- 5) Балканский блок, который смог бы объединить в какой-либо форме Югославию, Грецию, Албанию и, возможно, Румынию;
- 6) Советский Союз, который в отличие от различных планов (например, так называемой Пан-Европы¹⁶) должен стать составной частью организации и сообщества новых европейских блоков. Огромным недостатком европейского политического статуса после Первой мировой войны, считал Бенеш, являлось то, что Советский Союз был слишком поздно (только в 1934 г., когда он был принят в Лигу Наций) привлечен к его защите. «Тем самым Советские волей-неволей чувствовали себя изолированными

¹⁴ Beneš E. *Demokracie dnes a zítra*. S.166–168. – Далее ссылки на эту книгу даются в тексте.

¹⁵ Об этом проекте см. подробнее: Марьина В.В. Э.Бенеш: между Лондоном и Москвой. От проекта чехословацко-польской конфедерации к идее советско-чехословацкого договора 1943 г. // *Россия XXI*. 2008. №3. С.112–141; №4. С.116–149; Её же. *Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг.* М., 2009. Кн.2. 1941–1945 гг. С.101–148.

¹⁶ Панъевропейский союз – общественно-политическое движение, возникшее в 1920-х годах. Свою задачу Союз видел в европейской интеграции, политическом и экономическом объединении народов Европы на равноправной демократической основе и на базе общих для европейцев христианских ценностей. До начала Второй мировой войны состоялось четыре панъевропейских конгресса. Для сторонников движения характерно резкое неприятие не только идей фашизма и национал-социализма, но также социализма и коммунизма, отвержение СССР (России) как возможного члена содружества европейских народов. Союз существует до сего времени. Его организации есть в 26 европейских странах.

и находящимися под угрозой». «Русский европейский континент, – писал Бенеш, – географически и политически, безусловно, относится к Европе, так же, как к ней относятся Британские острова. Это научный и политический факт». Включение России в сообщество новых политических образований необходимо для поддержания равновесия сил в Европе;

- 7) На севере Европы – скандинавское сотрудничество (в договоренности с Великобританией и Россией) [S.167–168].

Сначала, как полагал Бенеш, должны срастись в крепкие блоки те государства, которые друг к другу наиболее близки. «Я верю более в органический рост от малого к большому (хотя он будет по необходимости достаточно медленным), чем в создание крупного блока, в котором бы преждевременно объединились члены, не имеющие еще возможности узнать друг друга и сжиться» [S.173]. Но если в чикагских лекциях Бенеш говорил о федеративной Европе – некоем виде Соединенных европейских штатов – как единственном решении, «которое сможет сохранить Европу от элементарного окончательного краха и от морального и материального разрушения» [S.158], то в годы войны эта мысль в столь четкой и конкретной форме им не высказывалась.

Если посмотреть на послевоенную Европу, то, думается, можно обнаружить признаки и тенденции того медленного процесса, который видел Бенеш, веривший в преимущества «органического роста от малого к большому». Тогдашняя ситуация свидетельствовала о складывании на территории Европы больших государственных блоков, правда, в несколько отличных конкретных формах, чем предполагал Бенеш, и сначала с задачами экономического сотрудничества: Парижский (1952) и Римский (1958) договоры, подписанные между Францией, Западной Германией, Италией и странами Бенилюкса. Постепенно прорисовывалась новая политическая карта Европы. Но потом, после распада СССР, «бархатных» и «не бархатных» революций в Восточной Европе, этот процесс чрезвычайно ускорился.

В 1993 году в голландском городке Маастрихт было положено начало Европейскому Союзу (ЕС); был взят курс на трансформацию европейского сообщества в своего рода Соединенные штаты Европы – союз с элементами не только конфедеративного, но и федеративного устройства. Возникло государственное объединение с общей линией во внешней политике, обороне, экономике, социальной, правовой и других сферах. На Востоке Европы после распада Советского Союза складывалось Содружество независимых государств (СНГ), ядром которого являлись три славянские страны – Россия, Белоруссия и Украина. Европейский

союз, который в настоящее время объединяет 27 стран, представлялся до недавнего времени стабильным и прочным объединением. Но не слишком ли быстро шел процесс организации Союза, который обзавелся и единой валютой в виде евро? Можно ли было продумать и просчитать заранее последствия такого достаточно скорого объединения совершенно непохожих друг на друга стран? Не слишком ли отличающиеся по размерам и мощи страны, с разными экономическими потенциалами, разными культурными традициями и менталитетом, оказались членами ЕС? Не слишком ли громоздким и трудно управляемым он оказался?

Во всяком случае, «мира» и стабильности в рамках этого объединения, особенно в последние годы, не наблюдается, появилось много с трудом решаемых проблем. Возникла напряженность во взаимоотношениях «севера» и «юга» Союза. Так и не вступил в силу подписанный (2004) Договор о конституции ЕС, который призван был способствовать появлению общеевропейского самосознания и сделать ЕС моделью нового мироздания. Конституцию заменил так называемый Лиссабонский договор, нацеленный на реформирование системы управления ЕС. Зашаталась и ось Союза, единодействие Франции и Германии, что грозит новыми осложнениями в еврозоне. В общем, Евросоюз лихорадит. Стабильностью не отличается и другое государственное образование, СНГ, между членами которого также существует масса противоречий, обусловленных как экономическими причинами, так и амбициями правящих элит. Но, может быть, это все «детские болезни» роста ЕС и СНГ, которые со временем будут преодолены? Будущее покажет.

Бенеш настаивал, что политика должна строиться на научной основе. Но, размышляя о корреляции теории и практики в политике, он утверждал, что теоретические постулаты в практике их претворения не должны доводиться до абсурда. Например, Бенеш задавался следующим вопросом: может ли демократия допустить такую меру свободы одной личности или группы лиц, при которой могла бы возникнуть угроза свободы для других индивидов? Чрезмерный уровень свободы индивида влечет за собой «государственную разруху и анархию», полагал Бенеш, и, наоборот, недостаточная степень индивидуальной свободы ведет к «абсолютизму и тирании». Основываясь на опыте истории, он считал, что «неизбежным следствием в обоих случаях была революция и очевидная безуспешность [жизнедеятельности] того или иного национального или государственного сообщества» [S.117].

При этом Бенеш полагал, что правильное решение вопроса о степени допустимой свободы возможно только в условиях демократии: «Сам

характер и организация демократии таковы, что требуют непрестанной борьбы всех своих граждан за справедливое отношение между индивидами и коллективом. По этой причине всякое политическое развитие человеческого общества практически происходит в направлении все более и более высокого типа демократии. Из политической истории общества явствует, что эта борьба во все времена велась во всех цивилизованных государствах и что, как правило, после периода относительной свободы наступал период либо анархии, либо абсолютизма, после чего следовала опять попытка совершенствования демократии и свободы». «Человек, – по Бенешу, – должен непрестанно бороться за это разумно сбалансированное отношение между коллективизмом и индивидуальной свободой», а это можно делать лишь «при режиме относительной политической свободы, то есть при некоей форме демократии» [S.117].

Интересны размышления о фашистском режиме и о тех идеях, которые заимствованы им у других доктрин: «у либерализма и демократии – отрицательное отношение к принципу классовой борьбы; у социализма и коммунизма – прежде всего, принцип и стремление к социальной справедливости для широких народных масс, осуществление которого передается в руки нации и государства как целого; принимается также в значительной степени расширение экономических и социальных функций государства в смысле этатизма, огосударствления, контроля государства за экономикой и государственного капитализма». Хотя тем самым фашизм, по мнению Бенеша, приближается к некоторым концепциям социализма и коммунизма, принимая и подчеркивая, например, идею «о полном и решительном суверенитете государственного и национального коллектива над индивидуумом, но сути буржуазного общества [теория фашизма] не касается и обобществления средств производства и устранения неограниченной частной прибыли не требует» [S.121–122]. Бенеш подробно разобрал отличия национал-социализма от фашизма, теорию и практику национал-социализма, его отношение к демократии.

Война, по его мнению, должна решить проблемы трех категорий:

- Прежде всего, уничтожение всего того, что «представляет собой в идейном, моральном, политическом и социальном плане нацистский и фашистский тоталитаризм, и восстановление на всем европейском континенте великих духовных и моральных ценностей, олицетворяющих демократический режим».
- Второе – это «*новая политическая организация Европы и мира*» (здесь и далее – курсив автора книги. – В.М.), «конструирование

более справедливого и прочного мира на основе обновленной и усиленной международной демократии и создание, в конце концов, новых международных организаций, которые будут лучшими гарантами и защитниками послевоенного мира», чем Лига Наций. Размышляя о новой системе международной безопасности, Бенеш пришел к выводу, что создание сразу опять широкого механического единства, каким была Лига Наций, «привело бы к тому же невеселому концу, как и первый эксперимент этого рода».

- Наконец, третье – это *«перерождение, изменение и перестройка самой демократии»*: «политическая демократия должна систематически и последовательно переродиться в так называемую социальную и экономическую демократию» [S.159–160].

Перестройка демократии Важнейшей частью книги Бенеша является ее завершающий раздел «Перерождение и будущее послевоенной демократии» [S.180–251].

Свои соображения по этому вопросу он предлагал «для дискуссии и размышления». Вторая мировая война, считал Бенеш, приведет к глубоким политическим, социальным и экономическим изменениям во всем мире и, прежде всего, на европейском континенте, где произойдут не только чисто политические революции, но и глубокие социально-экономические преобразования. Предвоенная либерально-буржуазная демократия, как полагали ее критики, в том числе и Бенеш, была лишена способности эффективно и систематически решать социально-экономические проблемы общества и поэтому подлежала перестройке. Этот близкий нам по недавнему прошлому термин Бенеш употреблял наряду с другими: перерождение, усовершенствование, преобразование, реформирование и т.д.

В связи с появлением преобразенной, по выражению Бенеша, «модерной», демократии, ставился вопрос о ее сосуществовании и сотрудничестве с системой советского социализма. Бенеш считал, что эта система достаточно прочна, коль она выдержала удары гитлеровской военной машины, и в обозримое время не предвидел ее конца. Как уже говорилось, он был приверженцем идеи конвергенции, полагая, что одержавшие победу над фашизмом западные демократии и Советский Союз еще долго (а в это он твердо верил) будут нуждаться друг в друге для залечивания нанесенных войной ран, а следовательно, вынуждены

будут приспособляться друг к другу, заимствуя и перенося на свою почву все лучшее, что есть в каждой из них.

Как он это представлял? «Между обеими социально-политическими системами, – полагал Бенеш, – сотрудничество и сближение возможны и достижимы. В области чистой теории и их философско-социологического базиса необходима взаимная толерантность. В области практического социально-экономического строительства будущего социализирующегося демократического общества демократии должны сделать существенные шаги навстречу советско-социалистической системе; в области политического режима демократической свободы и слома временной диктатуры пролетариата советско-социалистическая система должна сделать весьма существенные и быстрые шаги навстречу системе послевоенной перестроенной демократии» [S.186]. Бенеш верил, что советская система после войны претерпит существенные изменения в направлении демократизации.

Однако история распорядилась иначе: вскоре после войны между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции стала возрастать напряженность, доходившая до конфронтации. В международных отношениях снова стал предпочтителен «культ силы и угроз», с обеих сторон усилилась и продолжалась весь период холодной войны гонка вооружений. В этих условиях вряд ли могла быть реализована идея конвергенции, хотя в период «хрущевской оттепели», а затем в годы советской «перестройки» много говорилось о взаимосвязанности мира (что верно) и взаимовлиянии капиталистической и социалистической систем. При этом чаще всего имелось в виду, что капиталистическая система, развиваясь, заимствовала кое-что важное у советской системы из сферы социальной политики. Возможно, эти политико-публицистические утверждения и были верны, и действительно произошла определенная «социализация западной демократии», но что касается советской системы, то тут вряд ли можно утверждать, что она позаимствовала что-то существенное у Запада, может быть, только в какой-то степени «поп-культуру». Однако следует сказать, что попытки перестройки, реформирования этой системы, предпринятые во второй половине XX века в ряде стран¹⁷, нигде не были доведены до конца, либо пресеченные железной рукой тоталитаризма, либо не выдержав натиска либерализма.

Так что сегодня, когда одна из сосуществовавших некогда систем ушла в прошлое, вряд ли стоит искать рациональное зерно в идее кон-

¹⁷ Венгрия (1956), Чехословакия (1968), Советский Союз (1985–1990).

вергенции, говорить о ее жизненности. Эта идея, которая получила и статус теории, видимо, станет достоянием истории и будет рассматриваться как попытка компромиссного решения вопроса о путях и направлениях прогресса мировой цивилизации. Хотя, кто знает, нынешнее состояние российского общества, тренды его развития, возможно, и дают основание предполагать, что идея конвергенции еще не канула в Лету.

Таким образом, жизнь как будто бы поставила под сомнение представления Бенеша о возможном и желательном «оплодотворении» разных социальных систем. Исходя, как он говорил, с одной стороны, из теоретических рассуждений, с другой, – из практических потребностей, Бенеш выстроил логически довольно стройную и убедительную схему. Однако действительность, как всегда, оказалась гораздо сложнее всяких теоретических построений и если не сломала схему окончательно, то внесла в нее значительные поправки. Бенеш – это признавали и его современники, в том числе и враги, – был неплохим прогнозистом. Но, во-первых, прогноз на полвека – дело чрезвычайно трудное (если автор не астролог), неблагоприятное, а может быть, и невозможное. Во-вторых, создавая свою схему, Бенеш не был глубоко знаком с советской действительностью, не знал ее изнутри досконально, хотя, насколько это было возможно в условиях «железного занавеса», и внимательно следил за внутренними процессами в Советском Союзе. При этом он исходил из общей «марксистско-ленинской теории» и в значительной мере из того образа «Советов», который был создан советской пропагандой. Поэтому Клио не должна чересчур строго судить Бенеша-прогнозиста: ошибки, как свидетельствует история, были свойственны всем, и даже самым крупным политикам.

Являясь сторонником мирного сосуществования и взаимной приспособляемости систем советского социализма и западноевропейской демократии, Бенеш четко определил принципиальное, коренное различие между ними. В первой приоритетна роль государства, в котором человеку отводится лишь роль детали («винтика», по выражению Сталина), необходимой для нормального функционирования государственного организма; во второй главное – человек, свободная личность, индивид, а все остальное вторично, надстроечно (в том числе и государство), призвано служить человеку.

Во имя этого Бенеш и строит планы «модернизации» буржуазной демократии, но не посредством насильственной революции, разрушающей общество до основания и прерывающей связь времен, а путем постепенным, эволюционным, без катастроф и потрясений, используя все

возможности мирного развития, «все формы соглашения и все формы сотрудничества». Бенеш обозначил и общую линию послевоенных социально-экономических преобразований, считая, что именно в этой области они необходимы и целесообразны в целях предотвращения революционных эксцессов. Он вынашивал концепцию смешанной, трехсекторной экономики, где на условиях равноправия могли бы существовать государственные, кооперативные и частные предприятия. Проводимые реформы, по Бенешу, должны были привести к «значительным изменениям существующего общества». Видную роль он отводил государству и планированию хозяйственного развития. Надо сказать, что идея усиления роли государства в экономике не принадлежала Бенешу. В ту пору, когда он создавал свою книгу, эта идея была довольно широко распространена среди экономистов развитых капиталистических стран, и после войны наблюдались повсеместные попытки ее претворения в жизнь. И сегодня эта идея продолжает жить.

Теперь ясно, что послевоенные социально-экономические преобразования в Чехословакии, изображавшиеся прежде как идущие исключительно по программе коммунистов, осуществлялись сначала в направлении, намеченном Бенешем в согласии с ними. Этот тренд преобразований в области промышленности, банковского дела, сельского хозяйства, планирования экономики достаточно четко обозначен им в обозреваемой книге [S.199–203]. Руководство КПЧ в Москве в годы Второй мировой войны тоже занималось разработкой программы будущих реформ, причем общая направленность ведущихся поисков в тот период не шла вразрез с представлениями Бенеша. Это и дало возможность достичь национального консенсуса, идя на взаимные уступки и компромиссы в частности. В 1945–1947 годах такое направление развития именовалось «чехословацкий путь к социализму». Тогда появились также венгерский, польский и другие «пути к социализму», которые назывались «национальными», «специфическими», «особыми» и пр. Другой вопрос, что виделось как цель этого пути Бенешу и коммунистам? Первому – создание общества, альтернативного «демократии в ее так называемой капиталистической фазе», общества усовершенствованной, «модерной», «гуманной» демократии; а вторым – создание общества советского образца, которое в коммунистических кругах того времени считалось высшим типом социалистической демократии.

По глубокому убеждению Бенеша, существовавшая до войны демократическая система должна не только перестраиваться, как система определенных институтов, но качественно должны изменяться и сами люди. «Без нравственного возрождения людей, – полагал Бенеш, – не

будет лучшей демократии». Решение проблемы воспитания нового человека он считал особенно трудным делом [S.160, 209]. Этот новый, «модерный», демократический гражданин, по Бенешу, должен обладать рядом прав и характеризоваться рядом черт, включающих следующее:

- во-первых, свобода мышления, убеждения, религии, веры, как и их свободное проявление, право на национальный язык и культуру, которые должны быть полностью и последовательно уважаемы;
- во-вторых, уважение к правде и вера в нее, уважение к современной науке, как выражению непредубежденной объективности и правды; терпимость, как свидетельство действительной человеческой культуры в вопросах веры и религии, науки и культуры, политических и иных убеждений;
- в-третьих, выполнение данного слова, своих обязательств, заключенных соглашений и договоров, уважение свободно принятых государственных законов и заключенных международных договоров.

Таким образом, в перестройке и обновлении демократии важнейшее место отводилось совершенствованию самого человека, его умению и желанию принять эту организацию общества, руководствоваться ее принципами. Уровень цивилизационной зрелости общества был, по Бенешу, чрезвычайно важным фактором. Анализируя причины краха ряда демократий после Первой мировой войны, он пришел к выводу, что одна из них – неготовность «европейских народов к демократизации Европы» [S.51–55]. Результатом этой неготовности и было возникновение фашистских режимов. Думается, впрочем, точно так же, как неготовность российского общества к восприятию социалистических идей после Первой мировой войны привела к появлению советского тоталитаризма. И в связи с этим встает вопрос, а готовы ли все составные части (страты) бывшего «советского народа» «облечься в демократические одежды»? Не пытаемся ли мы в очередной раз перескочить через необходимые исторические ступени развития: ведь современная демократия – это продукт определенной стадии развития капиталистических отношений. Или опять будем считать, торопя историю, что тут возможно перескакивание через этапы? Современное российское общество находится лишь на пути к демократии, лишь на ее первой ступени, а может, только «занесло ногу» для вступления на нее.

Какие же недостатки в политической жизни европейских демократий в межвоенный период усматривал Бенеш? Он их суммировал следующим образом: «недостаточная вера в собственные принципы и не-

последовательность в их реализации, недостаток гражданской смелости, неприемлемый утилитарный оппортунизм, когда речь заходила об осуществлении демократических принципов, и постоянные попытки достичь невозможного соглашения с фашистскими противниками, классовая, партийная и личная эгоистичность при решении большинства вопросов важного внутреннего и внешнеполитического значения, недостаточность действительного знания конкретных международных проблем и недобросовестность и легкомыслие, с которыми ответственные деятели относились к выработке позиций и принятию важных решений как внутреннего, так и международного плана» [S.204].

С этим связаны и рассуждения Бенеша о демократической политике, которую он рассматривал, «с одной стороны, как настоящую науку и специфический вид научной работы, с другой, – как особый род искусства». «Из всех видов человеческой деятельности, – полагал он, – политика является деятельностью высочайшего социального значения... Политика должна быть наукой и искусством, покоящимся всегда на определенной философии и морали, на определенном философском и нравственном понимании всей жизни как личной, так и общественной» [S.204–205].

Рисуя идеальный образ политика-демократа, Бенеш писал: «Демократический политик не может быть пустым, поверхностным оптимистом или же циничным подхалимом, он не должен быть сторонником обыкновенного макиавеллизма и легкомысленной азартности, он не должен быть демагогом, жаждущим немедленного успеха путем заискивания перед массами и следования за каждой новой и временной волной общественного мнения либо за течением, нацеленным на временные, внезапные или насильственные преобразования; он не должен быть расчетливым человеком или авантюристом, бесхарактерно идущим сегодня туда, завтра сюда ради личной или партийной выгоды или успеха» [S.207]. Демократия в своей повседневной политической практике, по Бенешу, должна базироваться на трех важных факторах: непрестанном и упорном труде демократического руководителя, науке и правде.

Проблемы демократии

Очень интересны и, очевидно, бесполезны для нашего сегодня размышления Бенеша о проблемах партийной олигархии и «вождизма» в демократии. Прежде всего, он считал, что «идеальной демократии нет и никогда не было», что «демократия – это режим, который находится в

постоянном развитии и движении, который постоянно адаптируется к новым условиям, преобразуется и совершенствуется» [S.210]. Свобода в демократических обществах, по Бенешу, не может быть безграничной, «поскольку демократические свободы, будучи использованы, могли бы легко вести, – а часто и вели, – к хаосу, анархии и падению самой демократии».

Наиболее трудной проблемой в демократии Бенеш считал отношение широких народных масс к политическим партиям, к вождям и вообще политическому руководству. Политические партии, являющиеся составной частью всякого демократического режима, требуют большой организационной машины, которой и является партийный аппарат. В конце концов, в каждодневной жизни партии, в том числе и в демократической, согласно Бенешу, почти все существенные вопросы решает ограниченный круг людей – определенного рода олигархия. Точно так же постепенно «олигархизируется» и демократический парламент, который должен был бы быть «прямо символом и полным выражением идеалов чистой демократии». Противники демократии, замечает Бенеш, на основе этого естественного и неизбежного процесса пытаются осудить демократию в принципе, говоря, что, будучи в своей реализации последовательной, она должна превратиться в анархию, в борьбу всех против всех, в борьбу классов, партий и людей не на жизнь, а на смерть и вызвать, в конце концов, угрозу государству и нации вообще. Другим ее результатом, по мнению некоторых, может быть установление олигархического руководства, строгой дисциплины и послушания партий, классов, людей вождям. Однако Бенеш, считавший себя в этом плане оптимистом, полагал, что совершенно излишне «отчаиваться по поводу этого процесса», что эти трудности «неизбежны и сопровождают каждую демократию», но внутренние механизмы ее существования таковы, что, в конце концов, приведут к исправлению возникших антидемократических тенденций.

Много внимания Бенеш уделил проблеме «вождей» в условиях демократии, их личных качеств, взаимоотношений с массами, подчеркивая необходимость воспитания как у первых, так и у вторых готовности к восприятию демократии. Чрезвычайно интересны его характеристики, касающиеся личности демократических и авторитарных вождей. Первые – это люди, склонные к всестороннему анализу и научному, точному мышлению. Они долго изучают вопросы, прежде чем начать действовать. Из-за этого руководители-демократы находятся в постоянной опасности быть нерешительными, недостаточно деятельными, неэффективными. Их положение, по Бенешу, гораздо более трудное, чем вождей

авторитарного склада, которые, ведомые своей «интуицией, сознанием своего могущества, своей склонностью к авантюризму, азарту и риску игрока, могут безоглядно принимать быстрые и окончательные решения, деятельны, скоры на руку, решительны и в своей деятельности весьма эффективны».

Личными качествами вождей авторитарных государств являются насилие, жестокость, свойственная игроку безрассудность, риск и циничный макиавеллизм. Это всегда люди действия, а не раздумывающие и рассуждающие. Это обычно люди, которые решают немедленно, быстро и театрално, не принимая во внимание советы других и очень часто без учета исторических фактов и реалий. Это почти всегда авантюристы без щепетильности, циничные, честолюбивые, эгоцентричные, эмоциональные и аморальные. Очень часто это люди, физически или душевно ненормальные [S.217]. Как писал Бенеш, его обобщения основаны на собственном опыте общения со многими политическими деятелями, личных наблюдениях и раздумьях.

«Дело крупных вождей демократии, – заключает Бенеш, – всегда поκειται на солидной основе. Дело диктаторов всегда чрезмерно поспешно, временно и ненормально. После них, как правило, наступает упадок и хаос. А потом – сокрушение их дела непримиримыми противниками так же быстро, как это дело возникло». Этот вывод во всех уголках мира подтверждается событиями, последовавшими за крахом диктаторских режимов.

Почти каждый действительно демократический руководитель, полагал Бенеш, «должен пережить период всеобщей непопулярности. Очень часто демократический руководитель бывает осужден на то, чтобы стать окончательно непопулярным и уйти в отставку... Это всегда один из величайших экзаменов для государственного деятеля, когда демократический руководитель должен принять решение о том, следует ли ему и когда следует уйти. По этому всегда можно судить о его нравственном величии, его умственных данных и его душевной устойчивости. Таких, которые способны это сделать, немного... Но я упрекаю демократические политические режимы в том, что они обычно не способны как следует и достойно позаботиться об уходящих политиках» [S.218].

Однако, в понимании Бенеша, демократический политический руководитель, если он хочет добиться успеха, должен обладать также некоторыми чертами, свойственными, как правило, авторитарным руководителям: «Он не может быть только образованным интеллектуалом – в политической области наиболее образованные типичные интеллигенты показывали себя как совершенно неспособные или бесплодные, – а

должен быть также человеком быстрых решений, действий, отваги, интуиции и здорового инстинкта. В своей личности демократический руководитель должен был бы объединить в гармоническом синтезе огромную интеллектуальную культуру и научную эрудицию с быстрой интуицией и инстинктом, глубину мышления с быстротой принятия решений и решительными действиями, физическую и душевную отвагу с нравственным совершенством» [S.219].

Как это видно, Бенеш предъявлял очень высокие требования к руководителю-демократу, и если взглянуть под этим углом зрения на многих государственных лидеров XX века, считавших себя таковыми, то вряд ли кто из них будет соответствовать этим характеристикам. Однако надо учитывать, во-первых, что Бенеш создал собирательный, идеальный образ «современного демократического лидера» и сам же говорил, что людей, обладающих всеми указанными им качествами, очень немного, а во-вторых, сам Бенеш, а он считал себя демократическим руководителем, полностью не соответствовал его же характеристике. Наконец, если говорить о недавно возникших демократиях, то следует помнить об их «младенческом возрасте», их несовершенстве, трудном освобождении от пут тоталитаризма (авторитаризма) и его методов. Общество и личность не могут быть свободны друг от друга, они взаимосвязаны и взаимозависимы. Больное тоталитаризмом общество не способно сформировать демократическую личность, в том числе и руководящую. Те, кому было доверено стать у власти в государствах, возникших на развалинах СССР и социалистического лагеря, в одних случаях являлись антикоммунистами, а в других – коммунистами, пытавшимися (очень часто и искренне) натянуть на себя тогу демократа, окрашенную, как правило, в национальные, а то и в националистические цвета, – не более того. Истинные руководители-демократы, вставшие на путь приближения к идеалу, начертанному Бенешем, должны появиться по мере развития молодых демократий.

Размышляя о политических аспектах совершенствования демократии, Бенеш касается вопроса о политических партиях, что также представляется весьма интересным для нашего сегодня. Демократия, пишет он, «в своей политической организации является противником двух крайностей; анархистского хаоса без общественного авторитета, с одной стороны, и тоталитаризма, сопровождаемого подавлением индивидуальной свободы, – с другой» [S.220]. По мнению Бенеша, «в определенном смысле политическая партия – это необходимое зло. Настоящие демократы сознают и должны сознавать отрицательные свойства и склонности политических партий так же, как они должны сознавать то,

что политические партии просто необходимы для гражданской свободы и демократии». Признавая необходимость их существования, считал Бенеш, надо политически действовать так, чтобы «исходящее от них зло ограничить до минимума» [S.221]. «Жизнь политической партии – это борьба... партия, если она хочет осуществить свои главные требования, должна стремиться к власти и правлению, а если уж она получила власть, то она имеет склонность использовать эту полученную власть как можно более полно. Это означает, что она имеет постоянную склонность быть беспощадной, абсолютистской и почти деспотической по отношению к другим». Но, подчеркивает Бенеш, «чем более беспощадной будет партия в использовании власти, тем быстрее может расти сопротивление других партий, значит, и опасность для самой партии быть лишенной власти».

Бенеш указывает на необъективность позиций, действий, оценок добившейся преимущественного положения партии. В качестве одного из видов партийной необъективности он приводит «ужасно быстрое забвение недостатков и плохих деяний противников, как только они по тем или иным мотивам сближаются с этой партией. Из политической практики известно, что возникали самые невероятные альянсы и коалиции политических партий, которые перед этим точили друг на друга ножи и которые после развала коалиции становились еще более рьяными противниками» [S.222]. Дух партийности «вторгается в каждый спор и туда, где его никто не ожидает: в науку, искусство, общественное управление, судебное дело, частные учреждения и службы и т.д. и т.д. Это один из сильнейших пороков партизации вообще» [S.223].

Как антидемократическое явление рассматривает Бенеш феномен «партийной психологии». Большую роль в ее формировании и отношении к партиям масс он отводит печати, которую считает «самым страшным оружием в партийной политической борьбе» (а что же говорить тогда о телевидении, Интернете, которых во времена Бенеша не было?). «Лживые сообщения, наихудшие обвинения, безоглядная критика, науськивающая агитация – все эти приемы, используемые в межпартийной борьбе», по мнению Бенеша, приводят к тому, что для большей части общества все «идеалы кажутся надуманными, вымышленными, лицемерными». «Народные массы утрачивают веру в правду, честность и честь... и проявляют тенденцию осудить все партии и всех политиков без различия... Никому не верят и о хороших, и о плохих политиках выносят обобщенный приговор: все одинаковы... Возникают личные клики, целью которых является крушить все то, что сделал противник. Тем самым создается раздробленность всего национального организма,

подпитываемая постоянными противоречиями и партийной и личной заинтересованностью». Возникшие группировки «бойкотируют друг друга в области искусства, науки, экономики... в общественной жизни. Один гражданин смотрит на другого лишь косо и оценивает его только с точки зрения своей партийности» [S.224–226].

Весьма точно эти наблюдения Бенеша ложатся на наше сегодняшнее общество, раздираемое на части различного рода системными и внесистемными оппозиционерами, реакционерами, консерваторами, демократами, социалистами, коммунистами, монархистами, националистами и так далее и тому подобное! Думается, что возникающие у нас многочисленные партии отличаются друг от друга лишь степенью демагогии, степенью популизма, что они паразитируют на интересах людей, которые с большой подозрительностью стали относиться к политике, партиям и их лидерам.

И неудивительно, считал Бенеш, что возникают протесты против такой демократии и воспеваются старые добрые времена¹⁸ или прославляются разные «фашизмы» и «тоталитаризмы», которые, маскируя свои собственные страшные недостатки и пороки, вызывают у простых людей впечатление, что только путем подавления гражданской свободы можно сразу устранить из политической жизни «все свойственное ей зло» [S.226–227].

Как должна выйти демократия из этой парадоксальной ситуации: партии – зло из-за своей антидемократической психологии и партии – гарант политической свободы вообще? Считая, что все особенности политических партий являются «лишь увеличенным отражением личного эгоизма каждого человека», Бенеш приходит к выводу, что «демократия – это не только вопрос более совершенных демократических институтов, но, прежде всего, вопрос более совершенного демократического человека. Не политическая партия как таковая является злом, а непосредственные и незрелые, невоспитанные и недемократические граждане и их вожди». «Каждый гражданин, – пишет он, – пусть критикует, прежде всего, себя как члена партии и свою собственную партию как одного из возможных грешников против демократии!» Политические партии, по мнению Бенеша, являются «лишь фактором относительной ценности по отношению к своему более высокому целому – государству

¹⁸ *А в нашем случае, времена сталинизма, хрущевской «оттепели», брежневского «застоя».*

и нации, и, следовательно, все, что они делают, должно быть подчинено интересам этого целого» [S.229].

Сколько партий должно быть в государстве? И этот вопрос Бенеш подверг рассмотрению. «Сегодня, – писал он, – можно создать политическую партию на основе какой угодно программы и кому угодно... Каких только удивительных и смешных партий не было создано во имя демократической свободы!»¹⁹ Однако Бенеш полагал, что средство оздоровления демократии – ограничение числа политических партий и послевоенные «модерные» демократии должны иметь минимальное их число. Это не было бы, по его мнению, «нарушением демократической политической свободы: это было бы демократическим решением ограничить свою собственную свободу в интересах государственного целого».

«Созданием эфемерных политических партий, – по мнению Бенеша, – ...общественная политическая жизнь лишь атомизировалась, и делалось это лишь для того, чтобы означить временную оппозиционность по отношению к какой-либо партии или же к тому или иному руководителю и чтобы удовлетворить тщеславие или личные интересы одного или нескольких других политиков. Часто также создание новых партий поддерживалось лишь для того, чтобы раскололась сильная враждебная партия».

Для успешного функционирования парламентской системы, считал Бенеш, могут быть созданы две, максимально три партии: партия так называемой «левицы» и так называемой «правицы», возможно, партия центра. Все идейные потребности, интересы и программы отдельных социальных слоев и групп могут быть реализованы в рамках этих партий, – считал он. «Такая система существует во всех англосаксонских демократиях, и опыт показал, что это были и наиболее прочные, и наиболее зрелые демократии» [S.233–235]. Такой вариант Бенеш предлагал коммунистам в 1943 году и позднее, но они не согласились, опасаясь растворения своей партии в более широком политическом образовании и возможности снижения или утраты своего влияния.

Что касается начал государственного устройства, то тут Бенеш руководствовался бесспорным для него принципом разделения властей – законодательной, исполнительной и судебной, уделяя при этом большое внимание вопросам децентрализации управления. Тут он, несомненно,

¹⁹ *Сегодняшняя российская партийно-политическая жизнь могла бы дать тому немало примеров.*

старался исправить ошибки довоенной чехословацкой демократии. Бенеш полагал, что в основе демократии должен лежать «достаточный учет местных и региональных потребностей населения и правильная комбинация необходимой степени государственного единства и необходимой степени локальной свободы» [S.245–246]. Проблему централизации и децентрализации Бенеш называл одной из важнейших трудностей всякого демократического режима. И, очевидно, во сто крат более трудной она оказалась для обществ, находящихся на стадии перехода от тоталитаризма к демократии, переживающих период ее становления.

Проблема эта весьма волновала Бенеша, поскольку сепаратистские движения в 1938–1939 годах сыграли немалую роль в распаде Чехословакии как единого государства. Разбирая вопрос о централизации и децентрализации, он в значительной мере исходил из опыта своей страны, но, как представляется, имеющего и общее значение. Демократия, акцентирующая свободу убеждений и собраний, – пишет Бенеш, – ведет весьма легко к сепаратистским, автономистским или центробежным тенденциям, что приводит часто к развалу государства и национальной общности «во имя свободы и вольности». «Сторонники жесткой централизованной власти при демократических режимах... совершенно излишним подчеркиванием централизации и преувеличивая в своей агитации опасности демократической автономизации государственного управления и власти, не способны никогда найти правильный синтез степени государственного единства и государственной децентрализации». И далее: «Умение познать и правильно понять, когда и как осуществить одну или другую форму большей или меньшей централизации либо децентрализации, установить, какая из них в том или ином государстве наилучшим образом отвечает соответствующей стадии развития нации, территории, экономики, культуры и т.д., и является как раз признаком, с одной стороны, действительно государственного подхода, с другой, – безошибочным показателем зрелости той или иной демократии» [S.245–246].

Демократия заинтересована в том, – считал Бенеш, – чтобы «централизация не была превышена. Жесткая централизация – это первое и основное условие каждой диктатуры». Вместе с тем «децентрализация не должна означать ослабления государства, если она правильно и разумно осуществляется. Наоборот, она может служить усилению единства государства» [S.247]. «Законом всякой внешней и военной политики, по Бенешу, является обнаружение в каждом враждебном государстве, прежде всего, центробежных и подрывающих его сил, их использование, содействие их увеличению, их поддержка и подрыв, таким образом,

государства изнутри ранее, чем будет нанесен удар извне с помощью силы» [S.246]. «Ни одно государство... – пишет он, – не приступит к осуществлению широкой децентрализации, если оно находится под угрозой сепаратистских движений и устремлений. Если оно находится под угрозой потери части своей территории в результате добровольной децентрализации в пользу тех, кто к ней стремится, то никто на свете его к добровольной децентрализации не принудит». Условием успешной государственной децентрализации при демократии, по мысли Бенеша, является «определенный, достаточно высокий уровень политической зрелости и воспитания народа и, прежде всего, его руководителей. Иначе децентрализация не будет иметь успеха. А прежние децентрализаторы затем или быстро превращаются в централизаторов или же идут еще дальше к сепаратизму и прямо к катастрофе либо всего своего государства, либо своей меньшей локальной родины» [S.248].

Особое внимание Бенеша привлекает и проблема бюрократии, точнее, ее места в обновленном демократическом обществе. Он дает очень меткие и общезначимые характеристики этому управленческому слою, без которого не может обойтись ни одно государство, подчеркивает трудности приспособления этой страты к условиям новой, усовершенствованной демократии. Обозначая черты «демократической бюрократии», Бенеш утверждает: «Каждый человек, который хочет служить демократическому государству, должен быть убежденным, преданным, вдохновенным и искренним демократом, образованным, понимающим свои демократические задачи и хорошо знающим историю развития демократии».

Подчеркивая сложность и длительность этого процесса, Бенеш отмечает такие черты существующей бюрократии, как «склонность к консерватизму и даже реакционности, ведущая к тому, что бюрократия бывает при демократических режимах, как правило, одним из главных препятствий более быстрого развития, выступая против всех преобразований, новых отношений и новых идей, которые лишают ее свойственных ей традиций, выбивают из наезженной колеи, из ее рутины». «Бюрократия – продолжает он, – всюду и всегда не любит думать, лишена духа инициативы, не любит выбиваться из своего ежедневного распорядка». «Чиновник должен быть не господином, а преданным слугой общества, – полагал Бенеш. – Кто им не сможет стать, тому нет места в государственном аппарате. Он здесь – для гражданина, а не гражданин – для него. Он должен стоять на страже государства и общественного блага, но не должен выдавать себя за государство, выступать или входить в роль, как будто он сам и является государством». При новой

демократии «потребуется настоящая революция в нынешней жизни, взглядах, работе, методах демократического чиновничества» [S.249–250].

Самым большим бедствием бюрократии, по Бенешу, всегда была коррупция. Демократический режим жизненно заинтересован в чистой, честной бюрократии. Особенно остра проблема коррупции в менее развитых государствах: «Нет демократии и не может быть настоящей демократии там, где нет честной бюрократии». Никаких рецептов избавления от коррупции Бенеш не давал, но из всего вышесказанного логически вытекает, что он считал избавление от нее длительным процессом, связанным с демократизацией общества и воспитанием нового гражданина-демократа. Говоря о политизации бюрократии, Бенеш рассматривает нежелательные последствия этого явления.

Завершая книгу, Бенеш снова подчеркивает, что он демократ, предпочитающий эту систему всем другим, поскольку человек для нее является абсолютной ценностью. Именно поэтому он называет развитую политически, социально и экономически демократию гуманной демократией, то есть системой, «которая совершенствование общества считает возможным, прежде всего, через совершенствование человека как человеческой личности». Бенеш полагал, что эта система должна вобрать в себя все лучшее из других систем: либерализма, реформаторского социализма и коммунизма. Это происходит «путем ежедневной практики, перенимания опыта по мере необходимости и эволюционным путем... Демократия – эволюционистична». Бенеш подчеркивает, что демократическая система всегда будет уважать религию, культ и церковь. «И особенно христианство как религиозная система в своей идейной и нравственной основе полностью совместимо с демократией» [S.252–253].

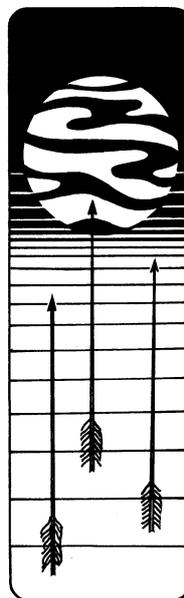
Бенеш не претендовал на абсолютную правильность и безгрешность своей концепции, предлагал ее для дискуссий и размышлений. В то же время, будучи не только теоретиком, но и практиком, государственным деятелем, президентом Чехословакии, он стремился, насколько это, конечно, было возможно, после войны воплотить свои идеи в жизнь.

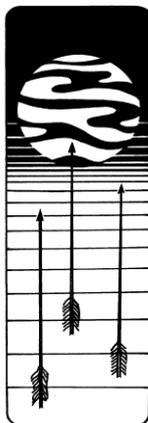
Не зависит ли гениальность
от совершенства живого воспоминания?
Ибо благодаря лишь воспоминанию,
связывающему отдельные события жизни
в стройное целое, возможно более
широкое и глубокое разумение жизни,
чем то, которым обладают обыкновенные
люди.

Артур Шопенгауэр

**Лучший способ запомнить
что-нибудь – постараться
это забыть.**

Мишель де Монтень

Наталья Потапова

ТЕМА «ПАМЯТИ» В КУЛЬТУРЕ МОДЕРНИЗМА¹

УДК
304.5

This paper pursues a study devoted to “memory”, its representations and cultural function in inter- and post-war periods. At that time the phenomenological program enjoyed wide popularity among a new generation of intellectuals started the “linguistic turn”. One important consequence of this intellectual movement was the powerful criticism of the linguistic nature of memory. In the center of criticism were the linguistic mechanisms that deform the representations of current events, pack the “reality” in cultural accepted patterns and clichés, bended to social pressure. The intellectual tradition returned to lost since antiquity discussion of social nature of “memory” and social function of reminiscences. There was one main idea: social experience kept in a language transforms individual experience, alienates and appropriates individual impressions, disciplines and subdues to general social rules, sets to see imagined objects lacking in reality and to be oblivious of the present. This representation of “memory” became very popular. The criticism of social conformity became entangled in culture with antiwar protest and resistance movement. A new generation of intellectuals set the task to disclose memory-occupier and to show utopian “new world” – world in which memory would lose its social function.

Ключевые слова: история понятий, репрезентации, память, модерн, рационализм, Жан-Поль Сартр, Альбер Камю, Курт Воннегут, Жан-Люк Годар, Андрей Тарковский.

Key words: history of concepts, representations, memory, modernism, rationalism, Jean-Paul Sartre, Albert Camus, Kurt Vonnegut, Jean-Luc Godard, Andrei Tarkovsky.

E-mail: kezey@eu.spb.ru

¹ Окончание. Начало см.: *Россия XXI*. 2012. №3. С.86.

Представления о памяти и ранний экзистенциализм

Годы между двумя мировыми войнами вошли в историю как время, ставшее для многих европейцев периодом кризиса мировоззрения, переоценки ценностей, пересмотра казавшихся прежде устойчивыми стереотипов, время проблематизации привычных моделей мира, поиска новых идей и образов. Тема памяти становится одной из центральных в художественных практиках и философских исследованиях этой поры. Это общее настроение межвоенных десятилетий к концу 30-х годов превратилось из переживаемой травмы в интеллектуальную моду, захватившую молодое поколение.

Жан Поль Сартр

По одной из версий, знаменитый роман Сартра – его реакция на феноменологию Гуссерля, отражение впечатлений от стажировки в Берлине и круга чтения тех лет. Роман вышел в год смерти Гуссерля, его действие разворачивается в 1932 году – в год начала стажировки Сартра, вымышленный город *Bouville* – созвучное с Берлином название, по другой версии – отражение Гавра², в котором Сартр заканчивал работу над романом и в котором он преподавал философию школьникам, рассказывая им об идеях классиков античности и нового времени, от Аристотеля до Декарта и Шатобриана, тоже отразившихся в романе³.

Тема памяти играет важную роль в этом романе Сартра. Первый роман молодого автора в 1938 Галлимар издал под названием «Тошнота» (*La Nausée*), предыдущее авторское название романа (до переговоров с издателем) «*Melancholia*»⁴ еще определеннее акцентировало мотивы памяти, практически превращая ее в главную тему. Позаимствованное из словаря латинской книжности имя

² См., например: Carruth H. *Jean-Paul Sartre // Sartre J.-P. Nausea. N.Y., 1964.*

³ См.: *The Cambridge Companion to the French Novel / Ed. T.Unwin. Cambridge, 1997 (Сматью S.Ungar и D.Coward).*

⁴ Drake D. *Sartre. L., 2005. P.40.*

Меланхолия в аристотелевской традиции связано с памятью, меланхолик погружен в воспоминания и больше других склонен предаваться размышлениям о минувшем⁵. Это разлитие «черной желчи» у Гиппократа и Галена, но Галлимар исключил эти аллюзии, оставив одну «тошноту»⁶. Роман построен на противопоставлениях. Одно из них – противопоставление прошлого и настоящего, истории (или памяти) и существования. Центральный персонаж – историк, он работает над книгой о событиях и приключениях XVIII века и одновременно начинает вести дневник (вполне в духе XVIII века), фиксируя то, что «событием» (*événement*) в традиционном понимании назвать трудно, мелочи, которые быстро ускользают от точного описания. Бывшая возлюбленная этого фиктивного нарратора, в которой он находит отражение собственных переживаний, размышляет о похожих вещах, о «выигрышных ситуациях» (*situations privilégiées*) и «совершенных мгновениях» (*un moments perfectifs*). Речь идет об эпизодах, которые попали в книжные иллюстрации из истории и в историю из жизни. В них она когда-то верила, но ей никогда не удавалось их выстроить в реальной жизни; «в каждой выигрышной ситуации надо совершать определенные поступки, говорить определенные слова... это вопрос нравственности». Оба переживают утрату одинаковых иллюзий, тоску и усталость от мысли, что «событий» не существует, «все дело просто в словах». Противопоставление языкового существования и реальности – один из важных мотивов романа, который связывает его с наметившимся в межвоенный период поворотом к языку. Жизнь, в трактовке персонажей Сартра, – это бесконечное однообразие, без всякого смысла, без начала и конца, «но когда ты рассказываешь свою жизнь, все меняется; только никто этой перемены не замечает». Это в памяти мгновения (*les moments de la vie recordé*) выстраиваются по порядку, обретают четкость и правдоподобие, когда о них рассказываешь. Чтобы проследить «неукоснительную связь» событий, нужно опустить многие подробности. Оба героя приходят к общей для них идее: «каждый человек – всегда рассказчик историй, своих и чужих, и все, что с ним происходит, видит сквозь их при-

⁵ О продолжении этой традиции в эпоху Ренессанса в свое время удачно написала Френсис Йейтс, не так давно связь меланхолии и памяти снова оказалась предметом исследования в работе Ренате Лахманн (См.: Лахманн Р. Память и утрата мира // Немецкое философское литературоведение наших дней: Антология. СПб., 2001. С.372–375).

⁶ О вмешательстве редактора в текст Сартра см.: Contat M. De “Melancholia” à La Nausée. La normalisation NRF de la Contingence // Genesis. 2003. No 21.

му. Вот он и старается подогнать свою жизнь под рассказ о ней. Но приходится выбирать: или жить, или рассказывать».

«Четкие и правдоподобные истории ... исчезают вместе с друзьями»⁷. Затрагивая тему социального характера памяти, Сартр вводит еще одну оппозицию: общество – одиночество. «Когда живешь один, вообще забываешь, что значит рассказывать», – этот мотив начинает отчетливее звучать в поздних редакциях романа, 1959 и 1969 годов. В одиночестве герой утратил иллюзию «правдоподобия»: «Оттого что мысли мои не облакаются в слова, чаще всего они остаются хлопьями тумана. Они принимают смутные, причудливые формы, набегают одна на другую, и я тотчас их забываю». Собственно о «памяти» Сартр говорит редко – он говорит о «моментах жизни, которую вспоминаешь», или о «времени, которое тотчас забываешь». Но получается, что память хранит слова в форме рассказа; персонаж Сартра берется записывать в дневник то, что не может удержать память – минутные факты и оттенки восприятия, которые быстро меняются. Память хранит то, что исчезает вместе с друзьями, Сартр подводит читателя к мысли, что память социальна. Среди людей человек старается укрыться от тревоги и в свою очередь внушает им своим одиночеством ужас. Сартр противопоставляет «правдоподобие» «абсурду» и упоминает про относительность⁸, она тоже социальна, – «например, речи безумца абсурдны по отношению к обстановке, в которой он находится, а не по отношению к его бреду».

Сартр иронично обыгрывает средневековую метафору памяти как кладовой, в которой хранятся воспоминания – сокровища, что могут превратиться в хлам. Один из моментов являет собой точку зрения, которой Сартр противопоставляет стабильность буржуазного мира, с заведенным в нем порядком, «время сиреневых подтяжек и продавленных сидений» – и нестабильность мира центрального персонажа. В этом контексте Сартр представляет память как собственность, память и прошлое у него – это роскошь буржуа: «они живут среди завещанного добра, среди подарков, и каждый предмет их обстановки – воспоминание. Каминные часы, медали, портреты, ракушки, пресс-папье, ширмы, шали. Их шкафы битком набиты бутылками, отрезами, старой одеждой, газетами – они сохранили все. Прошлое – это роскошь собственника. А где бы я стал хранить свое прошлое? Прошлое в карман не положишь,

⁷ Цит. в рус. пер. Ю.А.Яхниной, 1989.

⁸ О влиянии Эйнштейна см.: Walker D.H. *Formal Experiment and Innovation // The Cambridge Companion to the French Novel*.

надо иметь дом, где его разместить. У меня есть только мое тело, одинокий человек со своим одиноким телом не может задержать воспоминания, они проходят сквозь него. Я не имею права жаловаться: я хотел одного – быть свободным», «люди семейные сидят по домам посреди своих воспоминаний. А мы, два беспмятных обломка, – здесь». Люди без прошлого, если считать прошлым «фотографию какой-нибудь свадьбы... в крахмальном воротничке, рубашке с пластроном и с торчащими молодыми усиками», фотографию в коробке под столом у кого-то из родни, с кем больше никогда не встречался. В семьях буржуа привыкли считать это «памятью», «опытом», «прошлым» – механически перенимаемые обычаи и пословицы: «всю жизнь они прозябали в отупелом полусне... все, что совершалось вокруг, начиналось и кончалось вне поля их зрения: смутные продолговатые формы, события, нагрянувшие издали, мимоходом задевали их... и вот к сорока годам они нарекают опытом свои мелкие пристрастия и небольшой набор пословиц и начинают действовать как торговые автоматы... они хотели бы внушить нам, что их прошлое не пропало даром, что их воспоминания потихоньку сгустились, обратились в Мудрость. Удобное прошлое! Карманное прошлое, книжца из золотой библиотеки, полная прописных истин. Все новое они объясняют с помощью старого, а старое – с помощью прописных истин, как те историки... за их спесью угадывается угрюмая лень, замечая только, как одна видимость сменяет другую, они зевают и думают: ничто не ново под луною», «они питаются общими соображениями и всегда оказываются правы». Сартр иронизирует над памятью, над тем, как воспоминания «оживают» и «возвращаются»; «этому занятию приличествует оттенок задумчивой растроганности». Да и вообще, многое «куда удобнее иметь в прошлом – на расстоянии можно судить, сравнивать, обдумывать», перестраивать. Воспоминания, *les souvenirs*, коробка с фотографиями или книжечка с выписанными «мудрыми» изречениями, то, что многим кажется сокровищем, вдруг оборачивается хламом.

Сартр сравнивает память с «кошельком дьявола»: воспоминания (*les souvenirs*) как золотые в этом кошельке, откроешь – а они превратились в труху⁹. Вот только у Сартра золото воспоминаний превращается в

⁹ Как колдун в романтической легенде про сокровище дьявола у Огюста де Лабуисс-Рошфора, который утверждал, что, если бы люди навалились всем миром вместе с ним и не разбежались в страхе по одному, когда он сражался с дьяволом, кошелек с золотом был бы в их руках (*Labouïsse-Rochefort J.-P.-J.-A., de. Voyage à Rennes-les-Bains. Paris,*

слова, туманные образы рассыпаются в прах от частого употребления. То, что надлено в коллективе ценностью или значением (деньги, слова, люди), он противопоставляет сюрреалистическому существованию. На рубеже 50–60-х во Франции снова входит в моду скандальный автор Луи-Фердинанд Селин, Сартр дополнит свой роман эпитафией, словами его забытой пьесы: «Это человек, не имеющий никакой значимости в коллективе, это всего-навсего индивид».

Память социальна и отлита в словах. Слова остаются дольше, подменяя увиденное; без них увиденное растворяется в тумане сна, смешиваясь с вымыслом. «С этой площадью в Мекнесе, хотя я ходил по ней каждый день, еще проще – я вообще ее больше не вижу. У меня осталось от нее смутное чувство, что она была прелестна, да еще эти четыре слова, которые слились в одно: *прелестная площадь в Мекнесе*», «вместо него только обрывочные картинки, и я не знаю толком, что они означают, воспоминания это или вымыслы. А во многих случаях исчезли и сами эти обрывки – остались только слова», «сквозь основу чувств уже проглядывает слово... это слово вскоре займет место многих дорогих мне образов». От частого употребления («не хочу перетруждать свои воспоминания») истории изнашиваются и мертвеют – превратившиеся в слова воспоминания уже не удастся оживить. Слова сильнее образов, слова вытесняют их: когда история превратилась в слова, фотографии... эти возбуждающие средства, больше не оказывают действия на память».

В романе отражена провокационная идея, важная для межвоенных десятилетий: персонаж Сартра, точно автор какого-нибудь логико-философского трактата, пробует вообразить мир иначе, чем это диктуют правила языка, очистить вещи от принуждения языка, разоблачить предметы¹⁰. То, как Сартр понимает память, одновременно напоминает марксистскую трактовку: с одной стороны, вещи – возбудители памяти, ее базис, с другой, – слова. Почти в том же смысле Маркс понимал идеологию. Опыт – товар в руках буржуа, воспоминания – денежные знаки. То и другое противопоставлено обретенному центральным персонажем чувству существования – «туман не облеченных в слова мыслей», «смутные, причудливые формы набегают одна на другую», лица, которые видел, превращаются в расплывчатые пятна, они перемешиваются, накладываются друг на друга, подменяют друг друга, оставляют

1832).

¹⁰ Cp.: Elveton R. Sartre, *Intentionality and Praxis // Sens Public*. 2007. January 30. P.13.

смутные чувства, быстро забываются. «Существование лишено памяти», «теперь я не думаю ни о ком и даже не ищу слов». Персонаж Сартра иронизирует, сравнивая себя с Декартом¹¹ и рассуждая о «существовании». «Мир объяснений и разумных доводов и мир существования – два разных мира». Буржуазному порядку, закреплённому в словах, противопоставлена сюрреалистическая картина абсурдного мира: «Я... пытался... прощупывать не поддающиеся наименованию предметы... – но тщетно... их свойства холодные, безжизненные, не даются в руки», о них можно сказать лишь, «какими они отказываются быть» – вещи сопротивляются словам. Герой избавляется от склада материальных вещей и склада мыслей и слов в голове: «слова исчезли, а с ними смысл вещей, их назначение, бледные метки, нанесенные людьми на их поверхность».

Все дело в том, что память выхватывает детали, оставляя целое в тумане, или же и вовсе облачает вещи в слова, которые фиксируют отдельные качества. В отличие от воспоминаний, вещь «теряется в странном избытке качеств». Вещи многозначны: «они кажутся простыми, надежными, можно думать, что в мире и впрямь существует настоящий... цвет, настоящий запах... краски, вкусы, запахи никогда не бывают настоящими, они не бывают собой и только собой». Сартр пишет похоже на Витгенштейна¹²: представить себе цвет отдельно от вещи невозможно – вещь же напоминает многое за пределами цвета. «Зрение – абстрактная выдумка, очищенная, упрощенная идея, идея, созданная человеком». Обнаруженное в мире «изобилие оборачивалось мешаниной и в итоге превращалось в ничто». Золото рассыпается в труху, воспоминания от частого употребления стираются и растворяются в тумане сна.

Прошлого, как и мелодии или театрального действия, не существует нигде, кроме как в сознании людей. Мир лишен цвета, причинности, движения, размеров, количества, направления и прочих связей – существует сюрреалистическое «месиво... диву даешься, зачем это люди придумали имена и какие-то различия». Прошлое – «всего лишь образ, родившийся во мне самом, плод моего собственного воображения», «он завладел моей жизнью, чтобы воплотить через меня свою... он был оправданием моего существования, он избавлял меня от самого себя», «я нуждался в нем, чтобы не чувствовать своего существования». Память – это бегство от реальности. Сартр создает параллели между реальностью

¹¹ «Когда мне было двадцать лет, я напивался и потом уверял, что я из породы Декартов. Я отлично понимал, что пьюжусь, но продолжал свое, мне это нравилось».

¹² См.: Best V. *An Introduction to Twentieth-Century French Literature*. L., 2002.

и насильником: как старый развратник, «существование захватывает мои мысли сзади... сзади насильно принуждают мыслить, то есть быть чем-то, чем-то позади меня», фрейдистские метафоры неожиданно наполняют текст. Насилие – важная метафора, если учесть, что выше у Сартра героя избавляют от приступов тошноты и ощущения сюрреализма настоящего мелодия, интрига (чувство приключения, ощущение необратимости времени, пока все можно изменить) и «занятие любовью». Увлечение историей персонаж Сартра сравнивает со страстью («предприятие кончилось, как кончается великая страсть»), «пока мы любим друг друга, мы не позволяем даже самому пустяковому из наших мгновений отделиться и остаться позади... все удерживали при себе и все оставалось живым, мы продолжали наслаждаться и мучиться всем этим в настоящем. Никаких воспоминаний: беспощадная палящая любовь... три года, спрессованные воедино составляли наше сегодня... а потом три года рухнули в прошлое... я был опустошен, а потом время потекло дальше, и пустота стала разрастаться». Прошлое может сохраниться в первозданной свежести, «точно речь идет о сегодняшнем дне, в крайнем случае вчерашнем», «кажется, что можно делать, что хочешь – забежать вперед или возвратиться вспять», кажется, что время обратимо, его течение и старение лиц незаметны, но оно может и подернуться поэтической дымкой. Воспоминания живы, пока живы чувства («Я и сейчас пытаюсь вспомнить ее улыбку, мне нужно почувствовать всю ту нежность, что я питаю к Анни»; «вспоминая пережитые мной в этом са-рае радости, впадал прямо-таки в экстаз», они способны даже причинять боль). Когда воспоминания умирают, человек замечает их условность, «начать сначала нельзя».

Память – обман, сродни музыке и театру, прустовский волшебный фонарь в голове (*l'lanterne magique*), в котором в полной темноте перед закрытыми глазами, «в глубине закрытых глаз» возникают, буквально «воскресают» туманные образы (*l'images*) – фрагменты и детали, по которым человек «распознает» (*reconnaître*), где и когда он это видел, т.е. соотносит их со знакомой историей: «вот и новая картинка – на сей раз в глубине моих закрытых глаз. Это громадное коленопреклоненное животное. Я вижу его передние лапы и вьючное седло. Остальное скрыто туманом. И все же я его узнаю – это привязанный к камню верблюд, которого я видел в Марракеше. Он шесть раз подряд становился на колени и снова вставал, а мальчишки смеялись и криками подзадоривали его». Благодаря памяти разрозненные образы связываются в историю так же, как музыкальное «ухо» связывает разрозненные звуки в «мелодию», а

театральный зритель различает за словами и жестами актеров «характеры», «драму», «идею».

Он заново «видит» то, чего нет в мире: краски, вкусы, запахи, звуки, он заново переживает ощущение радости, они «живут» в нем, как обретает жизнь какой-нибудь авантюрист XVIII века в авторе исторической книги, живет, вытесняя существование того. «Еще совсем недавно он был здесь, у меня внутри, спокойный и теплый, по временам я даже чувствовал, как он во мне шевелится. Для меня он был живым, более живым», чем окружающие люди, – «конечно, у него были свои причуды, он мог по нескольку дней не появляться совсем... но даже, когда он не показывался, я чувствовал, как он давит своей тяжестью мне на сердце, – я был полон им». Человек «впадает» в прошлое, когда фонарь памяти освещает его изнутри, попадается: все эти картинки всего лишь обман, золотые оборачиваются трухой. Картинки сливаются друг с другом, перемешиваются, от многого остаются одни слова. Человек перестраивает, реконструирует сцены прошлого, выдумывая все на свой вкус (*Reconstruire la scene tout invente à son goût*). Вот что значит «память». В памяти существуют отрывочные знания – картины и слова, ворох перемешанных воспоминаний и вымыслов, человек роется в этих репрезентациях и извлекает что-то, не зная точно, вымысел это или воспоминание. Картины исчезают, остаются слова и сюжеты, они будят фантазию – человек начинает думать о прошлом, как будто это случилось не с ним, как будто он знает его по книгам и никогда не бывал там; красивые слова провоцируют совершенно новые образы, рождая мертвые истории. Живые истории от частого использования рассыпаются в труху – изнашиваются. Их выуживаешь, как пескарей из воды: возвращаются декорации, персонажи, жесты. Воспоминания затираются – сквозь основу чувств проглядывает слово, вытесняя образы, от усталости воспоминания сворачиваются, их больше не вызвать, афродизиаки вроде фотографий больше не действуют на память. Персонаж переживает, что лишен тайных измерений, ограничен телесностью, отброшен в настоящее – прошлого не настигнуть, он понимает, что конструирует воспоминания из своего настоящего. То же переживает его альтер-эго, бывшая возлюбленная: «Я живу в прошлом, – перебила она меня. – Восстанавливаю в памяти все, что со мной было, и переделываю на свой лад. На расстоянии все кажется не таким уж скверным, и ты почти готов в это поверить. Вот и наша с тобой история совсем недурна. Я ее чуть-чуть подправляю, и она превращается в цепочку совершенных мгновений. Тогда я закрываю глаза и пытаюсь вообразить, что я все еще пере-

живаю их. Есть у меня и другие персонажи. Надо только уметь сосредоточиться. Знаешь, что я прочитала? "Духовные упражнения" Лойолы. Они мне очень помогли. Есть такой способ – сначала расставить декорации, а потом вызывать к жизни персонажей. И тогда удастся УВИДЕТЬ, – заканчивает она с видом заклинательницы. ...я хочу вспомнить вкус твоих губ, – говорит она с улыбкой. Мне надо омолодить воспоминания для моих "духовных упражнений"».

Память – волшебный фонарь, кошелек, меблированные комнаты, пространство, которое наполняют воспоминания – предметы обстановки и декорации, хлам, который переплавляется в слова, заученное знание, опыт. Кто этот служитель дьявола, алхимик, который превращает труху в золото, конденсируя воспоминания и обращая их хрупкость в «мудрость», пусть и на время? Когда все рассыпается в труху, «уходит в прошлое», человек переживает одиночество («пока еще ничего не ушло в прошлое ...я не чувствовал одиночества... потом все кануло», «мое прошлое умерло... свобода напоминает смерть»). Это подсказывает ответ: дьявольское волшебство творят коллектив и язык. Они деформируют прошлое.

В том же году Сартр опубликовал небольшое эссе о философии Гуссерля¹³. Потом, в 1943, выйдет «Бытие и ничто» Сартра, а в 1945 – «Феноменология восприятия» Мерло-Понти, еще раз повторившая ставшие уже привычными мотивы. Первое название откровенно созвучно названию «Бытие и время» Хайдеггера, второе – цитирует феноменологию Гуссерля. «Нет никакого средства отличить представление от восприятия, если сначала сделали из него возрожденное восприятие... Но в еще большей степени мы лишены средства отличить память от представления». В 30-е годы многие заговорят и о «коллективной психологии», и «коллективной памяти», даже Фрейд упомянет ее в одной из своих последних работ про Моисея, а Морис Хальбвакс сделает центральной темой своей знаменитой книги.

Тогда же тему памяти затронул Альбер Камю, в 1942 году в оккупированном Париже, опять же у Галлимара, вышел его роман «Посторонний». Короткий рассказ об Алжире, Камю закончил его еще в мае 1940, накануне оккупации. Опубликованный во время войны, роман приобрел смутное отражение настроений той поры. Роман тоже построен на отстранении привычного и общепринятого, на контрасте и противопос-

¹³ Sherman D. *Absurdity // A Companion to Phenomenology and Existentialism* / Eds. H.L.Dreyfus, M.A.Wrathall. Oxford, 2006.

тавлении двух миров – общепринятых норм и переживаемого главным героем состояния. Он написан от лица человека, осужденного за убийство. Трижды оказавшись перед лицом смерти – сначала собственной матери, потом собственной жертвы и, наконец, собственной казни, – герой не способен на общепринятые, привычные чувства; он смутно это сознает, ему кажется, что окружающие «в чем-то» упрекают и обвиняют его, он пускается в объяснения и опять же смутно понимает, что делает это не к месту. Поначалу механически он не нарушает никаких правил, выполняет все необходимые формальности, известные по книгам приемы и правила игры, поддерживая установленные обществом институты (он отдает мать в богадельню, потому что не может обеспечить ей сиделку; потом отправляется ее хоронить, надевает траур, сидит у гроба, делает все так, как все), но, оказывается, это не имеет никакого значения. И даже когда он вдруг, неожиданно для самого себя нарушает эти самые правила – убивает, – опять же, оказывается, окружающим важно совсем не это. Его судят за убийство, но казнят за то, что он не плакал на похоронах матери. Обществу, как и любовнице, в отношениях важна не близость и не готовность соблюдать принятые формальности (скажем, заключить брак) – важны слова и чувства другого. Обществу, как начальнику на службе, важно не то, выполняет ли подчиненный свои обязанности, – важно влезть в душу, проверить, есть ли у того «честолюбивые мечтания». Обществу не достаточно управлять телами – общество претендует на власть над душами. Героя обвинят в том, что во время похорон матери он «проявил бесчувственность» (*insensibilité*); именно это вызывает «ненависть» и «возмущение», между тем как факт убийства оставляет судей равнодушными. В этом абсурдность происходящего: общество убивает так же бессмысленно, как и сам герой. Общество готово оправдать убийства и послать на смерть – важно получить в заложники душу. В 1942 году в оккупированном Париже в тексте проступали антивоенные смыслы. Библейские аллюзии еще больше акцентировали тему ханжества, показывая, как «душу» подменяют общепринятыми «принципами морали». Или – в 1942 такое прочтение было не исключено – идеологии. Случайная солидарность (с соседом-сутенером) – единственная причина произошедшей трагедии. Кто в этом романе «чужой»? Убитый араб или исключивший себя из общества убийца-аутсайдер? Над этим не раз гадали переводчики, подбирая нужное слово для французского *L'Etranger*.

На первый взгляд, далеко не первостепенный, мотив воспоминаний наделен в этом контексте сложной функцией. Воспоминания (*des*

souvenirs) – это момент тождества с собой. В тот момент, когда жизнь перестает принадлежать герою, остаются воспоминания. Скажем, когда прокурор и адвокат, каждый на свой лад, берутся судить о его душе, «подменяют» его (*en un certain sens, se substituer à moi*) общепринятыми словами о том, что якобы он «чувствовал» по отношению к собственной матери, собственному делу, собственной жертве, пока они борются за право «присвоить» его душу, воспоминания спасают героя от полной потери сознания. Это пространство воображения, ментальный перечень, это его право (*avantage*), мелкие детали, которые он извлекает из памяти – цвета, звуки, запахи, предметы, которые позволяют ему не утратить чувство счастья, «На пороге смерти» он чувствует «готовность все пережить заново».

В романе Камю появляются параллели между воспоминанием и убийством: герой убивает человека – «разверзлось небо и полил огненный дождь», – после этого в тюрьме ему предстоит каждый день «убивать время» (*tuer le temps*). Воспоминание и убийство связаны как утрата ориентиров, ориентиров во времени или в социальной жизни и полное слияние с «ласковым равнодушием мира». И то, и другое способны «разрушить равновесие дня, где только что» что-то было.

Альбер Камю

Воспоминания – победа над временем – обеспечивают иллюзию вечности: «священнику... вздумалось узнать, какой я представляю себе загробную жизнь. Тогда я крикнул ему: "Такой, чтобы в ней я мог вспоминать земную жизнь!"»; это момент освобождения от общества, меланхолического перемирия (*une trêve mélancolique*) – «я считал вполне понятным, что люди забудут меня после моей смерти». Библейские аллюзии приобретают в этом контексте новую трактовку, акцентируя ханжество общепринятых проповедей: «Все здоровые люди желали смерти тем, кого они любили». «Единственный Христос, которого мы заслуживаем», – заявит Камю критикам о своем герое.

Переплетение мотивов памяти и заточения – прием, к которому Камю вернется в следующем романе. «Чума» – роман о жителях маленького городка, охваченного эпидемией, о вынужденной изоляции и разлуке с близкими, о потерях и одиночестве. Роман-метафора: «Очевидно, что "Чума" повествует о борьбе европейского сопротивления против нацизма: врага, который в книге прямо не назван, узнали по всей Европе», – писал автор Ролану Барту¹⁴. Участников этих трагических событий Камю сравнивает с «узниками», а их жизнь с «заточением». Банальный ход жизни, уродливый современный город, где люди работают с утра до ночи, привыкают жить, не задумываясь о любви, обходясь короткими и случайными связями, со временем иногда переходящими в привычку, – этот банальный ход неожиданно оказывается прерван разразившейся катастрофой. Чума – как перифраз слова «война» – накрывает город в 40-м году («в каком-то 40-м»). Эпидемия, трупы, начавшееся смятение и тревога, нежелание верить в то, что случившееся – бич божий, внезапная несвобода отменяют все планы на будущее и одновременно превращаются для сограждан в «общее дело», объединяющее их наряду с «всенародным чувством» разлуки с любимыми людьми и общим страхом. «Каждый из них до сих пор был не слишком уверен, что счастлив в супружеской жизни. Но эта грубо навязанная, затянувшаяся разлука со всей очевидностью показала им, что они не могут жить вдали друг от друга, и в свете этой неожиданно прояснившейся истины чума выглядела сущим пустяком». «Западня», «ловушка», «ссылка» (*l'exil*), «яма» (*le trou*), «узники чумы» (*les prisonniers*) – Камю буквально нанизывает эти метафоры; «осужденные на заточенье за неведомое преступление», «они вдруг осознали, что попали в темницу, когда над головой, как крышка, круглилось летнее небо, коробившееся от зноя, они стали смутно догадываться, что заключение угрожает всей их жизни».

«Эта грубая разлука, разлука без единой лазейки, без реально представимого будущего повергла нас в растерянность, лишила способности бороться с воспоминаниями о таком еще близком, но уже таком далеком видении, и воспоминания эти наполняли теперь все наши дни». С воспоминаниями приходится бороться, как с противником (*reagir contre le souvenir*), они буквально «оккупируют» дни и воображение, причиняя боль и разочарование. Удел узников – прошлое, любые попытки представить будущее и понадеяться на что-то слишком больно ранят, принося «полный крах мужества, воли и терпения». Все, что им оставалось – воспоминания. Воспоминания связаны «с каким-нибудь семейным ри-

¹⁴ Цит по: Камю А. Чума. Пер. с фр. Н.М.Жаркова. СПб., 2001.

туалом» или с местами прежних прогулок или сначала довоенного, а потом (после войны) и военного времени. Ритуалы и знакомые места «оживляют память». Воспоминания оккупируют жизнь тех, кто отказался от боя – боя за право надежды на скорое будущее. Провалившись в эту яму памяти, «застряв где-то на полпути между этой бездной и этими горными вершинами, они не жили, их несло волною вырвавшихся из повиновения дней и бесплодных воспоминаний – они, беспокойные, блуждающие тени, которые могли обрести плоть и кровь, лишь добровольно укоренившись в земле своих скорбей. Таким образом, они испытывали исконную муку всех заключенных и всех изгнанников, а мука эта вот что такое – жить памятью, когда память уже ни на что не нужна. Само прошлое, о котором они думали не переставая, и то приобретало привкус сожаления». Память отвлекала от настоящего и путала карты. Но у памяти, как у часов, есть стрелки (*les fleches de la memoire*). Если в начале эпидемии «воображение четко рисовало себе близкое существо, с которым они расстались и о котором тосковали... они ясно помнили любимое лицо, знакомый смех, тот или иной день, впоследствии осознанный как день счастья», «внезапные озарения, неожиданные возвраты, случайные просветления вновь и вновь возрождали всю свежесть и ранимость чувств», легко извлекали из глубин души образы – тени, мельчайшие оттенки», которые «беспорядочно всплывали в памяти» (*flottaient dans sa memoire*), причиняя горе и счастье одновременно, – то со временем все это постепенно угасало, бледнело, становилось все более бесплотным, забывалось, чувства блекли – сил на то, чтобы представлять прошлое, переставало хватать, и память переставала работать.

Постепенно люди сознают, что они меняются. Сначала меланхолию памяти сменяет страстное желание жить, а потом наступает рутинная: «страдания теряют свой первоначальный пафос», люди приспособились, появилась привычка к отчаянию – и память отступила, «озарение угасло», «лишенные памяти и надежды, они укоренились в настоящем». Привычка жить настоящим лишает способности любить и даже дружбы – для этого требуется хоть и слабая, но связь времен. «Это означало полный отказ от самого личного». Память «уязвляли какие-нибудь пустяки», «именно благодаря сумме этих пустяков... они накапливали опыт личной жизни, а теперь, напротив, их интересовало лишь то, что интересовало всех прочих, они вращались в круге общих идей и даже сама любовь приобретала абстрактное обличье». Привычка заняла место памяти, и город погрузился в сомнамбулический сон, спокойствие, благодущие и суету – сон, все реже прерываемый внезапными вспышками памяти, как вспышками молнии, «омолаживавшей страдание» и бердившей затянувшиеся раны и «лики любви». Лишаясь

памяти, люди лишаются выбора, способности делать оценочные суждения, теряют критическую способность – вместо этого приходит «способность смиряться и терпеть, одновременно беспредельная и лишенная иллюзий», «точный и унылый голос слепого упорства заменил в их сердцах любовь», «рассеянное безразличие» пришло на смену ожидания новостей, усталость, как безумие, накрывает город. Смерть детей, голод, участь приговоренных к смерти, плач, битвы с медленно отступающей болезнью и, наконец, освобождение опустевшего города – все эти картины в изображении Камю прямо напоминают картины недавней войны. Пережитый опыт не отпускает людей, они хотят, но не могут стать такими, как были раньше – в них надолго остается глухая тоска и отрешенность. Роман вышел в 1947, один из первых романов о том, что война не «может прийти и уйти, ничего не изменив в сердце человека», она будет продолжаться вечно для тех, кто «потерял всю радость жизни вместе с родным существом, брошенным куда-то в безымянный ров или превратившимся в кучу пепла». «Вопреки всякой очевидности они хладнокровно отрицали тот факт, что мы познали безумный мир, где убийство одного человека было столь же обычным делом, как щелчок по мухе, познали это вполне рассчитанное дикарство, этот продуманный до мелочей бред, это заточение, чудовищно освобождавшее от всего, что не было сегодняшним днем, этот запах смерти, доводивший до одури тех, кого еще не убила чума; они отрицали наконец, что мы были тем обезумевшим народом, часть которого, загнанная в жерло мусоросжигательной печи, вылетала в воздух жирным липким дымом, в то время как другая, закованная в цепи бессилия и страха, ждала своей очереди». Чума как война – страшное преступление, «несправедливость и насилие, совершенные над ними». «микроб чумы никогда не умирает, никогда не исчезает, он может десятилетиями спать где-нибудь в завитушках мебели или в стопке белья, он терпеливо ждет своего часа».

«Отстранение как прием»: мир без «памяти» и творческие поиски послевоенного поколения

Камю не просто показал читателю деформированную память реальность – он одним из первых показал деформированный без памяти мир, проблематизировал

те социальные функции, которые продолжает выполнять в культуре память.

Пятнадцать лет спустя, в 1962 году, в киноновелле *Il Nuovo mondo* Жан-Люк Годар показал зрителю мир, в котором люди утратили способность логически связывать свои поступки с представлениями о соб-

ственном прошлом и будущем. В этом мире память больше ни на что не влияла. Начавшиеся на уровне логики, здравого смысла и проявляющиеся в речи изменения (или «мутации») казались легкими и незаметными, однако определяемые этой новой логикой («для которой

Жан-Поль Годар

еще не придумали названия») поступки персонажей выглядели нелепыми и непредсказуемыми, а происходящие события – несбыточными. Для Годара было не так важно, с чем связаны разрывы в культуре (для сюжета достаточно банального хода: герой из газет узнает об атомном взрыве на высоте 120 000 метров над Парижем), гораздо важнее было сделать акцент на незаметности очень глубоких изменений («эксперты признали, что ядерный взрыв не представляет никакой опасности»). Изменения мира – это изменения мышления, самые глубокие трансформации могут быть неочевидны на первый взгляд – вот главные темы фильма. В новом вымышленном мире оказались утрачены основания причинности, выбор персонажей стал случайным, их слова и поступки перестали что-то значить. «Ты мне не хочешь сказать, почему ты не пришла на свидание? – Я же тебе сказала, потому что я пошла в бассейн. – Но ты же мне этого не сказала? – Я не знала – ...Так ты придешь? – Я не знаю». На первый взгляд, мутации слегка затронули логику и представления, но поведение героев меняется настолько, что жанр фильма легко распознается зрителем как научная фантастика. Едва уловимые на уровне языка оттенки часто означают и объясняют существенные перемены в практиках. Банальный прием логического абсурда и банальное же его оправдание (ядерный взрыв и мутации) использованы режиссером для того, чтобы показать мир с новой логикой – мир, которому память больше не нужна. Случайность и бессмысленность происходящего в этом «Новом мире» в сущности (как ни парадоксально) лишает героев выбора – им больше не нужно принимать решения. Годару удалось показать, насколько мир зависит от памяти, вернее от представлений людей о памя-

ти, их привычки пользоваться ею, мотивировать, ссылаться, доверять, полагаться на память.

По словам режиссера, «странное и неуловимое» изменение связано с утратой чувства морали и (что важно и парадоксально для времени, когда снят фильм) одновременно чувства свободы. На банальный вопрос: «почему ты меня больше не любишь?» – героиня фильма способна ответить только: «Я люблю тебя в прошлом». Ее дальнейшие поступки не оставляют у зрителя сомнений; вместе с памятью, как способностью связывать прошлое с настоящим, закономерным и последовательным образом оказались утрачены возможность делать выбор, необходимость и способность принимать решения (а значит, чувство свободы), способность доверять человеку и любовь (а значит, чувство морали).

В XX веке мир и его восприятие отчетливо изменились. Уходит в прошлое вера нового времени в рациональность и силу памяти. Когда давно Локк написал: «Память настолько нужна во всех обстоятельствах жизни, и без ее помощи так мало можно сделать». В те времена начиналась вера в разум как «способность к познанию и предвидению причин», надолго определившая интеллектуальный стиль эпохи и ее практики. Классические метафоры эпохи рационализма, привычные обыденному сознанию до сих пор, – память как зеркало души или живописный кабинет, копилка опыта или привычек, сокровищница идей, восковая дощечка или книга, в которой записаны знания, мысленный театр, заново разыгрывающий перед глазами сцены из прошлого – в наидание настоящему. В ту эпоху коллекции служили не просто эстетическим объектом, они удостоверяли путешествия, присоединение новых земель, фамильное прошлое и права наследования, удостоверяли владельческие права в прошлом и настоящем, делая это право наглядным. Представляя память как «картины, которые рисует разум», собрание живописного кабинета, одни из предметов которого тверже и ярче, другие бледнее и не так стойки, барочная эпоха воскресила и встретила в рационалистическую концепцию античный миф о Мнемозине и ее дочерях музах, покровительницах наук и искусств. Память, средство разума, хранит знания при помощи и при посредстве содержимого библиотек и кабинетов. Надежное собрание неизменных, верных и вечных знаний – верное средство разума. Долгая эпоха, отождествившая «помнить» и «знать». Трактовка памяти была прочно связана с представлением о достоверности и построенных на ней практиках – от судебных и бюрократических процедур до научной парадигмы нового времени. Ос-

новые представления об основаниях исторического знания XIX века были построены на рационалистической трактовке памяти.

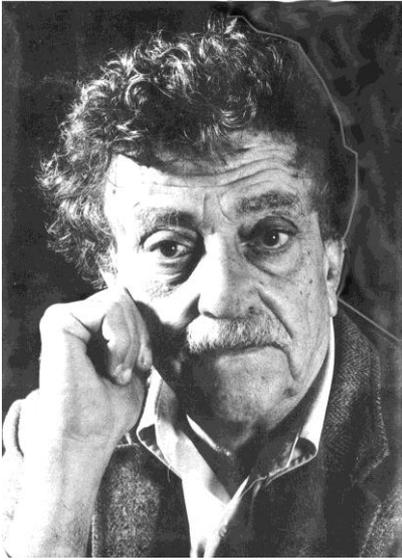
В те годы, когда история становится университетской дисциплиной и обзаводится принятой инфраструктурой – кафедрами, изданиями, экспертами и т.д., – культура модернизма открывает новые темы. XX век не просто прощался с забытыми и потускневшими метафорами, тускнело основанное на этих образах представление о достоверности, знании, истине, и уходило в прошлое практики, основанные на этих представлениях. Лейбниц написал когда-то, что память дает людям «истину факта, истину разума», привычки приходят на помощь разуму, разум, прибегая к памяти, «повторяет» прошлое. Все эти базовые уверенности опрокинул XX век, точнее культура модерна, которая началась за несколько десятилетий до календарной смены столетий. «Руанский собор при разной погоде» также непостоянен, как непостоянно многое в этом меняющемся и динамичном мире. Пройдет время, закончится Первая мировая, и даже физик утратит уверенность в постоянстве вещества: мир больше не делится на элементарные и постоянные частицы, мир потерял четкие границы, превратившись в волну, мир потерял устойчивость, превратившись в игру электронов, квантовый микромир. Новой физикой зачитывались интеллектуалы. В 1942 в оккупированном Париже великий историк Марк Блок напишет: «Умственная атмосфера нашего времени уже не та. Кинетическая теория газов, эйнштейновская механика, квантовая теория... Их воздействие сказалось... мы ныне лучше подготовлены... Мы теперь гораздо легче допускаем... Мы уже не чувствуем своим долгом навязывать всем объектам познания единообразную интеллектуальную модель, заимствованную из наук о природе, ибо даже там этот шаблон уже не может быть применен вполне»¹⁵. Пройдет совсем немного времени, и эта кричащая вера в прогресс оборвется вместе с жизнью под нацистскими выстрелами.

Пройдет еще четверть века. Курт Воннегут покажет безвременье, травмированную и деформированную войной память, травмированную и деформированную войной жизнь. Его герой движется во времени, как в пространстве; выходя из комнаты, он не знает, в какой момент своей жизни шагнет, «его перебрасывает во времени рывками, и он не властен над тем, куда сейчас попадет, да и не всегда это приятно. Он постоянно нервничает, как актер перед выступлением, потому что не знает, какую часть своей жизни ему сейчас придется

¹⁵ Блок М. *Апология истории*. М., 1973. С.14.

сыграть». «Будет похоже на сон, – сказал Билли. – А чужие сны обычно слушать не очень интересно».

Война для многих подорвала базовые уверенности в способности человека контролировать собственную память, планировать будущее, нести ответственность. «Иногда я раздумываю о своем образовании, – писал Воннегут. – После Второй мировой войны я некоторое время учился

Курт Воннегут

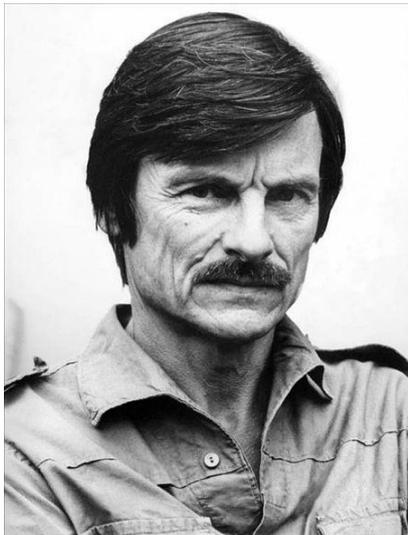
в Чикагском университете. Я был студентом факультета антропологии. В то время нас учили, что абсолютно никакой разницы между людьми нет. Может быть, там до сих пор этому учат. И еще нас учили, что нет людей смешных, или противных, или злых. Незадолго перед смертью мой отец мне сказал: "Знаешь, у тебя ни в одном рассказе нет злодеев". Я ему сказал, что этому, как и многому другому, меня учили в университете после войны».

Воннегут опубликовал свою «Бойню» в 1968, когда авторская идея звучала вполне отчетливо: «У нас идут войны страшнее всего, что вы видели, о чем читали. И сделать мы тут ничего не можем, так что

мы просто на них не смотрим. Мы не обращаем на них внимания. Мы их игнорируем. Мы проводим вечность, созерцая только приятное – вот как сегодня». Воннегут помещает читателя в пространство памяти ветерана Второй мировой, чтобы чтение не сводилось к простому «созерцанию приятного».

Тогда же, в 1968, к представлениям о памяти обратился, но воплотил их совершенно иначе, в новых образах Андрей Тарковский. Он перенес действие фильма в мир, где люди вынуждены жить только памятью, на «Солярис». От памяти невозможно скрыться, она захватывает в плен, как тяжелый бред, болезнь, кошмар. Безумие, наваждение, подавленное чувство стыда и вины, от которых человек не может избавиться; забвение неподвластно силам человека, эти образы невозможно уничтожить. Память оказывается активным партнером, Океаном, напоминающем

зрителю о Боге. Тарковский акцентировал внимание на тождестве памяти с совестью, переживанием вины. Она сродни чуду; режиссер заставляет зрителя почувствовать этот особый мир, особое измерение, в котором время течет в любую сторону. Абсурдность происходящего лишь в том, что мысли, тайное, сокровенное для человека оказываются

Андрей Тарковский

доступны наблюдению еще кого-то; это мир, в котором то, что человек хочет и пытается забыть, оказывается вынесен на всеобщий суд. Каждый оказывается всевидящим Богом, наблюдающим, как на Страшном суде грехи терзают человека. Тарковскому удалось создать новую мифологию, раскрывающую природу человеческой памяти, веры, жизни, по-своему раскрыть мифологическую тему смерти и воскресения тех, чьи образы герои хранят в своей памяти. Режиссер показывает, насколько фатально разобщены герои своими постыдными помыслами и тайными грехами. Герой оказывается способен на подлинную близость

не с живой женщиной, а с ее образом, созданным собственной памятью. Память порождает фантомы, от которых невозможно избавиться: они владеют человеком, управляют его поступками, заставляют его убивать реальных людей, в том случае если реальные люди покушаются на эти фантомы. Только фантом как бы стремится понять человека, и это мнимое тождество, тотальность сходства, медленное присвоение его сознания, предсказуемость, мнимая податливость его воле полностью подчиняют себе героя. Герой и мнимое существо сливаются. Бессмертие? Тарковский писал о том, что родство памяти, впечатлений режиссера и его аудитории – прием эмоционального воздействия на зрителя, его подчинения авторской идее, замыслу.

Созданные в памяти образы присваивают черты живых людей («У нее всегда твое лицо», – признается бывшей жене в своих воспоминаниях о матери герой следующего фильма А.Тарковского «Зеркало», сценарии двух фильмов он предложил студии одновременно). Память – осо-

бый мир, который затягивает героев («будто пытается заставить меня непременно вернуться», «не могу дождаться этого сна»), они теряют ощущение реальности («такое ощущение, что все это уже было»). Воспоминания, а не живые люди приходят к героям в трудную минуту («вижу тебя только когда мне очень уж плохо бывает»). В этой своей жизни человек абсолютно одинок («Есть ведь совесть, память. – А при чем тут память? Вы считаете, что он в чем-то виноват? – Нет, это он так считает»). Погружаясь в воспоминания, герои оказываются способны легко перешагнуть порог смерти, потому что смерти не существует. Прошлое – личное и коллективное, воспоминания детства и кадры кинохроники – не может быть «мертвым».

Память оказывается особой реальностью, со своей перспективой и темпоральностью, близкими к перспективе иконописи и темпоральности Св. писания. Только в ней события, разделенные во времени годами, смешиваются, персонажи обретают чужие черты и совершают действия, которые не совершали или совершали не они. Это пространство фигурального, находящегося в фигуральном отношении к реальности, указывающее, но прямо не отражающее ее, как и «Зеркало»; это лишь эффект удвоения, превращения в плоскость объемного, присвоения. Как и в зеркале, только отдельные черты объекта указывают на то, что существует в реальности, но многое оказывается утрачено.

Режиссеры буквально перехватывали друг у друга тему памяти. На рубеже 60–70-х годов она становится центральной для целого ряда киношедевров. «Последнее танго в Париже» (*Ultimo tango a Parigi*) Бернардо Бертолуччи (1972) – фильм, в котором желание забыть, убить память оказывается движущей силой интриги. Герои пытаются забыть приличия, язык, собственное имя, чтобы вместе с этим забыть себя, избавиться от памяти. С раскрытием темы памяти едва ли случайно оказывается связана тема убийства. Убить память и время героям удастся только в стенах снятой на время квартиры; когда они ее покидают, память возвращается. Нигде герои не бывают так одиноки, как наедине с собственной памятью. Это одиночество мучительно (зритель видит только, как воспоминания мучают героев, и может догадываться, какие), но неизбежно. Тема мучительной памяти, кошмаров, терзающих человека днем и ночью, идет, судя по всему, от Фрейда.

Все эти фильмы так или иначе используют общую форму – натуралистическую достоверность абсурда как способ показать несуществующее, другое состояние сознания и общества, отстранить привычную нам функцию памяти, чтобы, подвергнув отчуждению, исследовать ее. Об-

ТЕМА «ПАМЯТИ» В КУЛЬТУРЕ МОДЕРНИЗМА

ращение к приему абсурда не случайно. После войны понадобился вызов, чтобы напомнить о странном состоянии, странном знании – памяти, особой силе, играющей человеком. Напомнить... Навязать... Вернуть... Дать обществу силу, которой оно не имело несколько веков. Вернуть ощущение вечности и бесконечности, веру в иррациональность, вернуть мнемоничность современным представлениям – показать их с натуралистической достоверностью.

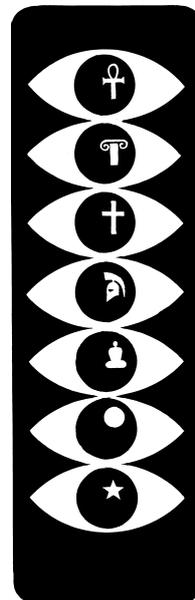
«О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет... вырвано с корнем все то, что еще сохранялось из пережитого в тепле традиций, в мутациях обычаев, в повторениях пришедшего от предков, под влиянием глубокого исторического чувства», – констатировал Пьер Нора, пытаясь обосновать интерес своего исследовательского проекта¹⁶.

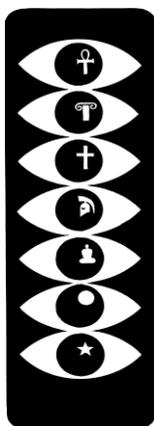
¹⁶ Нора П. *Между памятью и историей. Проблематика мест памяти* // Нора П. *Франция-память*. СПб., 1999. С.17.

Крайняя обобщенность, расплывчатость и изменчивость реактивных способностей человека означают, что конкретные модели его поведения управляются не столько генетическими, сколько культурными шаблонами... Создавая идеологии, схематические образы социального порядка, человек – на радость или на горе – превращает себя в политическое животное.

**Задача идеологии – сделать
возможной автономную политику,
создав авторитетные концепты,
которые бы придали ей смысл,
и убедительные образы, которые
бы сделали ее доступной
для восприятия.**

Клиффорд Гирц

Франтишек Штелнер

**ДИНАСТИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА
АВСТРИЙСКОЙ,
ПРУССКОЙ
И РОССИЙСКОЙ
МОНАРХИЙ В XVIII ВЕКЕ:**

**СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ¹**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
93/94

This article deals with comparative analysis of dynastic policy of Austria, Prussia and Russia in XVIII century. Author attempts to answer the question which role does it play in political, economic and cultural life of Central, East and North Europe during the Age of Enlightenment. In this article effectiveness of dynastic strategies for achievement of foreign-policy goals of European countries is studied, typology of dynastic matrimony is given, and so on.

Ключевые слова: династическая политика; династические браки; дипломатия; XVIII век; Россия; Австрия; Пруссия

Keywords: dynastic policy; dynastic matrimony; diplomacy; XVIII century; Russia; Austria; Prussia

E-mail: stellner@vse.cz

¹ Исследование проведено в рамках проекта по долгосрочной институциональной поддержке развития Высшей экономической школы в Праге. Благодарю доцента Михаила Владимировича Ковалева (Саратов) за помощь при подготовке и публикации этой статьи.

**Династическая политика
европейских монархий:
к постановке проблемы**

В XVIII веке на развитие абсолютных монархий в Австрии, Пруссии и России, кроме политических, экономических, социальных и культурных

факторов, влияла также личность самого правителя и его ближайшее окружение, так как государь имел решающее слово при определении направления развития страны. Его личные способности и качества как стратега и мыслителя могли повлиять на результаты и способы осуществления внешнеполитической доктрины страны. В рамках данного общественно-политического строя высшая власть в государстве передавалась от отца к сыну согласно законам наследования, так что династические и генеалогические нюансы в конфликтных ситуациях, то есть в наследственных спорах и в брачной политике, занимали важное место при определении внешнеполитического курса. Михаэль Столлейс по этому поводу писал: «Политическая система, ядро которой составляла династическая политика, должна была с особым вниманием относиться к вопросу о том, кто на ком женится, а также как данный брак отразится на политической ситуации на континенте»².

Внешнюю политику каждой монархии необходимо воспринимать как неотъемлемую часть общей сферы ее политического развития, направленную на регулирование и управление межгосударственными, международными отношениями, будь-то поддержка дипломатических связей, заключение договоров и союзов, а также защита государственных интересов за рубежом. Причем главной внешнеполитической целью, которую преследовала национальная брачная и бракоразводная политика, было укрепление позиций правящей династии³. Подобным образом необходимо оценивать место семейной политики во внешнеполитическом курсе государства, то есть воспринимать ее как составную часть всей международной стратегии державы⁴. Брачная политика также

² Stolleis M. *Die Prinzessin als Braut // Verfassung – Philosophie – Kirche. Festschrift für Alexander Hollerbach zum 70. Geburtstag* / Hgg. J. Bohnert u.a. Berlin, 2001. S.48.

³ Для более подробного изучения европейских брачных моделей и стратегий, а также браков в среде разных социальных групп (но не правящих династий) см.: *Eheschließungen in Europa des 18. und 19. Jahrhunderts. Muster und Strategien* / Hgg. C. Duhamelle, J. Schlumbohm. Göttingen, 2003.

⁴ О принципах и формах центральноевропейской семейной политики см.: *Veldtrup D. Zwischen Eherecht und ilienpolitik. Studien zu den dynastischen Heiratsprojekten Karls IV.*

была направлена на укрепление и расширение экономического базиса правящего дома и на «правильный» выбор супругов для его представителей. В связи с этим Рейнхард Лебе назвал брачную политику «внешней политикой династии»⁵.

Но всегда ли соответствовали друг другу государственные и династические интересы? Возможно ли говорить о династической политике как об особенном направлении внешней политики? Альфред Колер написал по этому поводу: «Факт существования династической политики достаточно известен. Недооценивается, однако, способ и степень ее влияния на социальные, культурные и политические проблемы»⁶. К сожалению, до сих пор не было написано ни одной обобщающей книги ни о династической брачной политике как таковой, ни о способах ее осуществления в XVIII веке⁷.

Какая же задача была самой важной в династической политике? В первую очередь, заключение наиболее выгодных браков. Херманн Вебер придавал брачным проектам и договорам «важное, иногда решающее место в рамках политического инструментария». При этом он упоминал три главные политические цели: «Первое – укрепление и расширение влияния династии, второе – формирование двусторонних и многосторонних союзов, третье – освящение мира»⁸. Эту типологию возможно более точно классифицировать с точки зрения прав принцесс⁹. При вступлении в брак они обладали приданым в форме наследственных прав («заключение браков ради наследственных прав»), а также играли роль своеобразной «живой» гарантии, залога согласованной политики, то есть сопровождали и укрепляли политические и воен-

Warendorf, 1988. S.13; Попов Н.В. Династические браки и «брачная дипломатия» в Западной Европе раннего Нового времени // Новая и новейшая история. 1998. №6. С.143–169.

⁵ Lebe R. *Ein Königreich als Mitgift. Heiratspolitik in der Geschichte*, Stuttgart, 1998. S.12.

⁶ Kohler A. «Tu felix Austria nube...» Vom Klischee zur Neubewertung dynastischer Politik in der neueren Geschichte Europas // *Zeitschrift für historische Forschung*. 1994. T.21. S.461.

⁷ Р.Лебе в своей книге лишь пересказывает основные события в династической политике, не занимается при этом анализом ее политических и социальных последствий (Lebe R. *Op. cit.* S.13).

⁸ Weber H. *Die Bedeutung der Dynastien für die europäische Geschichte in der frühen Neuzeit // Das Haus Wittelsbach und die europäischen Dynastien*. München, 1981. S.11.

⁹ Подробный анализ различий в переговорах о заключении браков у представителей правящих кругов, высшего дворянства и низших социальных слоев содержит работа М.Столлейса. См.: Stolleis M. *Op. cit.* S.49–50.

ные союзы («политически обусловленные браки»). Отметим, что при заключении брака учитывались, главным образом, династические обстоятельства. В меньшей степени обращалось внимание на наследственный или политический контекст. Нельзя забывать, что по причине ограниченного числа правящих или некогда правящих династий и еще меньшего количества монарших домов, которые имели в своих руках абсолютную власть, браки могли заключаться между представителями родственных династий. В данном случае речь идет о так называемых династическо-родственных браках, нередко имевших для государства небольшое значение с политической точки зрения. К еще одному виду относились морганатические браки, в которые вступали неравноценные по своему статусу представители правящей и неправящей династий как аристократического (дворянского), так и неаристократического происхождения¹⁰.

Ни в коем случае нельзя анализировать статус лишь тех браков, в которые вступали государи-мужчины. В случае России и Австрии необходимо как раз очень подробно описать и сравнить влияние женщины-государынь на облик династической политики¹¹. Из трех изучаемых монархий¹² в Австрии, например, 40 лет правила Мария Терезия, тогда как в России в течение 67 лет из 71 года после смерти Петра Велико-

¹⁰ Weber W. *Dynastiesicherung und Staatsbildung. Die Entfaltung des frühmodernen Fürstenstaates // Der Fürst. Ideen und Wirklichkeiten in der europäischen Geschichte / Hg. W. Weber. Köln; Weimar; Wien, 1998. S.132–133.*

¹¹ *О месте женщины на политической сцене XVIII века см.: Dynastie und Herrschaftssicherung in: der Frühen Neuzeit. Geschlechter und Geschlecht / Hg. H. Wunder. Berlin, 2002. Подробное толкование понятий «династия», «род», «государственный брак», «династические переговоры» см.: Wunder H. Einleitung // Dynastie und Herrschaftssicherung in der Frühen Neuzeit. Geschlechter und Geschlecht / Hg. H. Wunder. Berlin, 2002. S.15–21; Küppers-Braun U. Dynastisches Handeln von Frauen in der Frühen Neuzeit, in: der Frühen Neuzeit. Geschlechter und Geschlecht. Berlin, 2002. S.221–222; Weber W. Op. cit. S.94–96, 107–112 (особенно примечания 11, 14, 36). Описание места женщины в обществе в указанный период рассмотрено в сборнике: Frauengeschichte – Geschlechtergeschichte / Hgg. K. Hausen, H. Wunder. Frankfurt am Main; New York, 1992.*

¹² *В Пруссии правили члены лишь одной династии – Гогенцоллернов. В Австрии – Габсбурги и Габсбург-Лотарингены. В России – представители Романовых, Брауншвейг-Вольфенбюттель, Ангальт-Цербст и Гольштейн-Готторп.*

го, то есть до 1796 года, страной руководили только женщины (для Европы XVIII века это был уникальный случай)¹³.

Большинство российских императриц выходили замуж еще в тот период, когда они были непримечательными представительницами династии и не знали о том, займут ли они трон. Собственно, они могли выйти замуж только за иноземного принца, потому что морганатический брак вел бы к ухудшению репутации страны за рубежом. В то же время выбор принца из европейской династии мог принести определенные трудности, так как Россия могла бы потерять пространство для маневра во внешней политике. Исходя из внутривнутриполитических причин, такое решение также могло стать неприемлемым, главным образом в армейской среде. Вероятный супруг захотел бы участвовать в принятии решений, что не могли допустить ни императрица, ни наиболее влиятельные политики. Определенную роль играли и психологические обстоятельства, что объясняло упорство противников такого брака: они хотели, собственно, сохранить спокойствие и свободу при принятии политических решений¹⁴. Например, прусский король Фридрих II отметил следующую особенность царствования Елизаветы Петровны: «Она выбрала свободу, а не брак»¹⁵.

Что касается наследницы габсбургского рода Марии Терезии, то в момент своего восхождения на трон она уже была замужем за монархом, страна которого соперничала с традиционным противником Австрийской империи – Францией. Еще перед ее вступлением на престол вопрос принадлежности Лотарингии и компенсации за герцогство Тоскана остро стоял в рамках австрийской внешней политики. И хотя этот брак был счастливым, он не принес с политической точки зрения никакой пользы Австрии в Войне за австрийское наследство¹⁶.

¹³ В анализируемый период женщины дольше всего правили в России, в два раза меньше – в Австрии, а в Пруссии не правили вообще. Несмотря на это, Россия занимает только четвертое место в воображаемой таблице продолжительности нахождения женщин на престоле, после соответственно Англии / Великобритании, Голландии и Кастилии / Испании.

¹⁴ См.: Stellner F. Zajištění nástupnictví pro Alžbětu Petrovnu, dceru Petra Velikého. Лекция 22 июня 2004 г. на заседании Исторической комиссии Австрийской Академии наук.

¹⁵ Fridrich II. Geschichte meiner Zeit, in: Albert Ritter // Die Werke Friedrichs des Grossen für die Gegenwart / Hrsg. A. Ritter. Berlin, 1915. Bd.1. S.104.

¹⁶ См.: Соловьев С.М. Политика России во время Войны за австрийское наследство. СПб., 1867; Liechtenhan F.D. La Russie entre en Europe. Elisabeth Ire et la Succession d'Autriche 1740–1750, Paris, 1997; Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу. Императрица Елизавет-

После того как Мария Терезия овдовела, она уже никогда, как и российские государыни, не выходила замуж, однако, в отличие от них, назначила своего сына наравне с собой австрийским государем. Несмотря на то, что слово Иосифа II при принятии внутри- и внешнеполитических решений не было решающим, данный феномен совместного управления страной родителями и детьми все же был отличительной чертой Австрийской империи, по сравнению с Пруссией и Россией. Таким образом, во время «правления женщин» династическая политика не отличалась коренным образом от периодов «правления мужчин», потому что на первом месте всегда находились государственные и династические интересы страны. Кроме того, ни одна правительница в изучаемый период не вышла замуж во время своего нахождения на престоле.

**Брачная дипломатия
и наследственные
права**

Далее попытаемся сравнить первые три типа браков, заключаемых дворами Петербурга, Берлина и Вены. Р.Лебе в этом вопросе правильно от-

метил, что «именно на женщинах-наследницах сосредоточивалось основное внимание династической политики, и в данном вопросе мы вступаем на плодородную почву, где давали самый качественный урожай семена, посеянные брачной политикой двора»¹⁷. Что касается браков ради наследственных прав, историки отмечают в первую очередь последовательность в этом вопросе династии Габсбургов¹⁸. Это же правило относится и к династии Гогенцоллернов, чья политика могла послужить примером верной стратегии заключения браков, посредством которых всего лишь в течение двух веков этой династии

та Петровна и Война за австрийское наследство 1740–1750. М., 2000; Собко Е.М. Участие России в Войне за австрийское наследство (1740–1748) // Вопросы истории. 2006. №1. С.156–159.

К вопросу о формах наследования на австрийском дворе см.: Kunisch J. Staatsverfassung und Mächtepolitik. Zur Genese von Staatenkonflikten im Zeitalter des Absolutismus. Berlin, 1979. S.41–62. О наследственном конфликте в 1740 году см. в той же работе (S.62–74).

¹⁷ Lebe R. *Op. cit.* S.18. Ср.: Kunisch J. *Hausgesetzgebung und Mächtesystem. Zur Einbeziehung hausvertraglicher Erbfolgeregelungen in die Staatenpolitik des ancien régime // Der Dynastische Fürstenstaat u Zur Bedeutung von Sukzessionsordnungen für die Entstehung des frühmodernen Staates / Hgg. J.Kunisch, H.Neuhaus. Berlin, 1982. S.49–80.*

¹⁸ Höflichner Z. B. *Zur Heiratspolitik der Habsburger bis zum Jahre 1526 // Festschrift Hermann Wiesflecker zum sechzigsten Geburtstag/ Hgg. A.Novotny, O.Pickl. Graz, 1973. S.115–121.*

удалось расширить границы Бранденбургского герцогства и присоединить новые территории в Рейнской области и Прибалтике¹⁹.

Известно, однако, что родственные связи не помешали прусскому королю Фридриху II захватить Силезию и тем самым начать Войну за австрийское наследство²⁰. Что касается этих территориальных завоеваний, то Силезия была присоединена в результате военной экспансии, а Восточная Фрисландия в 1744 году была включена в состав королевства в качестве наследства. Затем в 1791 году под контроль Пруссии перешли маркграфства Байройт и Ансбах, что стало результатом трех браков представителей разных ветвей династии Гогенцоллернов²¹. Несмотря на эти успехи, обширные польские области удалось присоединить не на основании наследственных прав, а дипломатическим путем. Таким образом, необходимо констатировать, что династическая политика не была самым важным и действенным способом расширения территорий и повышения международного престижа Пруссии в Европе в XVIII веке.

Что касается России и ее стратегии заключения династических браков ради наследственных прав, то здесь чаще всего отмечается тесная связь петербургского и стокгольмского дворов. Петр Великий искусно воспользовался сложившейся в Швеции ситуацией с вопросами наследства. Фридрих, герцог Гольштейн-Готторпский (1671–1702), женился на сестре Кар-

¹⁹ Последний великий магистр Тевтонского ордена Альбрехт Бранденбург-Ансбах превратил церковную область в могущественное Прусское герцогство. Его потомки получили в результате браков права на рейнские области Клеве, Марк и Равенсберг, а после угасания этой ветви данные области объединила старшая линия династии, правящей в Бранденбургском маркграфстве уже в 1618 году.

²⁰ *Stellner F. Friderich Veliký. Cesta Pruska k velmocenskému postavení. Praha, 1998. S.82–87.* – Династическое значение Брауншвейгской семьи (Вельфы) доказывает тот факт, что бабушка Фридриха Великого, герцогиня Брауншвейг-Вольфенбюттеля Кристина Луиза (1671–1747), урожденная принцесса Эттинген, была в то же время бабушкой чешской и венгерской королевы Марии Терезии, датской королевы Юлианны Марии (жены Фредерика V), царя Петра II, русского генералиссимуса Антона Ульриха (отца царя Ивана VI) и прусской принцессы Луизы Амалии (матери Фридриха Вильгельма II).

²¹ В то же время необходимо напомнить, что через 14 лет Берлин должен был передать их Баварии. О попытках закрепления наследственных прав и избегании войн см., например: *Kutisch J. Hausgesetzgebung und Mächtesystem... S.49–80* (прежде всего разделы о Прагматической санкции и австрийской внешней политике в первой половине XVIII века, а также о вопросах, связанных с прусскими правами на область Ансбах-Байройт).

ла XII. Их единственный сын, Карл Фридрих (1700–1739), таким образом, мог претендовать на шведский трон. Линия Гольштейн-Готторп была самой представительной побочной линией датской (Ольденбургской) королевской семьи. В то же время Дания в 1721 году отняла у нее власть над Шлезвигом, и у герцогов Гольштейн-Готторп осталась во владении лишь маленькая и разрозненная вотчина Гольштейн со столицей в городе Киль. Их попытки восстановить свое владение Шлезвигом стали одной из проблем, которой все значимые европейские дворы на протяжении длительного периода времени были вынуждены с разной степенью интенсивности заниматься²². Шведские сословия не приняли во внимания наследственные права герцога Фридриха и выбрали королевой младшую сестру Карла XII Ульрику Элеонору (1688–1741), которая, однако, вскоре отказалась от трона в пользу своего мужа Фридриха, ландграфа Гессен-Кассельского (1676–1751). Российская династия Романовых этой возможностью умело воспользовалась. Она предложила Карлу Фридриху жениться на старшей дочери царя и всецело его поддержала в борьбе за шведский трон. Действия российского правящего дома встревожили Швецию, что в конечном счете помогло ему добиться больших уступок в рамках мирных переговоров. Во многом благодаря этому в 1721 году прибалтийские земли перешли под контроль России²³.

В последующий период большинство представителей шведского правящего слоя не смогли смириться с потерей ведущих позиций в Северной Европе и желали их восстановить. Было понятно, что такая стратегия должна была привести к ухудшению отношений с Россией. Однако благодаря продуманной политике альянсов и оказанным влиянием на шведскую внутреннюю политику (например, поддержкой наследственных прав герцогов Гольштейн-Готторпских) русской дипломатии удалось избежать эскалации реваншистских настроений со стороны шведов и не допустить военного конфликта. Таким образом, мы видим, что династическая политика

²² См. фундаментальный труд Экхарда Гюбнера: *Hübner E. Staatspolitik und Familieninteresse. Die gottorfische Frage in der russischen Außenpolitik 1741–1773. Neumünster, 1984. См. также: Гаврилов С. Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном. М., 2011.*

²³ *О Ништадтском мире см.: Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959; Vallotton H. Peter der Große. Russlands Aufstieg zur Großmacht. München, 1996. S.225–231; Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1998. С.512–535.*

России, которая выразилась в поддержке зятя царя, помогла заключить мир и стабилизировать в будущем российско-шведские отношения.

Во времена правления Екатерины I впервые в российской истории XVIII века императрица отдала предпочтение решению Гольштейнского вопроса вопреки собственным российским интересам, то есть она готова была объявить войну с целью восстановления власти своего зятя в Шлезвиге²⁴. После ее смерти Гольштейнским вопросом российские монархи до 1741 года не занимались. В 1730 году умирает последний прямой представитель династии Романовых по мужской линии. При этом Елизавета Петровна остается последним прямым членом рода по женской линии. Кроме нее из потомков Петра Великого жив был лишь его внук, герцог Гольштейн-Готторпский Карл Петр Ульрих, то есть сын сестры Елизаветы Петровны, Анны. Поскольку шведская королевская семья, Ульрика Элеонора и Фридрих, не имели детей, Карл Петр Ульрих стал наследником шведского престола. Это означало, что он стал претендентом на корону сразу двух великих держав Северной и Восточной Европы и одной из центральных фигур европейской дипломатии²⁵.

Елизавета Петровна уже через несколько дней после переворота, благодаря которому она взошла на престол, приблизила ко двору своего единственного близкого родственника – племянника Карла Петра Ульриха, а в 1742 году назначила его своим наследником под именем Петра Федоровича. Что же заставило ее сделать решение Гольштейнского вопроса одной из главных задач российской политики? Императрица попыталась укрепить легитимность своей власти и стабилизировать новый режим. Елизавета Петровна сильно опасалась новых заговоров и переворотов, которые могли бы привести к ее низвержению с престола. Назначив наследником своего племянника, она исключила возможность

²⁴ Hughes L. *Russia in the Age of Peter the Great*. New Haven; London, 1998. P.413–414; Iskioul S. *Les liaisons dynastiques entre le duché Schleswig-Holstein Gottorp et la Russie au début de XVIII siècle (quelques matériaux des Archives russes)* // *Deutsch-russische Beziehungen im 18. Jahrhundert. Kultur, Wissenschaft und Diplomatie. Германно-русские отношения XVIII века. Культура, наука, дипломатия* / Hgg. C.Grau, S.Karp, J.Voss. Wiesbaden, 1997. S.11–22.

²⁵ Stellner F. *Dynastický faktor v ruské politice v prvních letech vlády Alžběty Petrovny* // *Slovanský přehled*. 2000. T.85 №3. S.413–439.

заговора в его пользу²⁶. Если бы он остался в Киле, его бы могли легко использовать французская и шведская дипломатия для достижения своих целей. Таким образом императрица решила для себя Гольштейнский вопрос. Провозглашением герцога Карла Петра Ульриха российским царевичем она исключила возможность занятия им шведского трона и одновременно его использование в качестве инструмента для достижения наследственных прав на российскую корону. Кроме императрицы и герцога Гольштейн-Готторп, единственными потомками династии Романовых и соответственно претендентами на российский трон были свергнутый царь Иван VI Антонович (1740–1764), представитель семьи Брауншвейг-Вольфенбюттель, его мать и сестра. По приказу Елизаветы Петровны потомки Ивана V, брата Петра Великого, были посажены в тюрьму и строго охранялись²⁷. Провозглашением герцога Гольштейн-Готторп наследником российского престола императрица добилась недопущения возврата Ивана VI и обеспечила закрепление власти в России за потомками Петра Великого.

Многие современники и историки подчеркивали, что при выборе наследника большую роль сыграли эмоции. При этом они имели в виду добросердечность Елизаветы, характерное для нее чувство ответственности перед семьей, желание позаботиться о единственном ребенке своей сестры, а также тесные связи с двором Гольштейн, родного для ее жениха²⁸. Однако подобные утверждения ничего не меняют в деле, по-

²⁶ Об этом упоминал, например, британский посол Финч в письме Гаррингтону от 22 декабря 1741/2 года. См.: Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сборник ИРИО). СПб., 1894. Т.XCI: Дипломатическая переписка английских посланников при Русском дворе, 1741 г. С.383–384.

²⁷ О судьбе Брауншвейг-Вольфенбюттель: Klueing H. *Die Projekte des Jacob Pistorius aus Mecklenburg und die Politik des Grafen Ostermann. Eine Denkschrift aus dem Jahre 1732 zur Frage der Wahl eines Ehemannes für die Prinzessin Anna Leopoldovna // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1977. Bd.25. S.52–65; Brückner (Brikner) A.G. *Die Familie Braunschweig in Russland.* SPb., 1876; Корф М.А. *Брауншвейгское семейство.* Пг., 1917; Левин Л. *Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих, История «Брауншвейгского семейства» в России.* СПб., 2000.

²⁸ Письмо Финча Харрингтону от 23 января/3 февраля 1742 // Сборник ИРИО. Т.XCI. С.427–428, Дальон Амелоту от 13/24 декабря 1742 года // Донесения французского посла при Русском дворе, маркиза де-ла-Шетарди, и уполномоченного министра д'Аллиона с 1742 по май 1743 г. СПб., С.456–460.

скольку Елизавета Петровна не имела других родственников со стороны отца. Поэтому ее эмоциональные ощущения играют здесь лишь второстепенную роль²⁹.

Во время царствования Елизаветы Петровны двор Гольштейн-Готторп извлек для себя много пользы из особого отношения к нему царицы. Его возглавляли наследник российского престола вместе со своими ближайшими родственниками. Любецкий князь-епископ Адольф Фридрих Гольштейн-Готторп был навязан шведам в качестве наследника трона. Каким образом произошел поворот к столь одностороннему изменению характера династической политики? Во время войны против Швеции Россия заняла Финляндию, а влиятельная группа приближенных к петербургскому двору политиков ходатайствовала о ее присоединении к империи. Швеция попыталась исправить ситуацию, выбрав наследником трона Карла Петра Ульриха. Однако герцог был объявлен царевичем прежде, чем официальная делегация приехала в Санкт-Петербург. Петр Федорович не мог быть во главе двух стран одновременно, поэтому члены шведской миссии должны были принять отказ. Причем на основании решения царицы Петр также не мог заявить о своих правах на земли шведской короны. Под влиянием гольштейнской группы из своего близкого окружения, Елизавета Петровна решила использовать кризис в Швеции для продвижения собственного кандидата на место наследника шведского трона, а именно – ближайшего друга царевича. Позже в ходе мирных переговоров императрица дала делегации инструкции согласиться с предложением о передаче меньшей части Финляндии в случае избрания наследником трона Адольфа Фридриха³⁰. Поступательный процесс расширения территории России был в этом случае остановлен в соответствии со стратегией династической политики, так как к Российской империи была присоединена лишь малая часть Финляндии.

Родственные связи российского и шведского наследников трона должны были предотвратить возникновение конфликтов между двумя странами в будущем. Династическая политика в 40-х годах XVIII века

²⁹ *Stellner F. Dynastický faktor... S.413–439.*

³⁰ *Lodge R. The Treaty of Abo and the Swedish Succession // The English Historical Review. 1928. Vol.43. №172. P.540–571. – О русских переговорах повествует вице-канцлер Бестужев гольштейнскому дипломату С. Фон Бухвальду в письме от 26 января/6 февраля 1743 года (См.: Hübner E. Op. cit. S.34).*

не принесла Швеции ожидаемых результатов, так как политика во времена Адольфа Фридриха сохраняла острый антироссийский характер. Надежды Елизаветы на установление позитивных отношений со шведской монархией, основанных на родственных связях, не оправдались. Поскольку шведы не представляли для Российской империи никакой опасности, промахи династической политики в данном случае не могли повлиять на внешнеполитические позиции России, что доказывает ход русско-шведской войны 1788–1790 годов. Во второй половине XVIII века была произведена еще одна попытка использовать династическую политику со стороны Российского государства: Екатерина II инициировала переговоры о браке молодого шведского королевича Густава III со своей старшей внучкой Александрой Павловной (1783–1801). Переговоры, однако, закончились безрезультатно³¹.

В разные периоды российские правители с большей или меньшей степенью интенсивности интересовались и занимались решением Гольштейнского вопроса, то есть судьбой родственных царствующих домов. Этот вопрос сильно повлиял на внутрироссийскую политику лишь однажды, а именно при Петре III, который в 1762 году намеревался объявить Дании войну и поэтому в ходе Семилетней войны подписал мирный договор с Пруссией³². Петр III повел себя так же, как Екатерина I, которая хотела воевать с Данией из-за наследственных прав своего зятя, герцога Гольштейн-Готторп. Причем силы империи должны были быть использованы для реституции территорий, которые в российской внешней политике не играли достаточно важной роли. Правда, в обоих случаях смена государя произошла раньше, чем была объявлена война. Однако именно «династическая бестактность» Петра III в 1762 году помогла Пруссии избежать возможного поражения в Семилетней войне. Россия, подобно тому как во времена Елизаветы Петровны пожертвовала Финляндией для достижения целей династической политики, так и теперь потеряла территории в Восточной Пруссии вместе с Кенигсбер-

³¹ Об этой войне см.: Павленко Н.И. *Екатерина Великая*. М., 1999. С.252–261; Barton H. *Arnold, Gustav III of Sweden and the East Baltic, 1771–1792* // *Journal of Baltic Studies*. 1976. №7. S.13–30.

³² См.: *Семилетняя война. Сборник документов. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг.* / Под ред. Н.М.Коробкова. М., 1948. С.810–814; *Stellner F. Sedmiletá válka v Evropě*. Praha, 2000. S.280–285; Туполев Б.М. *Фридрих II, Россия и Первый раздел Польши* // *Россия и Германия*. М., 1998. Вып.1. С.64.

гом³³. Эта потеря была частично компенсирована незначительным сотрудничеством обеих держав при разделе Польши.

Что же касается Австрии, то здесь возникла ситуация, когда наследственные права на соответствующие земли могли поставить под угрозу главную династическую линию. Карл VI, последний член Габсбургской династии по мужской линии, пытавшийся обеспечить неделимость наследства своих территорий для своей дочери Марии Терезии, узнал, что замужние дочери его старшего брата Иосифа I требуют часть наследства себе. Особо чувствительно данный конфликт интересов проявился во времена Войны за австрийское наследство, когда супруги двоюродных сестер Марии Терезии напали на ее владения и попытались оспорить ее наследственные права. Известно также, что в этой ситуации ни Бавария, ни Саксония ничего себе не приобрели. К середине XVIII века стало ясно, что Бавария переоценила свои силы в желании приобрести императорский престол, а Саксония, несмотря на получение польской короны, осталась второстепенной державой. В итоге новой Габсбургско-Лотарингской династии удалось сохранить как императорскую корону, так и австрийские наследственные земли. Пруссия стала второй по силе немецкой державой, причем на смену старой династической иерархии пришел австрийско-пруссский дуализм. После Габсбургов династия Гогенцоллернов обошла по своему значению династии Виттельсбах и Веттин³⁴. Пример наследования трона в герцогстве Модена являлся единственным, когда, благодаря браку с прямой наследницей, произошел мирный захват власти.

Теперь необходимо упомянуть о феномене войн за наследство³⁵. Конфликты провоцировали государи, которые правили с помощью так называемых «тайных кабинетов». Поэтому войны представляли собой

³³ *Отчет Н.И.Панина о передаче Восточной Пруссии в июне 1762 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф.203: Кабинет Петра III. Он.1. Д.55.*

³⁴ *Weis E. Das Haus Wittelsbach in der europäischen Politik der Neuzeit // Das Haus Wittelsbach und die europäischen Dynastien. München, 1981. С.211–231; Press V. Wettiner und Wittelsbacher – die Verlierer im dynastischen Wettlauf des Alten Reiches: Ein Vergleich // Sachsen und die Wettiner. Chancen und Realitäten. Internationale wissenschaftliche Konferenz Dresden vom 27. bis 29. Juni 1989. Dresden, 1990. S.63–71; Stellner F. Bavorsko a Prusko. Srovnání historie dvou německých mocností do roku 1871 // Střední Evropa. 1996. T.64. №12. S.113–124.*

³⁵ *Weber W. Dynastiesicherung und Staatsbildung... S.106.*

лишь дополнение, продолжение или «кульминацию» кабинетной политики. В рамках нее преследовались, в основном, сугубо династические интересы. Военные конфликты развязывались без внимания к политической ситуации или мнению подданных. Конечно же, существовали и исключения, как, например, войны европейцев против Турции или Война за независимость североамериканских колоний. Однако в большинстве своем на протяжении всего XVIII века решение об объявлении войны принимали «тайные кабинеты».

То, что династические и генеалогические моменты играли важную роль при определении внутри- и внешнеполитических целей, доказывает целый ряд войн за права наследования. Конфликты такого рода в рамках брачной политики удерживали свое особое место в международных отношениях до окончания века Просвещения. Конечно же, происходили и конфликты, которые историки называют «войнами за власть». Так, во времена великой Северной войны в 1700–1721 годов предметом спора было не наследство, а господство над территориями в Прибалтике. Правда, порой происходило смешение этих интересов. Например, Война за испанское наследство означала для Австрии и Франции борьбу за наследство, в то время как Великобритания, Голландия и Пруссия участвовали в ней ради захвата новых территорий. С этой же точки зрения возможно рассматривать и Войну за австрийское наследство 1740–1748 годов. Для Баварии и Саксонии это была так называемая «кабинетная война» за наследство, в то же время для Пруссии и Франции это был классический конфликт за влияние и контроль над территориями. Также необходимо отметить, что при более близком рассмотрении сути конфликта оказывается, что под лозунгами «равновесия» или реализации наследственных прав скрывались общие экономические, торговые и геополитические интересы конкретных держав. Наследственные конфликты часто представляли собой лишь повод для развязывания войны, которую экономически развитые страны использовали в качестве эффективного инструмента «реальной политики».

Внешиеполитическая мотивация династических браков

Переходим теперь ко второму типу вышеуказанных браков – так называемым политически обусловленным бракам. В случае с Россией, необходимо вспомнить в первую очередь неудачу Петра Великого. В 1716 году император успешно завершил переговоры о замужестве своей племянницы Екатерины Иоанновны с герцогом Карлом Леопольдом

Мекленбург-Шверинским с целью организации в период Северной войны новой операционной и заготовительной базы для российских вооруженных сил. Новый родственник действительно предоставил российским войскам территорию своей страны, в том числе свои порты. Эти действия, однако, вызвали острую реакцию со стороны Великобритании и Франции, поэтому царь в 1717 году вынужден был вывести свои армии из герцогства Мекленбург³⁶. Мекленбургская политика была большим просчетом Петра I, ибо она привела к обострению дипломатических противоречий и, как следствие, к увеличению продолжительности войны.

Аналогичным примером политически мотивированных браков являлся брак племянницы Петра Великого, Анны Иоанновны, с герцогом Курземе (Курляндии). Курземе, находящаяся между Российской империей и Польшей, являлась важной составной частью российских стратегических планов, а установление родственных связей должно было способствовать укреплению пророссийской ориентации государства. Однако в этом случае отчетливо проявилась следующая ограничительная черта династической политики – невозможность предвидения судеб человека. Курземский герцог внезапно умер. Тогда Петр Великий вынужден был Анну Иоанновну отстаивать интересы России в Курземе, но при этом ни в коем случае не хотел соглашаться на еще один брак своей племянницы, которая при этом потеряла бы свои права герцогини-вдовы. Ее присутствие помогло легитимизировать влияние Российской империи на внутреннюю и внешнюю политику герцогства³⁷.

³⁶ Wittram R. *Peter I, Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit.* Göttingen, 1964. Bd.2. S.273–279, 294–296; Соловьев С.М. *История России с древнейших времен в пятнадцати книгах.* М., 1963. Кн.9. Т.17. С.46–49; Mediger W. *Mecklenburg, Rußland und England-Hannover 1706–1721. Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges: Textband.* Hildesheim, 1967. S.205, 221; Schulze Wessel M. *Rußlands Blick auf Preußen. Die polnische Frage in der Diplomatie und der politischen Öffentlichkeit des Zarenreiches und des Sowjetstaates 1697–1947.* Stuttgart, 1995. S.49–55.

³⁷ После восхождения Анны Иоанновны на трон в 1730 году герцогством стал править дядя ее покойного мужа, Фердинанд I (1655–1737). После смерти Фердинанда и угасания династии Кетлер по мужской линии, правителем герцогства стал фаворит царевны Эрнст Иоганн Бирон. Династическая политика Бранденбург-Пруссии также не была успешной, так как длительные попытки получить земли в свое владение, благодаря близости с династией Кетлер, натолкнулись на сильный отпор со стороны российской империи.

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА МОНАРХИЙ В XVIII ВЕКЕ

Большой успех в политически обусловленных браках имела австрийская династическая стратегия. Так, благодаря подобным бракам своих детей Мария Терезия смогла усилить внешнеполитическую ориентацию на династию Бурбон, которая правила во Франции, Испании, на Сицилии, в Неаполе и в Парме. После брака Иосифа II и Марии Изабеллы Пармской последовала в 1765 году свадьба Леопольда II с Марией Луизой Испанской. В 1768 году эрцгерцогиня Мария Каролина вышла замуж за Фердинанда IV Неапольско-Сицилийского, а на следующий год ее сестра Мария Амалия была выдана замуж за герцога Пармского Фердинанда I. В 1770 году состоялась свадьба эрцгерцогини Марии Антуанетты с французским дофином Людовиком³⁸. Всего же из восьми детей Марии Терезии пятеро вступили в браки с представителями династии Бурбонов. В целом из 18 браков членов Габсбургской и Габсбургско-Лотарингской династий в период с 1700 по 1800 годы восемь было заключено с представителями именно этой династии.

С другой стороны, необходимо задаться вопросом, насколько австрийско-французский альянс был успешен. В период Семилетней войны Австрии не удалось вернуть контроль над Силезией, а Франция потерпела поражение в борьбе с Великобританией за контроль над морями. В Войне за баварское наследство Вена была вынуждена согласиться с получением контроля лишь над малозначительными областями, а внешнеполитические просчеты Франции были одной из причин, которые привели страну на грань революции, в то время как во всей Европе начинался бурный период революционных войн. Однако необходимо также отметить и реальную степень успешности внешнеполитической ориентации, основанной на принципах брачной политики. Альфред Колер сформулировал это сле-

ской политики (из 15 браков периода нахождения у власти династии Кетлер 4 были с династией Гогенцоллерн). Герцогство Курземе осталось под российским влиянием и было окончательно присоединено к России в 1795 году в процессе Третьего раздела Речи Посполитой.

³⁸ *Брак Людовика XVI по-разному оценивается в историографии (См.: Weber H. Die Bedeutung der Dynastien für die europäische Geschichte in der frühen Neuzeit // Das Haus Wittelsbach und die europäischen Dynastien. München, 1981. S.5–7). Свадьбу эрцгерцога Фердинанда с наследной принцессой Модены, Марией Беатрикс Д'Эст, можно воспринимать как подтверждение профранцузской ориентации династии, так как ее бабушка происходила из рода Бурбон-Орлеанс, а ее тети со стороны отца были членами французской королевской семьи.*

дующим образом: «В рамках европейских международных отношений династическо-герeditивный конфликт приобрел особое значение. Это было связано с новыми военными рисками, новыми предпосылками к началу военных действий, как, например, в случае с войнами за наследство. Наследственные права служили в данном случае как легитимация наступательного характера использования силы и в то же время служили важным инструментом охраны наследственной монархии в данной стране»³⁹.

Похожего мнения придерживался и Хорст Меллер: «Представители европейских монархических дворов были связаны между собой родственными связями на основании принципа "равной родственности" и исходящей из этого брачной политики. Позднее это послужило основанием для начала процесса интеграции, а также дезинтеграции в форме войн за наследство, которые представляли собой основной тип войны в Европе до середины XVIII века. И это несмотря на то, что европейская система устройства межгосударственных отношений, которая сформировалась в XVII и XVIII веках и действовала с незначительными изменениями до начала Первой мировой войны, вела к ограничению количества конфликтов»⁴⁰.

Что касается вопроса об установлении тесных родственных связей между дворами северо-европейских держав, то можно с уверенностью утверждать, что данная ориентация не воспринималась как наиболее предпочтительная. В XVIII веке государи вышеназванных стран не искали себе партнеров среди представителей соседних династий⁴¹. Их представители заключили брак лишь раз, когда младший сын императора Леопольда II, эрцгерцог Иосиф (1776–1847), женился на российской великой княгине Александре Павловне (1783–1801).

В случае политически мотивированных браков российский двор находился в менее выгодном положении, так как за исключением периода царствования Петра Великого не имел «достаточного» количества чле-

³⁹ Kohler A. *Op. cit.* S.465.

⁴⁰ Möller H. *Europas Integration als Ergebnis der europäischen Geschichte, Die Zeit*. URL: http://www.zeit.de/reden/europapolitik/200232_moeller_integration. – X.Вебер напоминает, что браки также часто предоставляли предпосылки для объявления войны (Weber H. *Op. cit.* S.18).

⁴¹ Следует, однако, упомянуть предложение выдать Марию Терезию замуж за будущего Фридриха II, который в то время должен был жениться на принцессе Елизавете Кристине Брауншвейгской (См. Arneth A. *Prinz Eugen von Savoyen. Osnabrück*, 1978. Bd.3: 1719–1736/S.334–336).

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА МОНАРХИЙ В XVIII ВЕКЕ

нов монаршей семьи⁴². Приведенная ниже таблица дает нам представление о числе лиц мужского пола среди правящих династий (по состоянию на 31 декабря данного года):

СТРАНА/ГОД	1725	1730	1740	1762	1799
ПРУССИЯ ⁴³	10	11	9	6	12
АВСТРИЯ	1	1	1*	5*	18
РОССИЯ	1	1**	2**	4***	5

* включая Франца I.

** включая Петра III, который жил тогда в Киле.

*** трое из великих князей были интернированы.

Согласно данной таблице, в первой половине XVIII века дворы Вены и Петербурга не имели почти ни одного принца / великого князя, в то же время в Берлине не испытывали подобных проблем. У Гогенцоллернов было в течение целого века стабильное количество принцев. В вышеназванных династиях появилось достаточное число мужских потомков только к началу 60-х годов XVIII века. К концу века можно констатировать быстрый рост числа членов австрийской династии. То же самое наблюдалось и в России, где появилось на свет большое количество потомков-мужчин, будущих великих князей. Что касается общего числа реализованных браков, то берлинским двором их было заключено 33, в Вене – 18, а в Петербурге – 14. Самые широкие возможности при осуществлении брачной политики имела Пруссия, в то же время Австрия и Россия должны были «ждать» потомков-мужчин до конца 60-х годов. Чем меньше было принцев и принцесс, тем большее значение приобретали реализованные бракосочетания.

Количество принцев и заключенных браков не означало, однако, автоматически успешной брачной политики. Кроме того, в династической политике свою роль играли не только члены династии, но и родственники по династической линии. В связи с этим часто упоминается Екатерина II, которая после восхождения на престол в 1762 году имела лишь одного сына – великого князя Павла (1754–1805). Дальние родственники ее мужа из династии Гольштейн были в тот же год высланы за границу. Объяснялось это тем, что Екатерина II не хотела вызвать мас-

⁴² Подробно вопросом о «биологическом потенциале династии» занимается В.Вебер: Weber W. *Dynastiesicherung und Staatsbildung...* S.101.

⁴³ Включая линию Бранденбург-Шведт, исключая линии Бранденбург-Байройт и Бранденбург-Ансбах.

сового недовольства, связанного с неприятием в России иностранцев, а также желанием показать, что ей очень важно общественное мнение, с учетом которого она хотела править. Это подтверждает и тот факт, что в Россию она не пригласила даже своих родственников из семьи Ангальт-Цербст⁴⁴. Екатерина II не могла проводить династическую политику, подобную австрийской, потому что, как уже было сказано, имела лишь одного сына. У нее не было даже племянника или племянницы. У императрицы и королевы Марии Терезии было в 1762 году уже 12 детей, в том числе один женатый сын и четыре ребенка в брачном возрасте.

Петербургский двор приобрел новых родственников только после выбора невесты для царевича Павла. Екатерина II сначала попыталась «скомбинировать» так называемые семейный и политический брак, с целью выдать за Павла принцессу из шведской династии Гольштейн-Готторп, однако Швеция ответила отказом. Императрица искала жену для сына в средне-, а то и малозначимых немецких монарших семьях. Для усиления российско-прусского союза брак Павла с представительницей рода Гогенцоллерн и Гольштейн-Готторп не рассматривался. Данный брак представлял собой более низкую и менее интенсивную связь родов, однако речь шла все же о легитимном инструменте брачной политики. Выбор, наконец, пал на Вильгельмину Гессен-Дармштадт⁴⁵, сестра которой, Фредерика, вышла в 1769 году замуж за наследника прусского престола⁴⁶. Это обозначало, что наследники престола в Берлине и Петербурге стали шуринами. Таким образом, данный брак можно отнести к политически мотивированным, потому что он укрепил российско-прусский союз⁴⁷.

Также и второй брак Павла с принцессой Софией Доротеей (позднее – Мария Федоровна) из политически незначительной провинции Вюр-

⁴⁴ *Stellner F. Die Personalpolitik Katharinas II im Kontext der russisch-mitteleuropäischen Beziehungen // Prague Papers on History of International Relations. 2009. №12. S.145–156.*

⁴⁵ *Головкин Ф. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания / Сост. Д.Исмаил-Заде. М., 2003. С.117–188; Scharf С. Katharina II, Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1995. S.278–279; Шильдер Н.К. Император Павел Первый: Историко-биографический очерк. СПб., 1901. С.76–77, 84–87; Кислягина Л.Г. Екатерина II в повседневном быту // Русская культура последней трети XVIII века / Под. ред. Л.Н.Пушкарева. М., 1997. С.43.*

⁴⁶ *О свадьбе прусского наследника с Елизаветой Брунсвицкой см.: Haus-, Hof- und Staatsarchiv Staatskanzlei, Berlin, Gesandtschaftsarchiv, Karton 1, (Varia 1743–1757, Berichte an Staatskanzlei 1763–1764), Fol.475.*

⁴⁷ *Вильгельмина (в крещении Наталья) умерла бездетной в 1776 году.*

темберг, которая тем не менее была связана родственными узами с прусским королем, представлял собой продолжение традиции российско-прусских союзнических отношений⁴⁸. Клаус Шарф по этому поводу заметил: «Прусский король не установил прямой родственной связи между бранденбургской и российской правящими династиями. По линии деверей Гольштейн, Гессен-Дармштадт и Вюртемберг породнились с династией Гогенцоллерн посредством браков еще раньше, чем даже начал рассматриваться вопрос о русских свадьбах»⁴⁹. После того как Петербург «заменил» Берлин Веной, императрица благословила свадьбу самой младшей сестры жены царевича, Елизаветы Вюртембергской, с австрийским наследником «номер два», эрцгерцогом Францем, позднее – первым австрийским императором. Однако Елизавета умерла бездетной в 1790 году, и династическая связь обеих династий имела лишь переходное значение⁵⁰.

Династически-родственные браки

Существовал и третий тип браков – династически-родственные. Они не приносили наследственных прав и не имели международно-политических обязательств, а устанавливали лишь равнородную связь. Необходимо отметить, что эти браки не вели к разжиганию новых сражений за власть и не увеличивали количество родственников. Частые браки между родственниками, однако, постепенно становились проблемой, так как возрастала опасность генетических заболеваний. Врожденные болезни часто вели к телесным дефектам и рождению особенно некрасивых девочек и мальчиков. По воспоминаниям современников мы знаем, что много принцесс в Европе XVIII века отличались своей уродливостью. При «нормальных» обстоятельствах, такие женщины никогда бы не вышли замуж и не родили детей, однако в данном случае речь шла о принцессах, которая могли стать королевами. Например, в ряду предков

⁴⁸ Stellner F. *Katharina die Große und die dynastische Beziehungen zwischen Russland und Württemberg* // *Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte*. 2012. Bd.71. S.5–15.

⁴⁹ Scharf C. *Op. cit.* S.272–273.

⁵⁰ Рейнальтер Х. *Австрийско-российские отношения в XVIII веке* // *Русские и немцы в XVIII веке: Встреча культур* / Ред. С.Я.Капр. М., 2000. С.259; Griffiths D. *The Rise and Fall of the Northern System: Court Politics and Foreign Policy in the First Half of Catherine II's Reign* // *Canadian Slavic Studies*. 1970. Vol.4. №3. P.560.

династии Брауншвейг из замка Шарлоттенбург в Берлине было практически невозможно найти хотя бы одну красивую принцессу⁵¹.

Типичным примером третьего типа браков является бракосочетание Петра III и принцессы Ангальт-Цербстской – позднее Екатерины II. Принцесса была единственной кандидаткой среди родственников династии Гольштейн-Готторп. С политической точки зрения в 1744 году Россия не нуждалась в поддержке со стороны иностранной державы, которая могла бы потом ее ограничивать в принятии внешнеполитических решений или вынудить бы участвовать в Войне за австрийское наследство. Поэтому для царевича и не искали невесту среди представительниц могущественных и значимых династий. Тем не менее речь шла об установлении прямых родственных связей по женской линии, так как будущая Екатерина II не была прямым представителем династии Гольштейн-Готторп, а лишь побочным родственником по материнской линии и носила, естественно, фамилию своего отца⁵². Династически-родственные браки по мужской линии заключались лишь Гогенцоллернами, которые установили тем самым связь с семьями Шведт, Байройт и Ансбах.

**Стратегии
династической
политики**

Теперь сравним подходы России, Австрии и Пруссии к династической политике. Из 14 браков, которые имели место в период с 1700 по 1800 год в российском правящем доме, 11 были заключены с представителями немецких дворов (по два – с династией Мекленбург-Шверин и Брауншвейг-Вольфенбюттель, по одному – с Ангальт-Цербст, Гессен-Дармштадт, Вюртемберг, Баден, Захсен-Кобург-Заалфельд, Гольштейн-Готторп и Габсбург-Лотаринген). Еще один брак связал Романовых с курляндскими герцогами, а два оставшихся брака были морганатическими⁵³. Таким образом видно, что российская императорская семья ориентировалась на самые известные

⁵¹ *Armborst G. Genealogische Streifzüge durch die Weltgeschichte. MünchenМюнхен 1957, S .64–68, 79–86. (должен быть использован один язык)*

⁵² *Stellner F. Rusko a střední Evropa v 18. století. Praha, 2009. Díl.I. S.208–217.*

⁵³ *Предполагаемый брак Елизаветы Петровны и графа Разумовского не рассматривается, так как не существует его подтверждения из надежных источников (См.: Stellner F. Dynastický faktor... S. 415). В общей сложности российская династия заключила в период с 1862 по 1917 год 28 браков с представителями немецких династий, а с остальными – лишь 18. Чаще всего супругами членов царской семьи становились представители династии Гессен-Дармштадт и Мекленбург-Шверин.*

немецкие государства, в то время как с династиями, которые находились во главе других европейских держав, представитель петербургского двора вступил в брак лишь однажды (Габсбург-Лотаринген). Это подтверждает нежелание многих европейских правителей посылать своих принцесс и принцев на «небезопасный двор». Здесь необходимо упомянуть о переговорах с Версалем, касавшихся возможного брачного союза Елизаветы Петровны и Людовика XV или другого французского принца⁵⁴, а также отказ Фридриха II дать согласие на свадьбу своей сестры с царевичем Петром Федоровичем⁵⁵.

Петербургский двор был единственным, кто в анализируемый период рассматривал возможность бракосочетания членов императорской фамилии с представителями отечественных не царских родов, но пользовавшихся при этом большим политическим влиянием. Князь Александр Данилович Меншиков планировал выдать свою дочь замуж за Петра II, а курляндский герцог Эрнст Иоганн Бирон добивался свадьбы своего сына с принцессой Анной Леопольдовной, которая в то время воспринималась как потенциальная наследница Анны Иоанновны. Однако оба «проекта» сближения родственников фаворитов с царской семьей не были реализованы. Подобные случаи не могли произойти в Вене или Берлине, так как ради сохранения правящей династии государи не давали согласия на браки членов своих семей с лицами, которые находились на более низком уровне социальной иерархии. Петербургский двор также выделялся на фоне остальных европейских дворов и числом морганатических браков. Этикет и строгие брачные правила не воспринимались здесь в первой половине XVIII века как нечто неизменяемое. Только после смерти Екатерины II и введения в конце века приюгенитурности династия Романовых-Гольштейн-Готторп начала относиться к «классическим» блюстителям чистоты «святой» крови.

Из 18 браков, заключенных в период с 1700 по 1800 год членами Габсбургской или Габсбургско-Лотарингской⁵⁶ династий, большинство было заключено с членами династии Бурбон. Из них четыре – с представителями королевства Неаполь-Сицилия, два – с представителями Пармы, по одному – с представителями Франции и Испании. В отличие от Гогенцоллернов и Романовых в венской брачной политике не доми-

⁵⁴ Liechtenhan F.-D. *Elisabeth Ire de Russie l'autre impératrice*. Paris, 2007. P.32–33.

⁵⁵ Stellner F. *Dynastický faktor...* S.432–433.

⁵⁶ Были подсчитаны и браки основателей побочной линии в Модене и Тоскана, так как они были заключены еще до вступления эрцгерцогов на трон.

нировали представители немецких домов, и вместе с 8 браками они составляли лишь 44% браков, заключенных в данный период. Имеются в виду по двое представителей от династий Лотаринген, Виттельсбах, Саксония (Альбертинская линия) и по одному от династий Брауншвейг-Вольфенбюттель и Вюртемберг. Остальные браки были заключены с одним из членов династии Модена Д'Эст, а также с представителями российского и савойского правящих домов. Территориально Вена ориентировалась равномерно на Италию (8 браков) и немецкие земли (8 браков), что отвечало основным интересам австрийской внешней политики. В рамках брачной политики, таким образом, Австрия укрепила союз с династией Бурбон, самыми важными католическими дворами империи (Бавария, Пфальц, Саксония, Вюртемберг), а также закрепила за собой наследственные права на герцогство Модена. Союз с Баварией и Пфальцем позволил закрепить Вене наследственные права на территории, на которые династия долгое время претендовала после пресечения баварской линии династии Виттельсбах в 1777 году. Император Иосиф II использовал данную возможность и попытался присоединить к австрийскому государству большую часть Баварии, однако встретил сопротивление прусского короля и после Войны за баварское наследство должен был смириться лишь с незначительными территориальными приобретениями.

Прусская линия Гогенцоллернов⁵⁷ заключила в период 1700–1800 годов в общей сложности 33 брака. В большинстве своем это были члены немецких династий, но, в отличие от Вены и Петербурга, два брака были заключены в рамках собственного дома и три – с побочными линиями династий Байройт и Ансбах. Без сомнений, главной целью этих союзов было подтверждение наследственных прав на маркграфства. Из числа немецких семей Гогенцоллерны породнились с династиями

- Гессен (4 брака с Гессен-Кассел и 1 брак с Гессен-Дармштадт),
- Брауншвейг-Вольфенбюттель (4 брака),
- Мекленбург (2 брака с Мекленбург-Штрелиц, 1 с Мекленбург-Шверин),
- Ангальт (2 брака с Ангальт-Дессау, 1 с Ангальт-Бернбург),

⁵⁷ *Побочные линии Бранденбург-Байройт и Бранденбург-Ансбах не включены, так как речь идет о самостоятельных герцогствах.*

- по 2 брака с Великобританией, Ганновером, Голландией, Саксонией (Эрнестинская линия, Саксония-Эйсенх-Йена и Саксония-Мейнинген), Вюртемберг
- и по одному браку со Швецией и княжеским домом Радзивилов.

В случае с Мекленбургом, линиями Байройт и Ансбах, браки были политически мотивированными с целью укрепления и подтверждения существующих наследственных прав.

Пруссия как сильнейшая протестантская держава в немецких землях укрепила своей брачной политикой постоянный союз с протестантскими дворами в Юго-Западной и Центральной Германии. Фридрих II, хотя был одинок и жил как старый холостяк, постоянно пытался укрепить свои политические позиции династическими отношениями, умело определяя судьбы заключаемых браков. В то время как большинство аристократов в начале XVIII века рассматривали Вену как идеальное место для своей военной карьеры под руководством принца Евгения Савойского, принцы из княжеств Вюртемберг, Гессен и Брауншвейг стремились попасть на службу к прусскому королю. Ситуация изменилась после вступления в России на престол Екатерины II. Установление родственных связей между немецким и российским дворами отразилось на укреплении до той поры незначительных по своему влиянию и размеру семей. Династия Гессен-Дармштадт стала самой значимой составной частью российской династической политики. Ее члены были ближайшими родственниками царской семьи, поэтому ее престиж в Европе значительно вырос⁵⁸. Екатерина II хотела впоследствии повысить авторитет собственной династии выдачей замуж своячениц своего сына, Амалии и Луизы, за датского короля и шведского наследника престола, чем бы достигла объединения северных держав посредством родственных связей. Этот план не был осуществлен, главным образом, в результате несогласия шведской стороны⁵⁹.

Активизация сотрудничества прусского и российского дворов произошла после смерти жены царевича Павла. Екатерина II обратила свой взор на принцессу Софью Доротею Вюртембергскую как на самый подходящий вариант для сына. Для Фридриха Великого и второй брак ца-

⁵⁸ *Stellner F. Rusko a střední Evropa v 18. století... S.235–238.*

⁵⁹ *Амалия, в конце концов, вышла замуж за баденского, а Луиза – за саксонско-веймарского монарха. Обе впоследствии играли важную роль в российской династической политике в следующем столетии: Амалия – как теща Александра I, а Луиза – как свекровь великой княгини Марии Павловны.*

ревича не принес удовлетворения, потому что Екатерина II использовала его, чтобы для извлечения собственной выгоды отнять у Потсдама руководство династической политикой в отношении малых немецких дворов. Это доказывает также тот факт, что, например, младшее поколение династии герцогства Вюртемберг ориентировалось уже не на Берлин, а на Петербург и Вену. Вюртембергские принцы, которые служили в прусской армии, перешли в армию российскую. Служба в ней не была такой изнуряющей и строгой и в материальном плане была более выгодным вариантом. Кроме того, прусско-российский союз распался.

Если критерием успешности брачной политики считать свадьбы членов династии с представителями императорских и королевских дворов, то самым успешным был венский двор. Ведь его члены нашли своих партнеров в королевских и императорских семьях восемь раз (четыре раза в Неаполь-Сицилии, по одному разу во Франции, Испании, России и Сардинии), в то время как Пруссия только три раза (два раза в Великобритании, один раз в Швеции), а Россия ни разу.

Морганатический брак

Теперь необходимо упомянуть и четвертую предполагаемую разновидность браков – морганатические. Можно кон-

статировать, что в XVIII веке иностранные принцессы и принцы выглядели более предпочтительным вариантом при выборе партнера, так как воспринимались в качестве символа престижа и успешности политики. В таком случае царская или королевская семья еще более возвышалась над дворянством и подданными, пользовалась большим уважением в обществе и приобретала неограниченный и непререкаемый авторитет. Эту европейскую традицию перенял Петр Великий и для всех членов своей семьи выбирал партнеров исключительно среди представителей иностранных правящих династий. Необходимо, правда, отметить тот факт, что сам монарх выбрал себе жену из местной среды. В истории России XVIII века это был случай Екатерины I, простой маркитантки, который представлял собой последний мезальянс в российской династии⁶⁰.

В прусской династии в анализируемый период был заключен лишь один морганатический брак, но это имело отношение к побочной линии⁶¹. Венский двор сумел не допустить ни одного мезальянса. Упомянутый

⁶⁰ Буганов В.И. *Екатерина I // Вопросы истории. 1994. №11. С.39–49; Павленко Н.И. Екатерина I. М., 2004.*

⁶¹ В 1796 году прусская принцесса Луиза вышла замуж за Антона Генриха князя Радзивилла.

морганатический брак все же принципиально не влиял на положение России в международной политике. С другой стороны, он все же затруднял поиск партнеров для дочерей от данного союза. Представители европейских династий хотя часто и высмеивали происхождение российских принцев, однако при переговорах об альянсах, войнах, ссудах или торговых связях данный факт не играл никакой роли.

Малое влияние на межгосударственные отношения в Европе оказывали и разводы, так как в анализируемый период имелся лишь один пример в Берлинском дворе в 1767 году в семье будущего короля Фридриха Вильгельма II.

Психосоциальная сторона брачной политики

В последнее время историография увлеклась социальной и психосоциальной стороной.

А.Колер об этом пишет так:

«...Династические браки, как правило, заключались для укрепления взаимного доверия между княжескими домами и представляли собой знак политической конвергенции, причем люди использовались в качестве политического залога... Дети европейских правящих династий были в этом плане типичными жертвами произвола со стороны своих родителей: для них выбирались супруги, которых они никогда до этого не видели, даже несмотря на возраст... Центральное место в династической политике занимал династический брак и воспроизводство потомства. Молодые жены монархов были подвержены необычайно сильному династически-биологическому давлению ранней беременности и необходимости рождения здорового мужского потомка. Исполнение династической обязанности имело первостепенное значение»⁶².

Большинство браков между членами правящих семей не принимали во внимание взаимные симпатии и любовь, будущие супруги не выбирались согласно критериям красоты, симпатий или сексуальной привлекательности, а лишь в соответствии с государственными интересами⁶³. Поэтому не должны удивлять факты неудачных и несчастливых браков. Как пример можно упомянуть супружества Петра III и Екатерины II, Фридриха Вильгельма II и Елизаветы Брауншвейг-Вольфенбюттель, императора Иосифа II и Марии Жозефы Баварской, Марии Каролины, третьей дочери Марии Терезии, и Фердинанда IV, короля Неаполитанского и Сицилий-

⁶² Kohler A. *Op. cit.* S.467, 473–474.

⁶³ Stolleis M. *Op. cit.* S.52–53.

ского. Несмотря на это, иногда случалось, что выбранные таким образом супруги влюблялись, обожали и боготворили друг друга. Приведем пример брака чешской и венгерской королевы Марии Терезии и Франца Стефана Лотарингского (Франца I)⁶⁴.

Примером социокультурных и ментально обусловленных проблем являлся переезд Софьи Доротеи из Ганновера в Берлин, где вместо красот барокко, самолюбия, тщеславия, амбиций и образованности она столкнулась с резкостью, грубостью и военными манерами. Ее супруг, Фридрих Вильгельм I, производил впечатление истинно «варварское», особенно в сравнении с барочными аристократическими монархами в Вене, Париже или Дрездене. Он был также необычайно скупым, ненавидел роскошь и в некотором роде воплощал собой типичный образ экономного, скромного и нетребовательного немца. Его скромная униформа (ничего другого он не носил) не отвечала представлениям эпохи о его Величестве, а его фанатическую чистоплотность никто в «антигигиеническом» XVIII веке не понимал; у него не было времени заниматься культурой или модой⁶⁵.

В заключение согласимся с Р.Лебе, который написал: «В эпохе сформировавшегося национального государства, брачная дипломатия постепенно отходила на задний план. Уже ни один монарх браком с принцессой не мог отнять у своего соперника права на данную территорию. Новые владения или финансовые и налоговые источники уже очень редко приобретались у алтаря. И хотя новейшая история знает примеры многих политически мотивированных супружеств, которые сопровождали, подтверждали или даже открывали возможности для новых, прежде всего военнотринастических, альянсов, собственно стратегическая, спекулятивная и ориентированная исключительно на выгоду и наследство брачная политика остается особенностью Средневековья»⁶⁶.

⁶⁴ О приготовлениях к браку см.: Zedinger R. *Hochzeit im Brennpunkt der Mächte: Franz Stephan von Lothringen und Erzherzogin Maria Theresia*. Wien-Köln-Weimar, 1994. Но о династической политике здесь не упоминается. Далее см.: Anderson B., Zinsler J. *Eine eigene Geschichte. Frauen in Europa*. Frankfurt am Main, 1995. Bd.2: *Aufbruch. Vom Absolutismus zur Gegenwart*. S.53.

⁶⁵ Krabs O. *Wir, von Gottes Gnaden. Glanz und Elend der höfischen Welt*. München, 1996. S.195–204; Hinrichs C. *Das Ahnenerbe Friedrich Wilhelms I. Ein historisch-erbbiologischer Versuch // Forschungen zur brandenburgischen und preußischen Geschichte*. 1938. Bd.50. S.104–121. – О положении ганноверской династии в Великобритании см.: Kovář M. *Anglie posledních Stuartovců 1658–1714*. Praha, 1998.

⁶⁶ Lebe R. *Op. cit.* S.28.

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА МОНАРХИЙ В XVIII ВЕКЕ

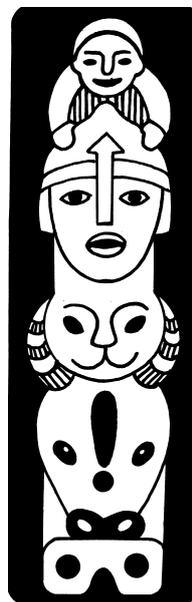
Какое место занимала династическая политика при строительстве Прусской, Австрийской и Российской монархий в XVIII веке? Какую политическую выгоду получили эти дворы благодаря ей? Признаем, что она имела лишь второстепенное значение. В то же время она представляла собой импульс для принятия принципиальных политических решений. В качестве примера приведем значение родственных связей с династией Гольштейн-Готторп при заключении Ништадтского мирного договора, эскалации напряженности с Данией во времена Екатерины I и Петра III, возвращение большей части Финляндии в обмен на избрание родственника царевича наследником шведского престола, обеспечение наследственности многих областей (Модена) и укрепление австрийско-французского союза. Династическая политика помогла удержать или увеличить влияние в немецкой области, главным образом во времена царствования Фридриха II и Екатерины II. В остальных же случаях браки имели лишь сопровождающую функцию в уже существующих альянсах или же речь шла об аполитических супружеских союзах.

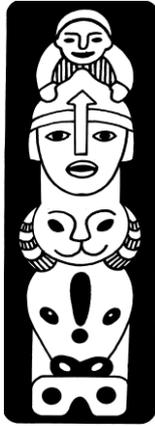
ЯРЛЫКИ И МИФЫ

Только что не прямо кричит учение, что истинное благо просто и единовидно по природе и чуждо всякой двойственности и сопряженности с противоположным. А зло разнообразно и изменяет вид, чтобы его считали чем-то иным, а на опыте выяснилось бы, что оно не таково; его ведение, то есть опытное восприятие, становится началом и основанием смерти и истления.

Часто наше несчастье не дает
узнать божественного дара,
как будто отвратительной маской
закрыв красоту образа страстями
плоти.

Григорий Нисский

**Дмитрий Антонов,
Михаил Майзульс**

**«МЕЧТАНИЯ»
И «ILLUSIONES»:**

**ДЬЯВОЛЬСКИЕ НАВАЖДЕНИЯ
МЕЖДУ КНИЖНОСТЬЮ
И ИКОНОГРАФИЕЙ¹**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
23/28

The medieval Devil is not only the father of lies but also the father of illusions and expert in transformations assuming multiple masks (from insects and wild beasts to humans and angels) lengthy described in the Byzantine and Old Russian hagiography. The article explores the role of the illusionist transformations in the Old Russian demonological imagery and compares their functions in Eastern Orthodox and Western Catholic contexts. It focuses also on the methods the medieval artists used for visualizing the illusions described in the lives of saints and explores the inevitable gap between the textual and visual narrative strategies.

Ключевые слова: древнерусская иконография; агиография, демонология; Византия – Русь – Запад; охота на ведьм; текст и изображение

Key words: Old Russian iconography; hagiography; demonology; Byzantium – Rus' – West; witchhunt; text and image

E-mail: antonov-dmitriy@list.ru, maizuls@gmail.com

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации (МК-5779.2012.6).

Обманщик и иллюзионист

На миниатюре из старообрядческого сборника XIX в. рядом с церковью, где молится князь,

стоит странная женщина с черными звериными лапами, виднеющимися из-под подола. На следующем развороте эта сцена практически в точности повторяется вновь. Еще через лист мы видим толпу людей с черными лапами и руками, осаждающую тот же храм. Это иллюстрации к известной истории о князе-грешнике, которому духовник вместо епитимии предложил провести ночь в заброшенной церкви. Чтобы помешать его покаянию, демоны пытаются выманить его наружу и являются в облике его сестры, потом жены, а затем как толпа народа, которая убеждает князя поскорей спастись из якобы горящего храма. Дьявол-иллюзионист перебирает маски, чтобы обмануть князя, а автор миниатюры пририсовывает «сестре» и «жене» звериные когти, чтобы разоблачить наваждение перед читателем-зрителем рукописи².

Хорошо известно, что дьявол в христианской традиции – не только великий обманщик, но и «отец лжи» (Ин. 8: 44). Он клеветник, искуситель и имитатор, подражающий Богу или скорее пародирующий его, извращая и искажая творение («обезьяна Бога»)³. Кроме того, он непревзойденный притворщик. Именно эта ипостась лжи будет здесь нас интересовать. Неуловимо изменчивый, сатана примеряет тысячи обманых масок, и не ясно, есть ли у него вообще собственное лицо или его суть как раз состоит в безликости и бесконечном переборе личин⁴.

Одно из главных орудий соблазна и обмана – наваждения и призрачные метаморфозы, которые в греческих текстах именовались «фанта-

² Российская национальная библиотека (далее – РНБ). Тихан. 338. Л. 253, 254, 256 (древнерусской пагинации). Ср.: Державина О.А. Развитие сюжета в переводной новелле XVII в. и его отражение в миниатюре // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 395, Рис. 3.

³ Махов А.Е. *Hostis Antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря*. М., 2006. С.205–208, 235–237.

⁴ Там же. С.275–278; Махов А.Е. *Средневековый образ между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии*. М., 2011. С.38–42. – Не случайно один из исследователей средневековой иконографии сатаны Л.Линк назвал свою книгу «Дьявол: Маска без лица» (Link L. *The Devil: A Mask without a Face*. L., 1995). О личинах и масках сатаны в древнерусской иконографии см.: Антонов Д.И., Майзульс М.Р. *Демоны и грешники в древнерусской иконографии: семиотика образа*. М., 2011).

зиями» (*φαντασία*). Древнерусские источники называют их «кляками», «привидениями» или «мечтаниями», западные – *phantasiae* или *illusiones*.

В этой статье мы проследим, как мотив дьявольских наваждений функционировал в древнерусской книжной традиции и как эти метаморфозы представлялись и интерпретировались в иконографии. Чтобы изобразить иллюзию, средневековому мастеру требовалось решить несколько концептуальных задач. Как отделить физическое пространство от пространства видения? Как передать красками призрачное «мечтание»? Как представить беса в обманном облике человека, зверя или ангела, но так, чтобы зрителю сразу же стало ясно, кто скрывается под этой мнимой личиной? Образ дьявола-иллюзиониста, перебирающего бесконечное множество масок, был актуален и в европейской средневековой демонологии. Мы рассмотрим, как два концепта, выросшие из одного корня: древнерусские «мечтания» и западные *illusiones*, – со временем стали функционировать в совершенно разных контекстах.

Сатана – падший ангел, который пытается совратить, прельстить, обмануть людей, заставив их повторить его путь от жизни к смерти, от спасения к гибели. Он завидует человеку и стремится завлечь его в ловушку. Однако ему не дано принудить людей к греху: дьявол лишь предлагает бесчисленные соблазны⁵.

⁵ В Толковом Апостоле (восточнославянские списки известны с XIII в.) утверждалось, что Бог испытывает человека, чтобы его спасти, а дьявол, – чтобы умертвить, однако дьявол не может, а Бог не хочет принуждать человека к чему-либо: Господь дал человеку свободу воли и попускает ему делать, что он хочет, благодаря чему человек сам решает, поддаться ли искушению или нет: «комуждо напасть от своя похоти влеко и прельщень бывая» (Библиотека литературы Древней Руси. СПб. (далее – БЛДР), 1999. Т.2. С.88, 90). Действия падших духов в мире имеют свои ограничения, важнейшим из которых является то, что сила искушения никогда не превосходит силы искушаемого человека (1 Кор. 10: 13). Раннехристианские и средневековые богословы часто утверждали, что дьявол не может принудить ко злу: человек всегда может отринуть дьявольские искушения и соблазняется только по своей воле. В рассказе «Киево-Печерского патерика» о затворнике Иване иноке, претерпевший мучения от сатаны, обратился к Господу с вопросом, известным по «Житию Антония Великого»: «Господи, что ради остави мя зле мучиму быти?» – и услышал ответ: «Противу силе терпения твоего наведох на тя, да ижжен будещи, яко злато. Не бо попускает Господь чрез силу напасть человеку...» (Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Подг. к печ. Л.А.Ольгиевской, С.Н.Травникова. М., 1999. С.48). См. также «Житие Авраамия Смоленско-

В культуре Средневековья образ «искусителя» соединял две внешне несовместимых характеристики: грозную многоликую силу, опасную для всех, включая праведников, и бессилие, пустоту, иллюзорность. Идея, стоявшая в центре христианской демонологии (которая строилась на отторжении дуализма и все же *de facto* порой балансировала на его грани), гласила, что сатана слаб. Поле его маневра жестко ограничено Божьим попусшением («Богу попускающу, дьяволу же действующу») и человеческой волей. Чтобы кого-либо соблазнить, сатане недостаточно своих усилий: человек должен сам, по собственной воле, поддаться его искушению и сыграть с ним в поддавки⁶. Для людей, которые тверды в вере, дьявол не страшен, а смешон⁷. Если человек не служит дьяволу, дьявол будет вынужден служить ему (Лк. 10: 17–20)⁸. Сатана вездесущ и внешне силен, но внутри слаб, рассыпается в прах и стоит на грани небытия⁹.

Очевидно, что историю и, главное, функции дьявола в средневековой византийской, европейской и русской культуре невозможно свести к набору богословских аксиом. Средневековая демонология намного шире и противоречивее: она складывается из множества разнородных источников, в ней одновременно сосуществуют и конкурируют различ-

го» (*Древнерусские предания (XI–XVI вв.) / Сост., вступ. статья и коммент. В.В.Кускова. М., 1982. С.80. Ср.: Словарь средневековой культуры / Под. ред. А.Я.Гуревича. М., 2007. С.160).*

⁶ Эта мысль звучит и в богословских памятниках, и во многих переводных житиях, читавшихся на Руси. См., например, «Устав» Нила Сорского: «Враг же никакo может нам что сотворити кроме поущения Божиа. Не елико бо оному хотение опечалает душу, но елико тому попуститсЯ от Бога» (Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения / Изд. подг. Г.М.Прохоров. СПб., 2005. С.150). Серапион Владимирский писал, что бесам поущено действовать только над теми, кто их боится (БЛДР. 1997. Т.5. С.380).

⁷ См., например, об этом: Юрганов А.Л. Убить беса: Путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006. С.147–201.

⁸ Ср.: Лк.9: 1; Мф.10: 8; Мк.16: 17.

⁹ Отцы Церкви подчеркивали, что, отпав от Бога, сатана отпал от единственного источника жизни – дальнейшего его существование лишь попускается Творцом для того, чтобы люди научались противостоять греху. По словам Григория Великого, сатана пребывает в опасной близости к небытию, все ближе приближаясь к нему с течением времени (Махов А.Е. Сад демонов – Hortus Daemонит: Словарь inferнальной мифологии Средневековья и Возрождения. М., 2007. С.112).

ные объяснительные модели, а трактовка образа сатаны часто бывает обусловлена ситуативно¹⁰. Идея бессилия дьявола, безусловно, играет огромную (порой определяющую) роль в нарративных памятниках, прежде всего в агиографии. Однако в зависимости от адресата, внутренней логики повествования и функций текста те или иные источники могут делать акцент не на бессилии сатаны, а на его могуществе (к примеру, если требуется отвратить от греха через страх или показать, как страшны искушения и как легко сойти с пути истинного).

Дьявол «ученой» традиции, безусловно, не тождествен дьяволу амулетов и заговоров, а церковный дискурс о сатане не исчерпывает репертуара образов и ролей демонов в «народном» (что бы этот термин ни значил в разных контекстах) христианстве или магической практике¹¹.

¹⁰ Как отмечает П.Дендл, в англосаксонской литературе формы репрезентации дьявола сильно зависят от типа источников. За исключением мифологических нарративов об отпадении мятежных ангелов и искушении Адама, в богословских трудах, гомилетике и хрониках дьявол редко появляется воочию и выступает как самостоятельный персонаж. Его присутствие ограничивается ролью исполнителя, который чаще всего появляется не *in persona*, а в трафаретных формулах («по дьяволу научению»). Дьявол не столько персонаж, сколько литературный мотив или функция: источник психологической каузации или болезнетворный агент в медицинских текстах и заговорах. В отличие от английских текстов Позднего Средневековья, англосаксонская литература почти не знает визуальных портретов дьявола (чего нельзя сказать об англосаксонской иконографии). Если говорить о психологическом объяснении греховных поступков, помыслов и желаний, оно тоже зависит от литературного контекста. Нарративные источники (жития) в основном помещают источник греха вовне, в образе демона-исполнителя. Гомилетика, напротив, интернализирует демонов и дьявола как персонификацию человеческих страстей и греховных импульсов, перенося акцент на личную ответственность и свободу воли индивида (Dendle P. *Satan Unbound: The Devil in Old English Narrative Literature*. Toronto, 2001. P.11–18, 20).

¹¹ О.Гудаль обращает внимание на то, сколь ученая демонология отцов Церкви IV–VII вв. отличалась от византийской монастырской демонологии, гораздо сильнее подверженной народным влияниям (Goudal A. *Possessions et exorcismes dans l'hagiographie byzantine primitive (IVe – VIIe siècle)*. Thèse de doctorat effectuée en cotutelle au Département d'Histoire Arts et Sciences de l'Université de Montréal et Département d'Histoire de l'Université Paris IV – Sorbonne (manuscrit), 2007. P.134). Говоря о Византии XI в., П.Жоанну противопоставляет народную демонологию и демонологию критическую, олицетворяемую Михаилом Пселлом (Joannou P. *Démonologie populaire – démonologie critique au XIe siècle: la vie inédite de S.Auxence par M.Psellus*. Wiesbaden, 1971. P.IX–X). Для более позднего времени

Демоны болезней, вселяющиеся в человека, часто весьма далеки от демонов-искусителей и по своему *modus operandi* скорее напоминают бактерии или вирусы, чем ортодоксального христианского сатану, мечтающего завладеть бессмертной душой своей жертвы, чтобы ее погубить¹². Изгнание демона-вируса, вызвавшего какую-нибудь лихорадку, едва ли напоминает драматический внутренний поединок святого с сатаной-искусителем, и в этой истории дьяволу не требуется талант иллюзиониста. Тем не менее в агиографии и многочисленных визуальных циклах житий святых мотив искушения играет важнейшую роль, а где искушения – там иллюзии и наваждения.

**«От змиева образа
на свой образ
применился...»:
истинное лицо дьявола?**

Если, обратившись к словесным портретам и многочисленным изображениям сатаны, мы захотим понять, как в Византии и на Руси представляли его обличье, мы столкнемся с двумя группа-

ми образов. В первой – темное антропоморфное существо, часто с крыльями, иногда без, напоминающее черного ангела, либо человек со звериной мордой, хвостом, когтями и прочими зооморфными элементами¹³ (Илл. 1). Ко второй группе относится бесконечное разнообразие чудовищных масок, которые примеряет дьявол, а также ряд реальных и

Р.П.Г.Гринфилд подчеркивает отличия ортодоксальной традиции, в которой демону отведена строго очерченная роль в рамках Божественного замысла, и «альтернативной» демонологии, в которой демоны, агенты магии, действуют по собственной воле и выступают как активная сила (Greenfield R.P.H. Traditions of Belief in Late Byzantine Demonology. Amsterdam, 1988. P.166).

¹² См. статью «О различии скорбей и тягостей бесовских» из сборника Соловецкой библиотеки (№ 892), в которой практически все мыслимые физические болезни объясняются действием демонов: «всякому злу конец и вина бесове есть»: «попускают бесове главоболе...», «и в слух нам входят...», «напускают икоту...», «напускают рукам зудение и ногам...» и т.д. (Цит. по: Рязановский Ф.А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915. С.63). При этом действие демона никак не связывается с личной греховностью его жертвы, он фактически выступает в роли болезнетворного агента или персонификации болезни.

¹³ О генезисе византийской иконографии дьявола и его основных иконографических типах см.: Elvira M.A. De Hades a Satán: Un problema iconográfico en la Anástasis byzantina // Codex aquilarensis: Cuadernos de investigación del Monasterio de Santa María la Real. 1994. № 11.

мифических животных, которые с ним ассоциируются: от диких лесных зверей до змей и насекомых, от драконов и василисков до причудливых монстров, для которых в bestiариях нет названия (Илл. 2). При этом первая группа образов чаще всего обозначает дьявола/демона как такового (его «настоящий» облик), а вторая – его временную, призрачную, мнимую форму – «мечтания».

Илл. 1 - Фигура демона – темный профиль.

Сцена низвержения падших ангелов. Фрагмент иконы «Страшный суд» конца XVI в. (ГИМ. Инв. № НДМ-3312).

Если перевоплощения дьявола и чудовищные личины, которыми он пользуется, чтобы искусить или утратить человека, обычно подробно описываются, вопрос, что из себя представляет его «подлинный» облик, чаще всего даже не возникает. Поэтому, если в иллюстрируемом житии просто упоминается присутствие демонов и ничего не говорится об их обличье, древнерусский иконописец, скорее всего, изобразит крошеч-

ную черную тень, крупного темного ангела со вздыбленными волосами или человекообразное существо со звериной мордой и крыльями.

Илл. 2 - Бесы в облике зверей осаждают келью Исакия Печерского. Миниатюра Радзивиловской летописи (Л. 114) (о сюжете см. ниже)

Порой – прежде всего, в сюжетах, демонстрирующих их перевоплощение, – дьявол и демоны представлялись как «ущербные» ангелы. На южных воротах собора Рождества Богородицы в Суздале (XII–XIII вв.)¹⁴ или на фреске 1603 г. из трапезной монастыря Дионисиат на Афоне¹⁵ сатана изображен в виде светлого ангела без нимба. На иконе «Воскресение – Сошествие во ад» первой половины XVI в. из Сольвычегодска бесы выглядят в точности как ангелы, но их отличает темный цвет и отсутствие нимбов¹⁶. На новгородской иконе «Страшный суд» XVI в. из

¹⁴ Бенчев И. Иконы ангелов. Образы небесных посланников. М., 2005. С.142. – См. также редкое изображение Антихриста в виде крылатого ангела без нимба, в царских одеждах и с бородой, в лицевом сборнике XVIII в. (Государственный исторический музей (далее – ГИМ). Муз. №322. Л.391).

¹⁵ Оpubл.: Бенчев И. Указ. соч. С.25. О росписях трапезной см.: Кондаков Н.П. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С.71–86.

¹⁶ «Воскресение – Сошествие во ад, с праздниками и избранными святыми» (Архан-

церкви свв. Бориса и Глеба в Плотниках один из бесов мытарств был бы неотличим от ангела (у него есть даже нимб), если бы его фигурка не была выкрашена темной краской¹⁷. Наконец, иногда бесы предстают как черноликие люди, без каких-либо иных демонических признаков (перепончатых крыльев, вздыбленных волос¹⁸ и др.). Именно так изображены водяные бесы, которые завлекли к себе героиню, в лицевой рукописи XVIII в., иллюстрирующей «Повесть о бесноватой жене Соломонии» (1671–1676)¹⁹. При всех этих вариациях «собственный» (т.е. до всяких превращений) облик дьявола в иконографии чаще всего будет антропоморфным: профильной фигурой, похожей на темного человечка, либо человеком с зооморфными чертами, – а монструозные формы обычно резервируются за его перевоплощениями и призрачными масками²⁰.

гельский объединенный музей изобразительных искусств. Инв. №818–ДРЖ; Опубл.: Иконы русского Севера: Шедевры древнерусской живописи Архангельского музея изобразительных искусств. М., 2007. Т.1. №45).

¹⁷ *Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Инв. №2824 (опубл.: Трифонова А., Алексеев А. Русская икона. Из собрания Новгородского музея. СПб., 1992. №146/147).*

¹⁸ *В средневековой визуальной демонологии вздыбленные волосы или хохол символизировали ярость, дикость и одновременно языки адского огня. Подробно о средневековой «прическе» бесов см.: Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Демоны и грешники... С.43–52.*

¹⁹ *ГИМ. Собр. Вахрамеева. № 432. Л. 73об., 74об., 75об., и далее. См.: Пигин А.В. Из истории русской демонологии XVII века. Повесть о бесноватой жене Соломонии. СПб., 1998. Илл. С. 73, 81, 83 и далее.*

²⁰ *Количество комбинаций человеческих и звериных форм, которые потенциально могли войти в иконографию демонов, практически безгранично. Тем не менее византийская, древнерусская и, шире, средневековая христианская иконография, как и всякая визуальная традиция, производит из них отбор, вырабатывая свой визуальный словарь демонического. Так, мы не найдем в нем подчеркнуто асимметричных фигур или персонажей, построенных на хаотическом совмещении элементов, хотя эти образы легко бы вписались в христианское представление о дьявольском антипорядке. Не встретим мы и изображений бесформенного, похожего на темную тучу морока, который мог бы хорошо подойти для иллюстрации ряда книжных сюжетов, и т.д. (Об истории монструозных форм, логике комбинации элементов и влиянии восточного (исламского, китайского) искусства на средневековую западную иконографию см.: Baltrušaitis J. Le Moyen Âge fantastique. Antiquités et exotismes dans l'art gothique. Paris, 1993).*

Антропоморфный образ сатаны, пришедший из византийской иконографии, был уже хорошо знаком волхву из «Повести временных лет», который на вопрос новгородца о том, как выглядят его боги, нарисовал хорошо нам знакомый и исчерпывающий портрет бесов: «Суть же образом черни, крилаты, хвосты имущи»²¹. Именно такими мы видим демонов на известной иконе «Видение Иоанна Лествичника» XII в. из синайского монастыря св. Екатерины²² и на множестве древнерусских икон, фресок, миниатюр или литых медных иконок.

Черный, крылатый, хвостатый демон – привычный, универсальный и «базовый» образ. Однако его онтологический статус, по крайней мере в «ученой» церковной традиции, далеко не так ясен. Действительно, в средневековой культуре существовало представление об «истинном» облике дьявола, подразумевавшее, что под множеством лживых покровов и оболочек скрывается некая подлинная личина, которую потенциально тоже можно увидеть и описать. Но что это выражение значит и как можно говорить об истинном облике бестелесного и бесплотного духа, обсуждалось не часто. Если подлинный облик дьявола и упоминается в текстах, то обычно лишь вскользь, как что-то не нуждающееся в разъяснениях²³.

Афанасий Александрийский (ок.298–373), автор знаменитого «Жития Антония Великого», утверждал, что дьявол скрывает, каков он на самом деле, чтобы обманывать людей своими ложными личинами. Св. Мартину Турскому, по словам его агиографа Сульпиция Севера (363–410 или 429), писавшего под прямым влиянием жизнеописания Антония, было дано видеть дьявола «в каком угодно облики – пребывал ли тот в своей собственной природе (*in propria substantia*) или перевоплощался в различные фигуры порока...»²⁴.

²¹ Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т.1. Лаврентьевская летопись. Вып.1 (далее – ПСРЛ 1). Стб.179. – В «Повести о бесноватой жене Соломони» (1671–1676) героиня однажды увидела «демона, пришедши к ней, зверским образом мохнат и ногти имея у себе». В другой раз св. Прокопий Устюжский показал ей демона: «Аз же видех его черна и хвост у него бяше, уста же ему дебела страшна зело» (Власов А.Н. Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских. СПб., 2010. С.319, 336. См.: Рязановский Ф.А. Указ. соч. С.45–46; Журавель (Горелкина) О.Д. Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск, 1996. С.68).

²² Лидов А.М. Византийские иконы Синая. М.; Афины, 1999. №17. С.72–73.

²³ См.: Махов А.Е. Средневековый образ... С.39–42.

²⁴ Цит. по: Махов А.Е. *Hostis Antiquus*... С.275. – Яркое, хотя и отчасти двусмысленное,

Еще один пример дает популярное на Руси византийское «Житие Андрея Юродивого» (X в.), чрезвычайно щедрое описание дьявольских козней и перевоплощений. В одной из глав сатана обернулся («приложився») убогой старушкой, сел на дороге и стал громко сетовать на то, как «безумник» Андрей ее жестоко ограбил. Юродивый понял, с кем имеет дело, кинул в нее кусок нечистот и совершил крестное знамение. Дьявол тотчас же перевоплотился из человеческого обличья в змею, а затем «от змиева образа на *свой образ* применился» и исчез (здесь и далее курсив наш. – Д.А., М.М.)²⁵. Однако что это за образ, осталось не ясно, т.к. сразу же после того Андрей и его ученик Епифаний принялись обсуждать, как дьявол перевоплощается в темного агарянина. Автор жития лишь все время повторяет, что бесы черны²⁶. Это противопоставляет их ангелам, главная черта которых – ослепительное сияние, подобное снегу, огню, молнии, солнцу²⁷.

В русской «Повести о Савве Грудцыне», написанной в 1660-х гг., бес-искуситель выдает себя за брата героя и является ему в безупречно «скроенном» человеческом обличье. Во время «экскурсии» в сатанинское царство Савва видит у престола дьявола множество темноликих крылатых юношей (но даже тогда по законам жанра не догадывается, кто на самом деле его любезный братец и что за царство он посетил)²⁸.

противопоставление истинного и мнимого обличья дьявола мы увидим в трех медальонах из английского пергаменного свитка рубежа XII–XIII вв. с миниатюрами на сюжет «Жития св. Гутлака». В первых двух медальонах святого осаждает толпа разномастных бесов, явившихся ему в «собственном» облике. Крылатые, хвостатые, разноцветные демоны со звериными телами, покрытыми пятнами шерсти, и карикатурно вытянутыми, загнутыми вверх или, наоборот, крючковатыми носами хватают его и относят к самым вратам ада. Однако он, само собой, одерживает над ними победу, и на третьем медальоне они являются ему уже в иллюзорных животных «масках»: с такими же телами, на которые надеты головы вола, осла, обезьяны, собаки и птицы (London. British Library. Harley Roll Y.6. Медальоны 6–8).

²⁵ Молдован А.М. *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*. М., 2000. С.218.

²⁶ Там же. С.327, 373 («Демоне суть неключни, черни, темне, грешне, прокляте. Да ангели блискаются, а демоне мерчатъ. Они же суть свет, а си тма»).

²⁷ Там же. С.196, 204, 208, 295 и др.

²⁸ «И около его стояща множество юношей крылатых, лица же их овых сини, овых багряны, инья яко смола черная» (*Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М. (далее*

Лишь ближе к развязке истории, когда Савва тяжело заболел и решил исповедаться, его мнимый брат явился ему «не яко же человеческим образом, но *существенным своим звериным образом*», чтобы наказать его за то, что он преступил данную сатане клятву²⁹. Хотя само звериное обличье никак не описывается, можно предположить, что для читателей XVII в. представление об истинном облике сатаны было связано с современной им визуальной традицией, где бесы (в отличие от искусства Византии и ранней русской иконографии), уже давно изображались в зооморфных гибридных формах.

Может ли человек увидеть дьявола, если тот не преобразится в кого-то или во что-то и не наденет одну из своих бесчисленных иллюзорных масок? В XIII в. немецкий проповедник Цезарий Гейстербахский останавливает одного из героев своего «Диалога о чудесах» (1219–1223) на пороге непостижимого. Однажды аббат Вильгельм, по настоятельной просьбе монаха и новicia, приказал демону, вселившемуся в одержимую, показаться в его подлинном, буквально природном, виде (*in sua forma / specie naturali*). Одержимая внезапно стала на глазах увеличиваться, словно башня, ее глаза загорелись, как печи, черты лица чудовищно исказились... У монаха от страха случился экстатический припадок, новicia лишился чувств, и только сохранивший самообладание аббат поспешно приказал бесу вернуться (т.е. вернуть ее) в прежнее состояние. Демон повинился и сказал аббату, что всякий, кто его увидит, умрет. Истинный облик дьявола если и существует, то непостижим, а если и постижим, то никто из смертных не способен перенести этого зрелища³⁰.

По мнению многих церковных интеллектуалов, любые образы бесов – от черных теней до зооморфных чудовищ – следовало считать «масками», в которых бесплотный дух является людям, поскольку они не

– ПЛДР), 1988. Кн.1. С.46). – См. анализ источников и демонологических мотивов Повести (Скрипиль М.О. Повесть о Савве Грудцыне // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1935. Т.2.; 1936. Т.3; Журавель (Горелкина) О.Д. Указ. соч.).

²⁹ ПЛДР. Кн.1. С.51. См.: Журавель (Горелкина) О.Д. Указ. соч. С.173.

³⁰ *Dialogus miraculorum* (далее – ДМ), V, 29 (*Caesarii Heisterbacensis monachi Ordinis Cisterciensis Dialogus miraculorum / Strange J., ed. Köln; Bonn; Bruxelles, 1851. Vol.1. P.314–315*). – По словам Григория Великого (*Moralia in Job, XXXIII, 20*), праведники узрят истинный облик сатаны в день Страшного суда, когда он уже не сможет морочить их своими превращениями и будет повержен (*Migne J., éd. Patrologiae cursus completus. Series latina. P., 1849. V.75. Col.697–698*).

способны ни увидеть, ни представить сущностей, не имеющих зримых обликов. Однако в иконографии одни маски (например, черная тень) обозначали собственное обличье сатаны (их можно назвать «мечтаниями» первого порядка), а другие – его последующие перевоплощения и метаморфозы («мечтания» второго порядка).

В свое время И.Я.Порфирьев опубликовал по соловецкой рукописи XVII в. интересный отрывок о сотворении мира и ангелах из «Повести святого Андрея со Епифанием о вопросах и ответах»³¹. После длинного рассуждения о восстании сатаны, ангелах и бесах автор утверждает, что на самом деле бесы не таковы, как их обычно принято изображать (воображать): «Не тацы же суть беси, яко их пишуть, черни, огнеомраченнии суть»³². Ангельская природа «огнезрачна» или «огнезарна»³³, т.е. полна света и божественного огня, а демоны чужды свету, «огнемрачны»³⁴. То же самое говорит Андрей Юродивый своему ученику Епифанию: «Да ангели блискаются, а демоне мерчатъ»³⁵. Если главная черта бесов – отсутствие света, автор этих слов, вероятно, назвал бы более верной древнюю иконографию, где их изображали в виде анти-ангелов, черных теней, и не наделяли разнообразными и пестрыми обличьями.

³¹ Несмотря на то, что Андрей и Епифаний – это явно герои «Жития Андрея Юродивого», а их диалоги о мироустройстве и эсхатологии часто переписывались на Руси отдельно от жития, тут мы явно имеем дело с текстом, родственным «Беседе трех святителей». «Повесть св. Андрея с Епифанием...» открывается словами «Иван рече...», так как один из участников беседы – Иоанн Златоуст (См.: Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877. С.87).

³² Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания... С.89. См.: Рязановский Ф.А. Указ. соч. С.56. – Этот фрагмент читается также в «Измарагде» (Словарь русского языка XI–XVII вв. М. (далее – СлРяз), 1987. Вып.12. С.239).

³³ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т.2. Стб.602; СлРяз. Вып.12. С.239.

³⁴ «Словарь русского языка XI–XVII вв.» фиксирует это прилагательное лишь в этой конкретной фразе (Вып.12. С.239).

³⁵ Молдован А.М. Указ. соч. С.373. – Правда, «чернота» и «огнезрачность» не обязательно исключают друг друга. В «Вопросах св. Ефрема о св. Василии о всем исправлении» говорится, что ангел является к смертному одру грешника страшен, «черн и огнезрачен» (Российская государственная библиотека. Ф.304.1. №794).

**«Яко мечтание его есть,
а не истина»:
превращения
и искушения**

В «Повести о старце, просившем царскую дочь себе в жены», созданной во второй половине XV в., бес, которого отшельник некогда заключил в стеклянном сосуде, хвастается другому отшельнику, что демоны способны принимать любой облик: «Наше существо таково, яко хотимъ: и малъ, и великъ, и светель, и мрачень, и скорь, якоже молния»³⁶. Правда, тщеславие сыграло с ним злую шутку. Старец попросил его вновь обернуться таким, каким тот раньше сидел в сосуде, бес мгновенно стал крошечным, и отшельник снова его запечатал.

Как демоны меняют свое обличье? Древнерусские тексты, в отличие от средневековых западных, редко специально останавливаются на этом вопросе и не слишком интересуются «механикой» превращений. Одну из редких попыток ее разъяснить мы найдем в кратком демонологическом трактате, или, скорее «справке» по основным проблемам демонологии, которая была составлена неизвестным русским автором в последней четверти XVII в. и недавно найдена в архиве Посольского приказа. Бесы так легко создают иллюзии, потому что после отпадения от ангельского чина сохранили «тонкие», т.е. воздушные, почти имматериальные, тела, прекрасно подходящие для превращений³⁷. Причем из трех родов демонов (земных, воздушных и адских) самые талантливые к метаморфозам – воздушные. Их тело «тоньше», чем у других, и поэтому они легко преобразуются и в палящий огонь, и в огненных змиев. Огненная стихия нужна им для того, чтобы скрыть свою подлинную «темность» и претворить истинную тьму в мнимый свет. И все это лишь «демонские мечтания»³⁸. Как отмечают публикаторы текста, этот «трактат» явно отмечен влиянием западной демонологии. Однако большин-

³⁶ ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 50. См.: Пугин А.В. Из истории русской демонологии XVII века... С. 102.

³⁷ О концепте дьявольского воздушного «тела» см.: Guillaumont A., Guillaumont C. *Démon: III. Dans la plus ancienne littérature monastique // Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique. Doctrine et histoire. Paris, 1957. Vol.3. Col.198–199*; Brakke D. *Ethiopian Demons: Male Sexuality, the Black-Skinned Other, and the Monastic Self // Journal of the History of Sexuality. Jul.–Oct., 2001. Vol.10. №3/4. Special Issue: Sexuality in Late Antiquity. P.28.*

³⁸ Королев А., Майер И., Шамин С. *Сочинение о демонах из архива Посольского приказа: К вопросу о культурных контактах России и Европы в последней трети XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. №4 (38). С.120–121.*

ство его положений в разрозненном виде можно найти и в восточно-христианской книжности.

Так, классификация бесов явно перекликается с тем, что в XI в. писал константинопольский богослов Михаил Пселл. По его словам, высшие, «сияющие», демоны обитают в эфире, над Луной. Далее следуют духи, населяющие воздух, бесы, расселившиеся по земле, живущие под землей и находящиеся в аду. Чем ниже положение беса в мироздании, тем ближе он к материальному миру и тем меньше в нем разума. «Высшие» демоны – самые коварные и сильные. Они воздействуют на сознание человека, творят иллюзии, сбивают с пути праведников. Земные демоны сидят в разных местах и бросаются на проходящих мимо людей, делая их одержимыми. Они почти лишены разума, не могут говорить и похожи скорее на зверей или насекомых. Самые нижние, адские, бесы глухи, слепы, немы и воплощают совершенно бессмысленное зло³⁹.

Мы уже упоминали, что на Руси призрачные метаморфозы дьявола и создаваемые им наваждения называли «мечтаниями»⁴⁰, «привидениями»⁴¹ или «клюками»⁴². Мнимые чудеса, творимые бесами на искушение

³⁹ Рассел Дж. Б. Люцифер. Дьявол в Средние века. М., 2001. С.39–41.

⁴⁰ Слово «мечта» или «мечтание» по смыслу покрывает широкий круг значений от «воображения» до «наваждения», «забытья» и «колдовства». «Сонное мечтание» – сновидение (Срезневский И.И. Указ. соч. Т.2. Стб.235–237; СлРяз. 1982. Вып.9. С.135–136). В XVIII веке «мечтания» – это любое помрачение сознания. Например, нижегородцу Михайле Смирнову во время тяжких заповей «в мечтах» являлись бесы (Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. С.127–128; Ср.: С.135).

⁴¹ «Привидение» – призрак. Случиться «привидением» – произойти не в действительности, а в наваждении (Срезневский И.И. Указ. соч. Т.2. Стб.1384; СлРяз. 1994. Вып.19. С.112).

⁴² «Клюка» – хитрость, лукавство, обман. «Глаголати клюками» или «клюкати» – говорить лукаво, хитрить (Срезневский И.И. Указ. соч. СПб., 1893. Т.1. Стб.1230; СлРяз. 1981. Вып.7. С.181–182). Кроме того, дьявольские хитрости часто называются «прелестями», т.е. прельщением (Срезневский И.И. Указ. соч. Т.2. Стб.1662; СлРяз. 1992. Вып.18. С.257–260). При этом «прелесть» – это еще и характеристика состояния, в которое впадает прельстившийся, утративший смирение, впавший в гордыню и, потеряв все ориентиры, ставший добычей дьявола (Challis N., Dweller H.W. Divine Folly in Old Kievan Literature: The Tale of Isaak the Cave Dweller // The Slavic and East European Journal. Autumn, 1978. Vol.22. №3. P.260–261). Бесовские наваждения – это «лесть дьявола»

людям, – «мечные» чудеса⁴³. Представление о бесовских «мечтаниях» было унаследовано из житий ранних анахоретов-пустынников, которые в одиночку сражались с сатаной, пытавшимся обмануть и соблазнить их «фантазиями»⁴⁴.

Модель противостояния праведников с сатаной была задана уже в Ветхом Завете, в книге пророка Иова, которому было попущено страдать от дьявола ради испытания и укрепления его веры. Нечистые духи всячески стараются соблазнить отшельников и монахов, чтобы заставить их усомниться, обмануться, дрогнуть, согрешить и в итоге пасть. Они внушают им уныние и отчаяние, запугивают, чтобы прогнать из пустыни и вынудить возвратиться в мир. Со времен раннего египетского монашества непрерывная борьба с сатаной – важнейшая составляющая аскезы. Как неустанно напоминают жития и патерики, отшельник должен ежечасно проявлять стойкость и мудрость, отражая искушения и нападения бесов. Женщины-аскеты, победившие сатану, называли себя мужчинами по духу и подавали пример подвижникам-мужчинам⁴⁵.

Весь спектр искушений, зафиксированный в агиографии, позволяет глубже понять не только ценности, на которых стояло монашество, но и внутренние линии напряжения и разломы, в которые пытались «вклиниться» демоны:

- в душе человека (тяготы аскезы и сексуального воздержания, тоска по родным и т.д.),
- внутри братии (противоречия между отшельниками и киновийным монашеством, отношения с духовными наставниками и аббатами, монахов – друг с другом),
- в контактах между монастырем и «миром» (отторжение-притяжение мирских благ, городов и др.)⁴⁶.

Осаждая святых, дьявол принимает самые разные формы. Он превращается:

- в диких зверей (львов, медведей, волков, леопардов, быков,

(Древнерусские патерики. С.63).

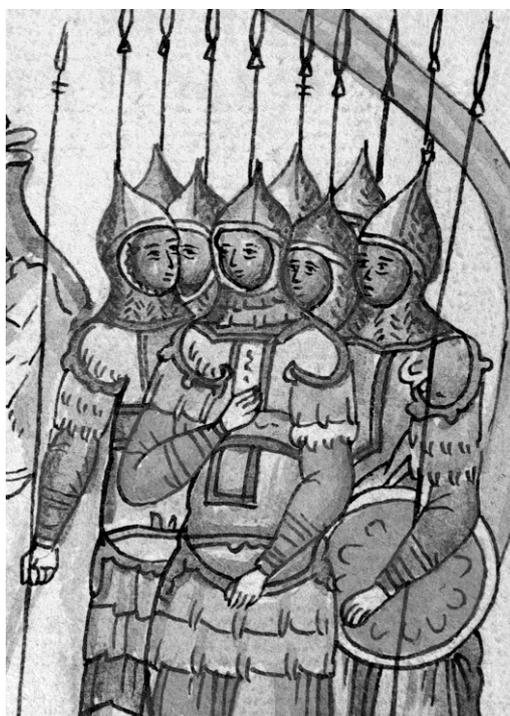
⁴³ ПСРЛ 1. Стб.41.

⁴⁴ Guillaumont A., Guillaumont C. *Op. cit.* Col.192–194; Mango C. *Diabolus Byzantinus* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1992. V.46. P.216; Brakke D. *Ethiopian Demons*. P.39.

⁴⁵ Brakke D. *The Lady Appears: Materializations of «Woman» in Early Monastic Literature* // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 2003. Vol.33, 3. P.390.

⁴⁶ См.: Brakke D. *Demons and the Making of the Monk. Spiritual Combat in Early Christianity*. Cambridge (MA), 2006.

- змей, скорпионов и т.д.);
- монстров и фантастических животных (великанов, драконов, онокентавров – полулюдей-полуослов и др.);
 - людей (блудниц, «эфиопов», монахов, солдат, родных и близких праведника и т.п.) (Илл. 3-4);
 - наконец, сакральных персонажей (ангелов, святых, Богоматерь и самого Христа)⁴⁷.

*Илл. 3 - Демоны в виде воинов-«эфиопов» с темными лицами.
Фрагмент миниатюры из «Жития Нифонта Константинопольского» XVI в.
(БАН. П. I. А. № 50. Л.30об.).*

⁴⁷ Рязановский Ф.А. Указ. соч. С.46–54; Махов А.Е. Средневековый образ... С.42–48.

Илл. 4 - Бесы являютя Сергею Радонежскому в «масках» людей в островерхих литовских шапках. Фрагмент миниатюры из «Жития Сергия Радонежского» XVII–XVIII вв. (БАН. П. I А. №38. Л.94об.)

Впрочем, иллюзии не ограничиваются визуальным измерением. Бесы кричат, шумят, устраивают музыкальную какофонию, пытаются выкурить святых огнем, дымом, вонью и т.д.⁴⁸ В свою очередь, праведники прогоняют падших духов из их «владений» (капищ, кладбищ, колодцев, пустынь, лесов, болот), изгоняют бесов из одержимых или, как юродивые, «насмеваются» над бессилием дьявола⁴⁹. Чтобы отогнать «мечтанье» и развеять морок обмана, следовало перекреститься, потому

⁴⁸ См. изображение дьявольского концерта на миниатюре Радзивилловской летописи, иллюстрирующей историю киево-печерского монаха Исакия (о ней ниже) (Радзивилловская летопись. Факсимильное воспроизведение рукописи. Текст. Исследование. Описание миниатюр. СПб.; М., 1994. Кн. I. Л. 112. М. 253).

⁴⁹ Как в «Киево-Печерском патерике»: «И се ныне уродствуеть: бесом велит молоти и з брега древо носити, – и бывает тако...» (Древнерусские патерики. С. 65). – О юродстве см. подробнее: Юрганов А.Л. Указ. соч. С. 147–200.

что бесы ничего так не боятся, как силы креста⁵⁰. Однако некоторым святым и аскетам приходилось много лет терпеть искушения и даже физические атаки демонов.

В «Житии Антония Великого», которое послужило моделью для множества средневековых историй о противоборстве святого с дьяволом, бесы не только пугали аскета чудовищными видениями, но и физически его истязали⁵¹. После того, как очередное бесовское наступление было рассеяно светом с Небес, Антоний возопил к Господу: «Господи, где бе, почто не явился сначала, дабы уставил болезнь мою?» – и услышал в ответ: «Антоние, зде бехъ, но ожидах видети троуд твои. Елма же убо стерпе, и не бысть побежденъ, боуду ти присно помощникъ, и створю тя словуща и именита всюду быти»⁵². В речи, обращенной к людям, Антоний описал многие виды дьявольских искушений, после чего несколько раз повторил, что бесы немощны, творят лишь «мечтания» и не способны принудить к чему-либо человека, твердого в вере. Мучения, принятые ветхозаветным Иовом, были посланы Богом, а дьявол – лишь орудие Божьего промысла⁵³.

Однако не стоит думать, что герои патериков и житий ежечасно видят дьявола в разнообразных обличьях, а иллюзорные «мечтания» для них повседневность. Как подчеркивает Дэвид Бракк, борьба монахов и аскетов с сатаной чаще всего незрима и идет в душе человека. Дьявол не так часто является *in persona*. Обычно он действует «изнутри», нашептывая греховные мысли, вселяя сомнения и разжигая запретные страсти. Лишь иногда он выходит из-за кулис и начинает одолевать свою жертву видениями или физически ее истязать⁵⁴. «Мечтания» – лишь одна из форм искушений и манифестаций дьявола, которые мы встречаем в византийских и древнерусских источниках.

⁵⁰ ПСРЛ 1. Стб.172–173, 197; Древнерусские патерики. С.79; ПЛДР. Кн.1. С.45. – См. буквальную иллюстрацию этой идеи в Радзивилловской летописи: бес убегает от крестного знамения (Радзивилловская летопись. Кн.1. Л.100 об. М.227). Исакий, сидя в пещере, совершает крестное знамение, и бесы, в «собственном» обличье и призрачных «мечтаниях» фантастических зверей, не могут проникнуть вовнутрь (Там же. Л.113 об. М.256; Л.114. М.257).

⁵¹ См.: Brakke D. *Demons and the Making of the Monk*. P.23–47.

⁵² Лёнгрен Т.П. *Сборник Нила Сорского*. М., 2004. Ч.3. С.161.

⁵³ Там же. С.179–182, 191–195.

⁵⁴ Brakke D. *Demons and the Making of the Monk*. P.8, 10, 27–31.

Бесы нажимают на самые эффективные психологические пружины, настойчиво навязывая монахам те блага и радости, которых те добровольно себя лишили. Они искушают сребролюбием и для этого посылают инокам богатства, а затем, явившись в образе ангела или другого монаха, убеждают их завладеть деньгами и уйти из монастыря⁵⁵. Искушая похотью, они преобразуются в образы соблазнительных женщин (часто блудниц) или приводят к отшельнику реальных девушек, которые пытаются совратить праведника⁵⁶. Всеми способами склоняя отшельника вернуться в мир, сатана преобразуется в его родных: мнимые жены, дети и прочие родственники приходят к аскету и молят его не бросать их на погибель⁵⁷.

Демоны могут искушать отшельника даже смехом, пытаясь отвлечь его мысли от Бога и расслабить его волю. В «Житии Пахомия Великого» множество бесов крепко связали веревкой дубовый листочек и толпились вокруг, понукая друг друга и готовясь к тяжелой работе. Но Пахомий не поддавался соблазну, не рассмеялся, и демоны исчезли, чтобы вскоре явиться вновь в облике обнаженной девушки, пытаясь соблазнить его похотью⁵⁸.

Дьявол преобразуется в чужие обличья и для того, чтобы оболгать святого. В «Житии Андрея Юродивого» он принимает облик несчастной старушки, которая обвиняет Андрея в ограблении⁵⁹ (Илл. 5). В русской «Повести о Василии Рязанском» (XVI в.) дьявол, желая опорочить епископа Василия, преобразился в девицу и стал у всех на виду разгуливать в епископских палатах⁶⁰.

⁵⁵ См., например: Лёнгрен Т.П. Указ. соч. М., 2000. Ч.1. С.401; Древнерусские патерики. С.60–66.

⁵⁶ Как в житиях Пахомия Великого (Лёнгрен Т.П. Указ. соч. Ч.3. С.483) и Макария Египетского (Византийские легенды: Переводы. СПб., 2004. Репринтное воспроизведение издания 1972 г. С.44) или рассказе «Лавсаика» о Пахоне. Чтобы прогнать искушение, аскет обжигает демона, явившегося к нему в женской личине, раскаленным металлом (Brakke D. *The Lady Appears...* P.399). См. схожий мотив в «Житии Никодима Кожеезерского» (Яхонтов И. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С.238).

⁵⁷ См. в «Житии Петра Афонского» (Лёнгрен Т.П. Указ. соч. Ч.1. С.244–246) или рассказе «Лавсаика» о блаженном Нафанаиле (Византийские легенды. С.10–11).

⁵⁸ Лёнгрен Т.П. Указ. соч. Ч.3. С.483.

⁵⁹ Молдован А.М. Указ. соч. С.216–218.

⁶⁰ Королев А., Майер И., Шамин С. Указ. соч. С.116–117.

Он принимает человеческое обличье, чтобы оговорить монаха перед лицом властей и обрушить на него гнев местного правителя⁶¹.

Илл. 5 - Дьявол, принявший облик старушки. Фрагмент миниатюры из «Жития Андрея Юродивого» XVII в. (РНБ. ОЛДП. Q. 58. Л.53об.)

Иногда дьявол преобразуется в мужчину или женщину, чтобы прелюбодействовать с человеком. Например, в «Повести о бесноватой жене Соломонии» бес, чтобы соблазнить Соломонию, является к ней в образе ее мужа в ночь после свадьбы⁶². Одно из самых опасных искушений, которым подвергаются монашествующие, – искушение гордыней, грехом, которым одержим сам дьявол и который служит его главным оружием в борьбе за человеческие души. Демоны пытаются вселить в монаха уверенность в том, что его подвиги уже снискали ему славу на Небесах и

⁶¹ См. такой сюжет в «Киево-Печерском патерике» (Древнерусские патерики. С.65–66) или в «Житии Авраамия Ростовского» (РНБ. Тит. 3691. Л.22–25).

⁶² Власов А.Н. Указ. соч. С.318. См.: Пигин А.В. Из истории русской демонологии XVII века... С.58–59.

что он достоин принять награду. Чтобы убедить его в этом, сатана является ему в образе ангела, святого или самого Христа. Если праведник забудет о Боге, и поклонится явившимся духам, либо начнет слушаться их указаний, он сразу же попадет во власть бесов. Поклонение кому-либо, кроме Бога, – нарушение одной из Библейских заповедей, поэтому дьявол особенно стремится принудить к этому человека⁶³.

О том, что сатана может принять облик ангела света, говорится в Новом Завете (2 Кор. 11: 14), и эта опасность активно обсуждалась в патристике⁶⁴. В сочинениях христианских авторов встречается масса рассказов о том, как бесы пытались соблазнить аскетов, показываясь им в различных сияющих образах. По словам Исаака Сирина, одному подвижнику, в глубине души пораженному тщеславием, «ангелы»-бесы показали на вершине горы колесницу и сказали, что Господь хочет взять его на Небо живым, как пророка Илию. Поддавшись искушению, он радостно шагнул вперед и низринулся в бездну⁶⁵. Аналогичная история произошла и со св. Симеоном Столпником. Однако, когда праведник увидел колесницу, он помолился Богу, перекрестился, и видение немедленно пропало⁶⁶.

В агиографии призрачные видения, искушающие подвижников, зачастую чередуются с истинными явлениями Христа и святых⁶⁷. Для того чтобы отличить их друг от друга, требуется особый дар различения духов (1 Кор. 12: 10), который можно стяжать лишь праведной жизнью и смирением. При явлении бесплотного духа человека неизбежно охватывает страх и трепет. Но чувство, приходящее им на смену, может быть разным и позволяет понять истинную сущность гостя. Если человека охватывает смятение, а страх лишь нарастает, видение было бесовским. Если приходит радость, мужество, любовь к Богу – истинным. Эта мысль была сформулирована в «Житии Антония Великого» и множество раз повторялась в различных памятниках: Божественное видение наполняет человека радостью и уверенностью, а сомнение, страх и даже

⁶³ Лённгрэн Т.П. Указ. соч. Ч.3. С.189.

⁶⁴ См., например, третью ступень «Лествицы» Иоанна Лествичника (Преподобный Иоанн Лествичник. *Лествица возводящая на небо*. М., 2005. С.42–54).

⁶⁵ Свяtitель Игнатий (Брянчанинов), епископ Ставропольский и Казанский. *Жизнь и смерть: Слово о человеке. Слово о смерти*. М., 2005. С.141–142.

⁶⁶ Там же. С.144.

⁶⁷ См., например, «Житие и подвизи преподобнаго отца нашего Елеазара XVII в. («Житие Елеазара Анзерского, написанное им самим») (ПлДР. М., 1989. Кн.2. С.304).

само размышление (т.е. малейший признак неуверенности) могут свидетельствовать о бесовском мороке⁶⁸.

В «Киево-Печерском патерике»⁶⁹ и в «Повести временных лет»⁷⁰ приводится история о ложном видении, основанная на рассказе из «Лавсаика». Это «Слово об Исакии Печерском». Постриженный св. Антонием, Исакий семь лет жил затворником в слезах и молитвах, до тех пор, пока бесы не явились ему в образах светлых юношей и не повелели поклониться «Христу» – нечистому духу в облике Спасителя. Поклонившись, монах мгновенно оказался во власти сатаны («Наш еси, Исакий!»). Его парализовало, он потерял дар речи и едва выжил. Лишь через несколько лет он пришел в себя, оставил мысли об отшельничестве и стал жить с братией, юродствуя, тяжело трудясь и прогоняя все новые и новые атаки нечистых духов⁷¹.

Подобная история повторяется в патерике с иноком Никитой, который изначально был расположен к «самосмышлению» – одному из проявлений гордыни, не слушал игумена и твердо решил избрать подвиг затворничества вместо смиренного служения братии. Бес искусил его хитрее, чем Исакия: уверовав в истинность видения из-за благоухания и молитвы, произносимой духами, Никита обратился с несмирной просьбой к самому Христу: «Господи яви ми ся разумно, да вижу тя» – и в результате попал во власть дьявола. Демон запретил ему молиться, приказал читать Ветхий Завет, не притрагиваясь к Евангелию, и игумен

⁶⁸ «Есть бо страх тех не на ужасъ души, но на оуведение прихода болишихъ. Тако убо святыхъ явление. Скверныхъ же нападание и мечтание смущенно». Явление истинно, «...аще страхъ той въскоре отоимется, и въ того место будетъ радость неизглаголеннаа и добродушие...» (Лённгрен Т.П. Указ. соч. Ч.3. С.188. Ср.: С.196). – См., например, «Похвальное слово Федора, игумена студийского, на рождество крестителя Господня Иоанна», входившее в макарьевские Минеи Четьи (БЛДР. 2003. Т.12. С.286). См. также: Архиепископ Василий (Кривошеин). Ангелы и бесы в духовной жизни человека по учению Восточных Отцов. СПб., 2002. С.15–16, 28, 34–36; Свяtitель Игнатий (Брянчанинов)... Указ. соч. С.167–170; Smith G.A. How Thin Is a Demon? // *Journal of Early Christian Studies*. 2008. P.504.

⁶⁹ Древнерусские патерики. С.77–80.

⁷⁰ ПСРЛ I. Стб.191–196. – См. серию миниатюр на сюжет искушений Исакия в Радзивилловской летописи (Радзивилловская летопись. Кн.1. Л.111 об. М.252; Л.112. М.253; Л.113 об. М.256; Л.114 об. М.257).

⁷¹ Анализ сюжета см.: Challis N., Dweller H.W. *Op. cit.*

монастыря с братией вынуждены были спасать его, прогоняя беса⁷². В контексте проблем монашеского общежития, которые волновали составителей «Киево-Печерского патерика», истории Исакия и Никиты направлены, прежде всего, против самоволия монахов, во что бы то ни стало стремящихся к затворническому подвигу. Они демонстрируют ценность послушания и показывают, как легко, положившись лишь на себя, прельститься и попасть в лапы сатаны.

В «Волоколамском патерике» (XVI в.) описана аналогичная история, произошедшая с неким иноком. Однажды он начал уверять братию, что ему является апостол Фома. Он навещал его все чаще и, наконец, запретил причащаться. Поскольку монах не слушал наставления братии и твердо верил своему гостю, история закончилась трагично: бес окончательно завладел его душой и удавил насмерть⁷³. Это контрмодель. В других случаях агиография формулирует нормативную установку: смиренный монах даже не допускает мысли о том, что перед ним могут предстать ангелы и Господь, закрывает глаза, отворачивается и не повинуется демонам⁷⁴.

Хотя атаки бесов происходят в иллюзорных «мечтаниях», граница наваждения и яви часто оказывается размытой. Демоны не только атакуют отшельников и монахов в обличье зверей, разбойников или чудовищ, грозят их замучить до смерти, но в некоторых случаях действительно наносят им физические, а не иллюзорные раны, а святые физически избивают бесов⁷⁵.

⁷² Рассказ о Никите апеллирует к истории Исакия: «Сам видел еси брата нашего, святого Исакия Печерника, како прельщен бысть от бесов» (Древнерусские патерики. С.36–38).

⁷³ Древнерусские патерики. С.103–104.

⁷⁴ Об этом говорится в святоотеческих памятниках (Григорий Богослов. Избранные поучения. М., 2002. С.102; Иоанн Лествичник. Лествица. М., 1647. Л.121, 188. Ср.: Махов А.Е. *Hostis Antiquus...* С.218–219). См., например, историю о черноризце, которого бесы-ангелы предложили вознести на колеснице на Небеса, если он поклонится им. Монах подумал, что и так ежедневно поклоняется Богу и Господь не стал бы требовать этого вновь. Он отказался кланяться ангелам и победил дьявола (РНБ. Собр.Тиханова №583. Л.258 об.–259 об.). В «Прологе» конца XV в. такой рассказ (вошедший в Волоколамский патерик) завершается важной мыслью: «Начало бо льсти [дьявольскому обману, прельщению] тщеславие» (Древнерусские патерики. С.87).

⁷⁵ Подробно об этом см.: Антонов Д.И. «Беса поймав, мучаше...». Избиение беса святым: демонологический сюжет в книжности и иконографии средневековой Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. №1.

На Андрея Юродивого во время молитвы напали бесы, вооруженные кольями, копьями и ножами, однако их отогнал явившийся на помощь святому Иоанн Богослов⁷⁶. Осаждая Симеона Столпника, бес использовал самые разные наваждения. Однажды он явился святому в облике «великого» юноши. Симеон связал его руки, после чего юноша «исчез как дым»⁷⁷. В другой раз Симеона схватила за ногу «яко рука человека», попытавшаяся его повалить. На этот раз Симеон ударил ее молотом, призвав Христа, и рука исчезла⁷⁸. Наконец, демон вошел в живую змею, однако святой спустил с нее шкуру и показал ее братии⁷⁹. В «Житии Паисия Великого» бес вышел из уст одержимого, «яко вепрю подобень»⁸⁰ и попытался раздробить зубы праведнику, но был изгнан в пропасть. Киево-Печерского затворника Ивана Многотерпеливого чуть не сжег пышущий пламенем змей, которого тот сумел прогнать лишь молитвой⁸¹. Наконец, спустя более чем тысячу лет после страданий Антония Великого, в «Повести о видении Антония Галичанина», созданной в 1520-х гг. в Волоколамском монастыре, его тезка русский монах Антоний подвергся нападению ватаги демонов, до зубов вооруженных холодным оружием: топорами, мечами и пилами. Они бросились на него и острой «бритвой» срезали с его руки кусок мяса⁸².

Как справедливо замечает А.В.Пигин (на примере «Повести о бесноватой жене Соломонии»), столкновение человека с бесами происходит в своеобразном «совмещенном» пространстве: видение легко перетекает в реальность, а побои, нанесенные в «мечтах», оказываются вполне материальными⁸³. Эта зыбкость границ объясняется не только спецификой демонического. Точно так же в видениях действуют и сакральные силы (святой, явившись во сне, избивает грешника, и тот, пробудившись, ока-

⁷⁶ Молдован А.М. Указ. соч. С.170–171. – См. также этот фрагмент жития в Прологе (Пролог 1641. Л.133 об.–135 об.).

⁷⁷ Лёнгрен Т.П. Указ. соч. Ч.1. С.73.

⁷⁸ Там же. С.72–73.

⁷⁹ Там же. С.71–73.

⁸⁰ Там же. С.460. – Ср. в «Житии Афанасия Афонского»: одержимый человек, приложившись к раке святого, «исблева, яко животна некаа съ кровию», после чего освобождился от демона (Там же. С.377–378).

⁸¹ Древнерусские патерики. С.47–48.

⁸² Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. С.122–156.

⁸³ Пигин А.В. Из истории русской демонологии XVII века... С.105.

«МЕЧТАНИЯ» И «ILLUSIONES»

зывается в крови; Христос в видении дарует больному здоровье, и тот, проснувшись, действительно исцеляется). Логика «совмещенного» пространства отражает общую установку на взаимопроникновение двух миров. В фабуле же конкретного текста этот мотив традиционно служит доказательством истинности видения (для героя-визионера и для читателя-слушателя истории).

Во второй части статьи мы сравним, какую роль концепт дьявольских «мечтаний» играл в культуре Руси и на средневековом Западе, а потом проследим, как граница между иллюзией и явью отражалась в древнерусской иконографии и с помощью каких визуальных средств средневековые мастера представляли дьявольские преображения.

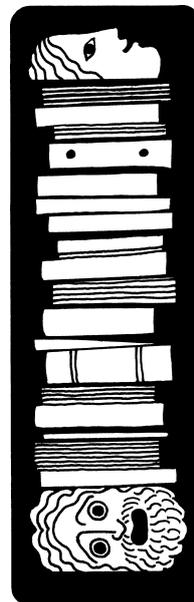
(Окончание следует)

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

Стремление к объективности не исчерпывается критическим изучением документов... оно включает в себя и широкие обобщения.

**Микроинтересы индивида
и макрорешения власти неизменно
находятся в состоянии
конфронтации, лежащей в основе
диалектики противостояния
индивидуального протеста
и государственного принуждения
и создающей возможности
для злоупотреблений. ...
Независимое правосудие,
независимое общественное
мнение – вот два важнейших
органа политически здорового
государства. Без них государство
погибает.**

Поль Рикер

Владимир Печатнов

**КАК ТРУМЭН
У СТАЛИНА
КУРИЛЫ ПРОСИЛ**

УДК
327

The article deals with a little-known episode of Soviet-American relations in the end of World War II. It analyses a diplomatic struggle over adherence to Yalta agreements on Far East with an emphasis on Kurile islands. Using new documents from American military and diplomatic archives the author traces the origins of President Truman's request for basing rights on Kuriles expressed in his August 18 message to Stalin. It is demonstrated that far from being an isolated improvisation it was a culmination of a long process of U.S. attempts to penetrate strategically important Kuriles.

Ключевые слова: ялтинские соглашения; советско-американские отношения; Курильские острова; переписка Трумэна и Сталина, Вторая мировая война

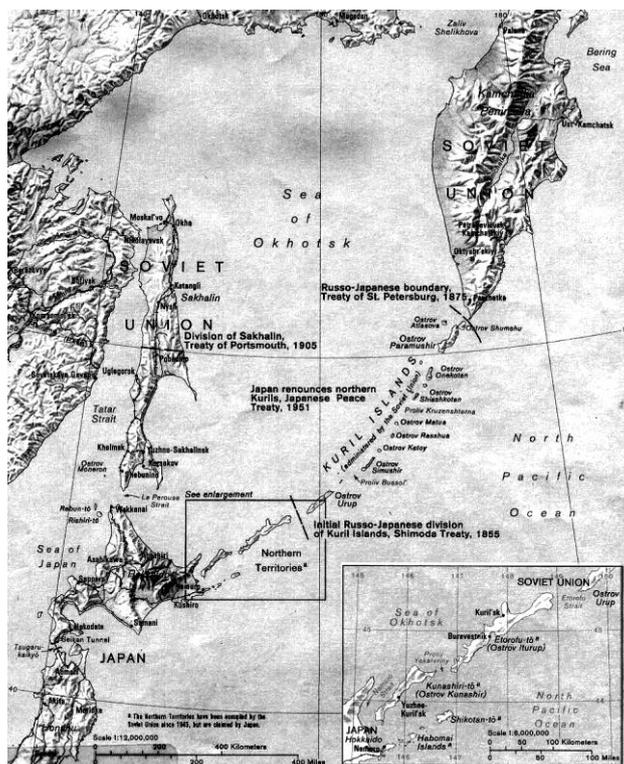
Kew words: Yalta agreements, Soviet-American relations, Kurile islands, Truman-Stalin correspondence, World War II.

E-mail: vopechatnov@gmail.com

КАК ТРУМЭН У СТАЛИНА КУРИЛЫ ПРОСИЛ

Непростая судьба Курильских островов до сих пор вызывает большие споры историков и политиков. Последний (наряду с Калининградской областью) из оставшихся геополитических трофеев Советского Союза во Второй мировой войне, Южные Курилы, как известно, являются предметом давних территориальных претензий со стороны Японии. Менее известно, что свои претензии на них выдвигали и США на заключительном этапе войны с Японией летом 1945 года. Этот сравнительно мало изученный эпизод сложной военно-дипломатической борьбы между СССР и США на Дальнем Востоке весьма поучителен для сегодняшнего дня. Новые документы американских архивов позволяют пролить на него дополнительный свет.

* * *

На протяжении всей Второй мировой войны США подталкивали СССР к вступлению в войну с Японией, хорошо понимая, что Москва

запросит за это свою цену. Сталин откладывал расшифровку своей заявки, многозначительно сказав в Тегеране, что сделает это, когда придет время. Вашингтон продолжал торопить, да и время подходило готовить дипломатическую почву для советских условий. 14 декабря 1944 года Сталин принял американского посла А.Гарримана и впервые на большой карте обрисовал конкретные запросы СССР на Дальнем Востоке: возвращение Советскому Союзу Южного Сахалина и всех Курил, аренда Порт-Артура и порта Дальнего (Дайрена) с прилегающими к ним районами, а также преимущественное право в управлении Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железными дорогами.

Посла несколько не удивили эти запросы, полностью совпадавшие с прогнозами его посольства. Речь шла о возвращении территорий и прав, утраченных царской Россией в результате русско-японской войны 1904–1905 гг., а также советской Россией в 1930-х гг. Было вполне понятно, что СССР воспользуется разгромом Японии и своим решающим вкладом в борьбу с агрессорами как минимум для восстановления своих былых позиций на Дальнем Востоке, имевших для страны стратегическое значение. Южные Курилы являлись в этом смысле единственным исключением, поскольку не были захвачены Японией у России, а переданы ей царским правительством по условиям Петербургского договора о торговле и навигации 1875 г. Однако их стратегическое значение явно перевешивало спорную международно-правовую сторону вопроса. Это значение хорошо понималось не только в Москве. Так его описывала британская разведка осенью 1944 г. (из доклада Объединенного разведывательного комитета «Стратегические интересы России с точки зрения ее безопасности»):

На Дальнем Востоке стратегические интересы безопасности России связаны главным образом с обороной Владивостока и Приморья...Владивосток и Приморье уязвимы к нападению с моря со стороны Японии или Сахалина, а к сухопутному нападению – со стороны Кореи или Маньчжурии. Для устранения угрозы такого нападения в интересах России будет получение японской части Сахалина и Курильских островов. Это также снизит угрозу нефтяным промыслам на русском Сахалине¹.

¹ *Russia's Strategic Interests from the Point of View of Her Security. Joint Intelligence Committee (44) 442, 18 October, 1944 // National Archives (Richmond, United Kingdom), CAB 81/125.*

А вот как задним числом оценивала значение Курил американская военная разведка:

Советское приобретение Южного Сахалина и Курил вернуло в русские руки обширные рыбные запасы Охотского моря, а также сахалинские уголь и нефть, использовавшиеся до этого японцами. В стратегическом отношении обладание Сахалином и Курилами превратило Охотское море в советское озеро, за исключением окаймляющего его с юга Хоккайдо, оставшимся вне советского контроля. Приобретение этих территорий также обеспечит более безопасные морские коммуникации между советскими центрами на краях Маньчжурии (Порт-Артур, Дайрен, Владивосток) и на Камчатке и Северной Сибири. Советы получили круглогодичный доступ к северной части Тихого океана для своих военных и торговых судов. Они овладели Курилами, которые перекрывают воздушный коридор между США и Азией. Наконец, их приобретения ограничивают свободу действий Японии (если она будет к этому стремиться) и возможности оккупационных войск на ее территории².

По окончании войны с Японией, когда поползли слухи о секретной ялтинской договоренности по Дальнему Востоку, «Нью-Йорк Таймс» в своей редакционной статье «Россия на Курилах» писала: «Не американские, а российские кардинальные стратегические интересы требуют обладания этими островами. Цепочка этих островов – это 750 мильный барьер между Восточной Сибирью и просторами Тихого океана. В руках японцев они запирали Россию и служили плацдармом для нападения на Аляску. В русских руках они не приблизят союзника к Соединенным Штатам ближе, чем сейчас, и станут эффективным заслоном против новых поползновений Японии»³.

Ставя себя на место своих советских коллег, американские военные предполагали и более амбициозные запросы Москвы на дальневосточном направлении, также имеющие веские стратегические основания, – захват всей Маньчжурии, Кореи и даже северной части Китая. Советское овладение этими территориями, считал, например, генерал Д.Маккартур, «было неизбежным, но США должны настоять на том,

² *The Soviet Union. Intelligence Division, WDGS, War Department // Harry S. Truman Library (далее – HSTL), President's Secretary File, Subject File, Russia – 1945–1948.*

³ *The New York Times, September 9, 1945.*

чтобы Россия заплатила за это вторжением в Маньчжурию как можно скорее после разгрома Германии»⁴.

Однако не все в Вашингтоне были готовы отдать Курилы своему боевому союзнику. Комитет по послевоенному планированию Госдепартамента США детально обсуждал будущие границы СССР с учетом возможных территориальных изменений в ходе войны. Члены комитета пытались заранее определить пределы возможных уступок Советскому Союзу, в том числе и на Дальнем Востоке. Уже летом 1943 года, верно угадывая будущие советские запросы в этом регионе, они обсуждали, стоит ли Америке с ними соглашаться. Заместитель госсекретаря А.Берл задал тон дискуссии, заявив, что поскольку Япония, скорее всего, будет надолго обезврежена, то на Дальнем Востоке «гипотетическим врагом является Россия, поэтому мы должны иметь это в виду, планируя общие границы с ней в северной части Тихого океана». Геополитик И.Боуман – один из самых влиятельных научных консультантов Госдепартамента со времен Версальской конференции – подхватил эту тему, поставив вопрос о том, насколько «желательным» будет получение «враждебной Россией дополнительных военных баз на Курилах». При презумпции «враждебной России» ответ напрашивался сам собой: Курильские острова было предложено оставить за Японией при условии демонтажа на них японских военных объектов. Дополнительным аргументом в пользу такого решения называлась возможность получения прав базирования на островах авиации США, которая тем самым получала бы прямой и кратчайший доступ к азиатскому матерiku со своих баз на Алеутских островах⁵. Так впервые появляется идея об американской авиабазе на Курилах, оказавшаяся на редкость живучей.

В Белом доме, к счастью, не прислушивались к подобным советам. На подходе к Ялтинской конференции президент Рузвельт был подробно информирован своей дипломатией и разведкой о советских условиях вступления в войну с Японией и счел их вполне приемлемыми. В беседах со Сталиным он пытался оспорить лишь один пункт – преимущественные права СССР в порту Дальнего, который американцы хотели использовать для своей политики «открытых дверей». Передача Совет-

⁴ *Summary of a conversation with General MacArthur (Col.P.Freeman,Jr. to General Marshall and General Hull, 13 February, 1945) // National Archives (далее – NA), Record Group (далее – RG) 165, OPD Exec.2, Item 11.*

⁵ *Disposition of Japan's Possessions // NA, RG 59, Records of ACPWFP, T-Minutes 52, July 16, 1943.*

скому Союзу Курил (согласно третьему пункту секретного ялтинского «Соглашения трех великих держав по вопросам Дальнего Востока») не вызвала никаких возражений американцев, и тем более – англичан, которые не имели в этом своего интереса и следовали за Вашингтоном. Соглашение было настолько секретным, что с американской стороны о нем знали лишь руководители Комитета начальников штабов (КНШ), Гарриман и переводчик Рузвельта Ч.Болен. Хотя оно имело статус исполнительного соглашения, а не договора, союзники приняли на себя твердое обязательство в том, что все советские требования «должны быть безоговорочно удовлетворены после победы над Японией»⁶.

Очень скоро покойного Рузвельта в США станут бичевать за «попустительство» советским требованиям в Ялте и чуть ли не за «предательство» американских интересов, в том числе по Курилам. Чем же в действительности объяснялась податливость президента и его военных советников в дальневосточном вопросе? Некоторые советские историки усмотрели в ней коварный замысел американцев, которые «заманили Сталина в ловушку, породив территориальный спор, надолго отравивший отношения между Советским Союзом и Японией»⁷. Эта версия пока не подтверждается документами и скорее основана на проекции в прошлое более поздних установок периода холодной войны. Через пару лет планировщики Госдепартамента действительно обнаружат задним числом в Курильской сделке подобную пользу. Если Южные Курилы в конечном итоге останутся за СССР, говорилось, например, в докладе «Политика США в отношении мирного урегулирования с Японией» (сентябрь 1947 г.), «то тем лучше, ибо тогда в Японии появится причина для общественного возмущения Советским Союзом, которое в значительной степени нейтрализует воздействие советской пропаганды на Японию»⁸. Однако последствия тех или иных действий, как известно, далеко не всегда объясняют их мотивы.

Прямо противоположную версию – не о коварстве, а о наивности Рузвельта предложил его переводчик Болен. В своих мемуарах он посетовал на то, что президент и его советники «проспали» советский заход по Курилам, поскольку не были знакомы с историей вопроса и поставили острова на одну доску с Южным Сахалином. «Если бы президент

⁶ Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов. М., 1967, С.155.

⁷ Курилы – острова в океане проблем. М., 1998, С.178.

⁸ *US Policy Toward a Peace Settlement with Japan (September 4, 1947)* // NA, RG 59, *Records of the Policy Planning Staff, 1947–1953, Box 32.*

выполнил свое домашнее задание до конца, а кто-то из нас был лучше знаком с историей Дальнего Востока, – пишет он, – то Соединенные Штаты не отдали бы Курилы с такой легкостью»⁹.

Может быть, и так, но главной причиной согласия Рузвельта и его командования, как подтверждает тот же Болен, было все же не благодушие, а трезвый расчет. «...Ялтинские соглашения по Дальнему Востоку, – писал он в служебной записке 1949 года, – вытекали не из соображений американской внешней политики на Дальнем Востоке или в отношении Советского Союза. Это была дипломатическая цена, уплаченная за то, что тогда казалось очень важным соображением военного порядка. Оно заключалось не просто в том, чтобы вовлечь СССР в войну с Японией, как это часто утверждается, а в том, чтобы это произошло до вторжения США на главные японские острова, намеченного еще до Ялты на 1 ноября 1945 года (курсив в тексте – *В.П.*). Наше командование считало, что вступление России в войну до этой даты спасет жизни от двухсот до трехсот тысяч американских солдат»¹⁰. При общих потерях США во Второй мировой войне в 400 тыс. чел. это была внушительная цифра, с лихвой оправдывавшая уступки советскому союзнику, сделанные за счет своего врага. В то же время передача Курил в советские руки даже в случае появления «враждебной России», по мнению американских военных, не представляла серьезной угрозы для безопасности самих США с учетом общего соотношения сил в Восточной Азии и слабости советского военного присутствия на Дальнем Востоке.

«Еще в течение очень долгого времени для нас будет легче перебросить войска и оснащение за 5 тыс. миль по Тихому океану, чем для России переправить такие же силы и средства через всю Сибирь, – говорилось в докладе Управления стратегических служб (УСС), подчинявшегося КНИШ. – Если мы будем сохранять нынешнее превосходство на море и в воздухе, а также содержать оккупационные войска на японских островах, то сможем стать не меньшим, а даже большим препятствием на пути русской экспансии в Северном Китае, чем были японцы на протяжении последнего полувека»¹¹. «Эти соглашения, – докладывал Трумэну военный министр Г.Стимсон в июле 1945 года, – ... не должны

⁹ Bohlen Ch. *Witness to History, 1929–1969*. N.Y., 1973, P.197,196.

¹⁰ Ch.Bohlen to Mr.Butterworth, February 21, 1949 // NA, RG 59, Charles Bohlen Papers, General Correspondence 1946-1951, Box 5.

¹¹ “American Aims and Interests in the Far East”. Report by OSS Research and Analysis Branch, July 5, 1945 // NA, RG 236, Roll 103.

вызывать у нас беспокойства с точки зрения безопасности при условии, если мы сохраним постоянный и полный контроль над тихоокеанскими островами»¹². К тому же получение контроля над этими самыми тихоокеанскими островами было для США непростой дипломатической задачей, и передача Советскому Союзу Курил облегчала ее решение, создавая для этого подходящий прецедент. Все это вместе взятое превращало ялтинскую договоренность по Дальнему Востоку в «хорошую сделку», по мнению Белого дома и военного руководства США. С большим удовлетворением, как свидетельствует в своих мемуарах А.А.Громыко, воспринял ее и Сталин, увидевший в этом проявление уважения законных интересов безопасности СССР со стороны западных союзников: «Америка сейчас признала справедливость нашей позиции по Курилам и по Сахалину», – сказал он своему послу в Ялте, получив специальное письмо Рузвельта на сей счет¹³.

Однако после смерти Рузвельта и окончания войны в Европе отношение к этой договоренности в Вашингтоне стало меняться вместе с общим ужесточением политики в отношении СССР. В середине мая руководство Госдепартамента во главе с исполняющим обязанности госсекретаря Дж.Грю предприняло скрытую попытку ревизовать ялтинское соглашение по Дальнему Востоку. 12 мая Грю направил военному министру Г.Стимсону меморандум, в котором предложил рассмотреть возможность «пересмотра» этого соглашения в пользу США. Речь шла о получении дополнительных уступок по Маньчжурии и Корее, гарантиях советского сотрудничества с Гоминьданом в Китае, а также о получении права использования Курильских островов авиацией США в качестве условия «окончательного одобрения их аннексии Советским Союзом»¹⁴. Реакция военных на этот заход была весьма прохладной. В своем ответе Стимсон, во-первых, подтвердил важность советского фактора в войне с Японией: «Вступление России в войну будет иметь огромный военный эффект в части сокращения продолжительности военных действий и спасения американских жизней». Во-вторых, он дал трезвую оценку практических возможностей США в навязывании Советскому Союзу новых требований:

¹² *Memorandum for the President, 16 July, 1945 // Foreign Relations of the United States, The Conference of Berlin. Washington, 1960, Vol.II, P.1322.*

¹³ *А.А.Громыко. Памятное. Кн.1. М., 1990, С.231–232.*

¹⁴ *Memorandum for the Secretary of War, May 12, 1945 // Library of Congress, W.A.Harriman Papers, Chronological File, Cont. 179.*

Уступки России по дальневосточным делам, сделанные в Ялте, в целом относятся к разряду вещей, которые военная мощь России позволяет получить независимо от действий США, если только те не станут прибегать к войне. По мнению Военного министерства, Россия способна разгромить силы японцев и оккупировать Сахалин, Маньчжурию, Корею и Северный Китай до прихода туда вооруженных сил Соединенных Штатов. Только на Курилах США в состоянии перехватить инициативу русских, но, если США пойдут на оккупацию этих островов, чтобы опередить там русских, это может быть сделано только в ущерб кампании по разгрому Японии и ценой неприемлемых американских потерь... Что же касается получения права посадки на островах самолетов гражданской авиации США, то лучше всего было бы специально обратиться по этому вопросу к русским, если будет решено обсуждать с ними эту проблему. Так или иначе, военный потенциал России позволяет ей реализовать ялтинские соглашения в одностороннем порядке (за возможным исключением Курил)¹⁵.

Таким образом, первая американская попытка дать «задний ход» по Ялте не удалась, но за ней вскоре последуют другие.

Тем не менее американские военные внимательно присматривались к Курилам. В апреле 1945 г. глава УСС генерал У.Донован предложил тайно послать туда разведгруппу для изучения островов и их возможного последующего использования Соединенными Штатами. Однако КНШ решил перестраховаться и отложил эту операцию: «Хотя успешная реализация плана дала бы ценную информацию, – говорилось в его заключении, – шансы на успех очень сомнительны и провал может помешать будущим операциям»¹⁶.

Отвергая предложенный Госдепартаментом фронтальный пересмотр ялтинских соглашений по Дальнему Востоку как слишком рискованный и нереалистичный, военное командование США уцепилось за идею использования Курил своей авиацией. Это позволило бы вдвое сократить воздушный маршрут, соединявший американские авиабазы на Алеутских островах со стратегически важными Японией и Филиппина-

¹⁵ *Secretary of War to the Acting Secretary of State, May 21, 1945 // Ibidem.*

¹⁶ *Memorandum for the Director of Strategic Services, 2 April 1945 // NA, RG 165, ABC 385 Pacific Theater (18 June '43).*

ми. Сблaзн иметь кратчайший воздушный коридор в Азию был слишком велик и соответствовал общим амбициозным планам Пентагона по созданию глобальной инфраструктуры военного присутствия на послевоенный период, которая позволила бы Соединенным Штатам осуществлять «проектировку мощи» в глубь стратегически ключевой Евразии. При этом не делалось особого различия между военной и гражданской авиацией, поскольку в условиях войны последняя использовалась бы в военных целях; главное было в наличии подготовленных воздушных маршрутов и прав посадки.

Как следует из документов внутренней переписки руководства Пентагона, военные вписали соответствующий пункт в инструкции Госдепартамента Г.Гопкинсу для его последней поездки в Москву в конце мая–начале июня 1945 г. Однако Гопкинс забыл или, скорее всего, не захотел поднимать этот вопрос на встрече со Сталиным. 3 июля штаб сухопутных сил США направил президенту Г.Трумэну докладную об американских военных запросах в Тихом океане, в которой, в частности, говорилось: «Что касается Курил, то ввиду позиции России может быть нежелательным рассматривать создание там военной базы. Однако в дальнейших переговорах об этих островах неплохо было бы среди других вопросов обсудить приобретение подходящего аэродрома для перелетов с Алеутских островов в Японию и на Филиппины»¹⁷. Во время Потсдамской конференции Стимсон вновь напомнил Трумэну о желательности закрепиться на Курилах: «Если Курилы будут переданы России, то мы должны сохранить там права посадки, поскольку острова лежат большой дугой на пути из Соединенных Штатов в Японию и это существенно сократит расстояние по данному маршруту»¹⁸. Однако и в Потсдаме этот вопрос не обсуждался на фоне гораздо более масштабных проблем послевоенного урегулирования.

Успешное испытание атомного оружия в США и перспектива его скорого использования против Японии ослабили американскую заинтересованность в советской помощи в войне и подтолкнули Белый дом к попыткам сбить цену за нее, обещанную Сталину в Ялте. «На деле Трумэн и его ближайшие советники зачастую действовали так, как будто США не участвовали ни в каком секретном соглашении по Дальнему

¹⁷ *Memorandum for the Assistant Secretary of War. Air Base Rights in Kurile Islands, 24 August, 1945 // NA, RG 165 ABC 336 Russia (22 Aug '43).*

¹⁸ *Memorandum for the President, 16 July, 1945 // Foreign Relations of the United States, The Conference of Berlin, Washington, 1960, Vol.II, P.1323.*

Востоку», – отмечает в связи с этим видный американский историк М.Леффлер¹⁹. Сразу после Хиросимы Трумэн на заседании кабинета заявил об отсутствии каких-либо договоренностей с СССР по Маньчжурии. В ходе советско-китайских переговоров дипломатия США подталкивала китайцев к пересмотру ялтинских договоренностей по Маньчжурии, надеясь сорвать эти переговоры и тем самым освободиться от выполнения данных договоренностей, которое в Ялте было увязано с их одобрением Китаем. 11 августа – через три дня после вступления СССР в войну с Японией – Трумэн в секретной директиве приказал своим войскам оккупировать порт Дальний после капитуляции Японии, «если к тому времени он еще не будет захвачен силами советского правительства»²⁰. Это вопиющее нарушение ялтинских договоренностей было чревато прямым военным столкновением между союзниками, но, к счастью, американский десант замешкался, и в необъявленной гонке за Дальний его опередили советские войска²¹.

Неудивительно, что в этом же ряду оказался и новый американский заход по Курилам. Началось с того, что в своем «Общем приказе №1» Верховному Главнокомандующему союзников генералу Маккартуру о капитуляции японских вооруженных сил Трумэн ограничил советское участие в приеме этой капитуляции Маньчжурией и Сахалином. Тем самым по умолчанию капитуляцию японцев на Курилах должны были принимать американцы. Сталин (которого Трумэн 15 августа информировал об этом приказе) среагировал немедленно, настаивая на том, чтобы включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам все Курильские острова, которые согласно решению трех держав в Крыму должны перейти во владение Советского Союза.

В том же послании президенту от 16 августа он предложил включить в зону советской ответственности и северную половину острова Хоккайдо, найдя для этого весьма изобретательный довод:

Это последнее предложение имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919–1921 годах держали под оккупацией своих войск весь

¹⁹ *Leffler M. Adherence to Agreements. Yalta and the Experience of the Early Cold War // International Security, Summer 1986, P.109.*

²⁰ *Memorandum for Admiral King and General Marshall, 11 August, 1945 // NA, RG 218, W.Leahy Records, Box 9.*

²¹ *Morrison S. Victory in the Pacific, 1945. Boston, 1961, P.354–355.*

Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории²².

Дело было, конечно, не столько в общественном мнении, сколько в большой политике. Стратегическое искушение для советского руководства было крайне велико: оккупация Северного Хоккайдо окончательно превратило бы Охотское море в «советское озеро» и резко увеличила роль СССР в послевоенном развитии Японии. Между тем терпимость Вашингтона к советскому военному присутствию в Японии сокращалась по мере снижения зависимости США от советской военной помощи в войне со «страной восходящего солнца»: если еще в начале 1945 года командование Пентагона не исключало оккупации Северного Хоккайдо силами двух советских дивизий, а в Потсдаме Стимсон в докладной Трумэну соглашался на «символическое участие» СССР в оккупации Японии, то к середине августа даже такое участие стало для Вашингтона неприемлемым.

Поэтому Трумэн безо всяких объяснений категорически отверг хоккайдский вариант Сталина, а его согласие по японской капитуляции на Курилах сопровождалось встречным, весьма бесцеремонным запросом:

Трумэн – Сталину 18 августа 1945

Правительство Соединенных Штатов желает располагать правами на авиационные базы для наземных и морских самолетов на одном из Курильских островов, предпочтительно в центральной группе, для военных и коммерческих целей. Я был бы рад, если бы Вы сообщили мне, что Вы согласны на такое мероприятие, причем месторасположение и другие детали будут согласованы путем назначения для этой цели специальных представителей наших обоих правительств²³.

По сути, речь шла о создании военных авиабаз США на передаваемой Советскому Союзу территории с весьма неясными задачами и сро-

²² *Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (далее – Переписка...).* М., 1957, Т.2, С.264.

²³ Там же.

ками использования. После окончания войны с Японией авиабазы могли служить и совсем другим целям. «Совершенно ясно, если мы не хотим себя обманывать, что наш единственный противник в Азии – это Россия, – отмечалось накануне Потсдама в приписке к докладу Оперативного управления штаба сухопутных сил «Позиции США в отношении советских намерений экспансии». – Поэтому зачем тратить столько сил и средств на обеспечение безопасности в Тихом океане и не получить базу вблизи очевидного плацдарма, лежащего на направлении главного удара против нас?»²⁴ Использовать будущую советскую территорию для сдерживания самого СССР – таков был предел пентагоновских мечтаний, заложенный в послании Трумэна, которое составлялось главным военным советником президента адмиралом У.Леги при участии Госдепартамента. Дипломатам удалось немного смягчить вариант Леги, заменив прямолинейное «права базирования» на более обтекаемую формулировку²⁵. Поначалу представители армейской авиации предлагали ограничить этот запрос только коммерческими авиалиниями, но затем было решено попытаться получить максимум возможного.

Военные спешили: это был последний шанс вклиниться на Курилы под предлогом военной целесообразности и покуда эта территория еще не контролировалась Советским Союзом. «Впоследствии, с учетом русской заинтересованности в овладении Курилами и приобретении особых прав в Маньчжурии, а также советской политики отрицания доступа к российской территории для иностранных авиакомпаний, – подчеркивали армейские планировщики, – получение права посадки в этом районе станет гораздо более трудным делом и использование северного воздушного маршрута через Тихий океан на восток может оказаться для нас невозможным»²⁶.

Для бдительного Сталина послание Трумэна стало крайне тревожным двойным сигналом: мало того, что американцы решили закрыть для СССР дверь в Японию, они еще пытаются влезть в согласованную в Ялте зону советского влияния. Читая русский перевод послания, он жирно подчеркнул в нем ключевое предложение об авиационных ба-

²⁴ *US Position with Regard to General Soviet Intentions for Expansion. 10 July, 1945 // NA, RG 165, OPD Exec. 5, Item 21a.*

²⁵ *См.: From the President to Generalissimo Stalin, 17 August, 1945 // HSTL, Files of the White House, Naval Aide, Box 9.*

²⁶ *For JCS Information. 9 August 1945 // NA, RG 165, ABC 381 United Nations (23 Jan '42).*

зах²⁷. Поэтому он решил как следует осадить зарвавшихся янки. С возмущением проглотив горькую пилюлю по Хоккайдо и отменив в последний момент массированный советский десант на этот остров, Сталин жестко отвел трумэновский запрос по Курилам (проект послания, как и в большинстве других случаев, был подготовлен наркомом иностранных дел В.М.Молотовым):

Сталин – Трумэну, 22 августа 1945

Что касается Вашего требования иметь постоянную авиационную базу на одном из Курильских островов, которые, согласно Крымскому решению трех держав, должны перейти во владение Советского Союза, то я считаю своей обязанностью сказать по этому поводу следующее. Во-первых, должен напомнить, что такое мероприятие не было предусмотрено решением трех держав ни в Крыму, ни в Берлине и ни в какой мере не вытекает из принятых там решений. Во-вторых, требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории и выражает готовность ввиду этого предоставить своему союзнику соответствующую базу. Я не думаю, чтобы Советский Союз можно было причислить к разряду таких государств. В-третьих, так как в Вашем послании не излагается никаких мотивов требования о предоставлении постоянной базы, должен Вам сказать чистосердечно, что ни я, ни мои коллеги не понимаем, ввиду каких обстоятельств могло возникнуть подобное требование к Советскому Союзу²⁸.

Получив ледяной ответ Сталина, в Белом доме и Госдепартаменте задумались. Дипломаты запросили мнение военных о том, стоит ли и далее настаивать на выдвинутом требовании. К счастью, дотошные американские штабисты исправно записали телефонный разговор на эту тему заместителя начальника штаба сухопутных сил генерала Хэлла и

²⁷ *Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.558. Оп.11. Д.372. Л.112.*

²⁸ *Переписка..., Т.2, С.265.*

адмирала Кука из штаба ВМС США, состоявшийся в 17.10 23 августа, а архивисты Пентагона сохранили эту запись для потомства:

Кук: Итак, русские сказали «нет» насчет прав базирования на Курилах.

Хэлл: Именно так (Да).

Кук: Нам позвонили из Госдепартамента с просьбой изложить позицию ВМС о том, хотим ли мы и дальше нажимать на них в этом деле, но мы готовы в целом следовать за вами.

Хэлл: Да, мы тоже получили от них этот запрос. Сейчас работаем над этим, и я попрошу Линкольна (заместителя начальника Оперативного управления штаба армии – В.П.) связаться с вашими людьми для согласования.

Кук: А какую позицию вы собираетесь занять?

Хэлл: Ну, вот моя позиция; я не думаю, что это стоит того, чтобы ссориться на данной стадии. Я не удивлен ответом русских. Честно говоря, будь я на их месте, то ответил бы точно так же.

Кук: Скажу Вам, где, как мне кажется, была сделана ошибка, хотя мы были не в курсе многих деталей. Думаю, что было бы лучше сказать русским, когда они заявили, что хотят оккупировать Курилы, – валяйте, но мы будем считать Сахалин и два ближайших к Хоккайдо острова прилегающей территорией. Тогда русским было бы труднее нам отказать и мы смогли бы использовать Сахалин.

Хэлл: Госдепартамент смазал все это дело. Помнится, эти проблемы впервые обсуждались в Тегеране, но данный вопрос не был поднят. Затем Гарри Гопкинс поехал в Москву с инструкциями от Госдепартамента, в которые мы вписали этот пункт. Он также не поставил этот вопрос перед русскими. В Потсдаме мы снова передали весь этот сюжет Госдепартаменту, но они опять не подняли этот вопрос. Короче говоря, этот вопрос никогда не обсуждался с русскими, и я несколько не виню их за то, что сейчас им это не понравилось. Честно говоря, лично я не считаю это чересчур важным.

Кук: Согласен. Считаю, что не стоит развивать эту тему с русскими и снова напороться на отказ.

Хэлл: Я того же мнения ²⁹.

²⁹ *General Hull and Admiral Cooke, 1710 – 23 August 1945 // NA, RG 165, ABC 336 Russia (22 Aug '43).*

В итоговой служебной записке, составленной генералом Линкольном за подписью Хэлла, говорилось:

Представляется, что маршал Сталин прав в своем утверждении о том, что до сих пор не было никаких запросов с нашей стороны насчет авиабазы на Курилах... Учитывая позицию маршала Сталина, считаем, что интерес США в авиабазе на Курилах недостаточен для педалирования этого вопроса. Хотя получение прав транзита и заправки военных самолетов на центральных Курилах с военной точки зрения является желательным, командование армейской авиации не намерено превращать этот вопрос в политический. Ни потребности наших оккупационных войск, ни задачи их передислокации не оправдывают дальнейшего упорства в этом вопросе³⁰.

Трумэн был вынужден дать задний ход. На сей раз его ответ Сталину был подготовлен в более дипломатичном Госдепартаменте, глава которого – Джеймс Бирнс посоветовал президенту «не заметить» абзаца сталинского послания «с выражением раздражения Вашим несогласием на капитуляцию в Хоккайдо пред советскими войсками»³¹. Что касается Курил, то Трумэн пояснил, что имел в виду их использование военной авиацией США только в случаях «чрезвычайных ситуаций на период оккупации Японии» и не будет настаивать на этом пункте. Свой запрос относительно коммерческих авиарейсов он пытался оправдать тем, что Курилы пока не являются частью советской территории и их статус должен быть решен при мирном урегулировании:

Мне было известно, что мой предшественник согласился поддержать при мирном урегулировании приобретение этих островов советской стороной... Если Вы рассчитываете на нашу поддержку Вашего желания получить в постоянное владение все Курильские острова, я не могу понять, почему Вы считаете ос-

³⁰ *Memorandum for the Assistant Secretary of War. Air Base Rights in Kurile Islands, 24 August, 1945 // NA, RG 165 ABC 336 Russia (22 Aug '43).*

³¹ *Memorandum for the President, August 25, 1945 // Files of the White House, Naval Aide, Box9.*

корбительным, если я прошу Вас рассмотреть просьбу о предоставлении прав для посадки самолетов только на одном из этих островов³².

С помощью такой произвольной трактовки ялтинского соглашения (предусматривавшего, напомним, «безоговорочное удовлетворение» советских требований после победы над Японией) Трумэн прозрачно намекал на увязку американской поддержки СССР по Курилам с предоставлением США права посадки на островах.

Послание Трумэна было вручено Сталину 28 августа послом Гарриманом, который с самого начала считал «заход» по Курилам безнадежным делом. При вручении послания посол заявил (согласно советской записи беседы): «Получив первое послание от Трумэна по этому вопросу, он, Гарриман, опасался, что оно будет неправильно понято тов. Сталиным. Последнее послание Трумэна вносит ясность в это дело». «Товарищ Сталин спрашивает, – продолжается в записи беседы, – имеется ли в виду создание временной базы на Курильских островах на время, пока будет оккупирована Япония». Гарриман ответил утвердительно, добавив, что речь также идет о «предоставлении права посадки коммерческим самолетам США в послевоенный период»³³. Сталин сослался на необходимость «обсудить этот вопрос с коллегами»³³. «У меня создалось впечатление, – докладывал Гарриман в телеграмме президенту, – что он считает право посадки на время оккупации приемлемым, но мне не ясна его реакция на возможность коммерческого использования этих объектов в послевоенный период»³⁴.

Чутье не обманывало опытного дипломата. В ответном послании Сталин действительно согласился с первым предложением Трумэна: коль скоро вопрос об американской базе отпал, то вынужденные посадки американских военных самолетов на советских аэродромах не представляли особой проблемы, тем более только на период оккупации Японии, который, как казалось тогда, будет недолгим. Второй пункт был более чувствительным и шел вразрез с тогдашней линией советского руководства на закрытие воздушного пространства СССР для иностранных авиакомпаний. Но напрямую отказывать президенту было не с

³² *Переписка...*, Т.2, С.266.

³³ В.О.Печатнов. *Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки.* М., 2006, С.366.

³⁴ *To the President from Harriman, 28 August, 1945 // Library of Congress, W.A.Harriman Papers, Chronological File, Cont. 182.*

руки, тем более что Сталин, конечно, уловил трумэновскую увязку этого пункта с соблюдением ялтинского соглашения американцами. Поэтому он ответил встречной увязкой, оплатив Трумэну той же монетой – попыткой проникнуть на стратегический объект США, прекрасно понимая, что Трумэн скорее откажется от своего запроса, чем удовлетворит советский (недаром в переводе послания президента он подчеркнул фразу «...я не буду настаивать»)³⁵. При этом все послание в отличие от бесцеремонной трумэновской стилистики было выдержано в предупредительно-вежливом тоне.

Сталин – Трумэну 30 августа 1945

Ваше послание от 27 августа получил. Я рад, что недоразумения, вкравшиеся в нашу переписку, рассеялись. Я не был нисколько оскорблен Вашим предложением, но переживал состояние недоумения, поскольку я, как это видно теперь, неправильно понял Вас.

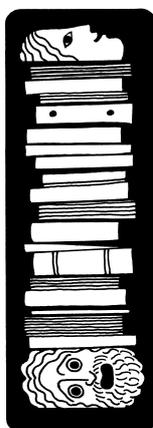
Я, конечно, согласен с Вашим предложением обеспечить для Соединенных Штатов право посадки на наших аэродромах на одном из Курильских островов в чрезвычайных случаях в период оккупации Японии.

Я согласен также с тем, чтобы на советском аэродроме на одном из Курильских островов предоставить возможность посадки коммерческим самолетам. При этом Советское правительство рассчитывает на взаимность со стороны Соединенных Штатов в отношении права посадки советских коммерческих самолетов на американском аэродроме на одном из Алеутских островов. Дело в том, что нынешняя авиационная трасса из Сибири через Канаду в Соединенные Штаты Америки нас не удовлетворяет ввиду ее большой протяженности. Мы предпочитаем более короткую трассу от Курильских островов через Алеутские острова как промежуточный пункт на Сиэтл³⁶.

Расчет Сталина оправдался. Получив его хитроумный ответ, Трумэн по совету своих военных не стал больше возвращаться к этому вопросу. Американские самолеты так и не сели на Курилах.

³⁵ РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.372. Л.117.

³⁶ *Переписка...*, Т.2, С.418.

Андрей Юрганов

**ПОСЛЕ СТАЛИНА:
КАК ОСТАНОВИЛСЯ МЕХАНИЗМ
РЕПРЕССИЙ¹**

УДК
323.2

The article is devoted to events that occurred immediately upon death of Stalin. The apparatus of suppression functioned in non-stop regime for a while and the will was required to stop it. But was it the will indeed? Perhaps, it would be more precise to speak of the paralysis of will as a symptom that was also generated by working machine of suppression. New documents found in archives illuminate this puzzle of the Stalinist repression mechanism's halt.

Ключевые слова: механизм репрессий; сталинизм в массах.

Key words: : repression mechanism; Stalinism in masses

E-mail: iurganov@yandex.ru

¹ Статья является частью научно-исследовательской работы «Историческая наука и партийно-государственная идеология в эпоху сталинизма. 1929–1953 гг.», выполняемой в рамках ФЦП «Научные и педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.».

Механизм – это не только шестеренки, винтики, болты, шайбы, но и кнопка для того, кто включает механизм. Без кнопки нельзя. Значит, нужна воля, а она и мысль одновременно. Но если нет воли, нет и мысли: механизм перестает работать, начинает барахлить, стучать, и, в конце концов, он надоедает своим устаревшим видом, мозолит глаза – его выбрасывают и порой даже проклинают за «неэффективность».

Так обстоит дело в механике.

А в жизни?

Если это механизм репрессий, работавший многие годы неустанно, уничтожая сотни тысяч людей, как его остановили?

Самый простой ответ: умер товарищ Сталин.

Это правильно. Но этого мало.

В механике все детали в основном из железа; они стираются, портятся, приходят в негодность. В механизме репрессий винтиками были люди – не из железа, хотя и способные выдерживать неслыханные перегрузки в работе бездушного конвейера смерти. Остановить такой конвейер не просто; без него обесмысливалась цель существования огромного числа «винтиков», причастных к работе «механизма». Понятно: остановить можно и без их согласия – важно, чтобы была проявлена *воля* того, кто владеет этим механизмом.

Мы видим, что проблема несколько сложнее, чем факт смерти тирана: ведь тот, кто включает механизм, должен знать потребности огромного числа людей; нельзя игнорировать их интересы, желание участвовать в «борьбе»; нельзя забывать людей, народные массы, ибо власть того, кто включает механизм, во многом держится на волеизъявлении «винтиков» общего механизма.

Всякий во главе власти, кто решился бы *не нажать* на кнопку в то обычное утро, когда десятилетиями механизм включался и работал бесперебойно, должен был иметь страх еще больший, чем страх народного непонимания «простоя». Страх такой, который парализует волю, и рука перестает слушать привычный импульс — включай!

Не включается!

Потому что страшно...

Паралич воли — симптом более глубокий, чем просто нежелание. Обычное нежелание, обычное «не хочу»...

«Дело» В.А.Веловича

Инженер Савеловского завода, комсомолец В.А.Велович, отправил письма на имя И.В.Сталина (17 и 19 февраля 1953 г.) и Г.М.Маленкова (22 марта 1953 г.), в которых

допустил грубейшие политические ошибки по важнейшим положениям гениального произведения И.В.Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В этих письмах Велович *отрицает объективный характер законов общественного развития* (курсив мой. – А.Ю.), утверждая, что законы исторического развития общества «в целом формируются из сознательных волевых действий отдельных людей, направленных на обеспечение материальных условий жизни, существования для самого себя и своей семьи».

Кроме того,

все содержание писем Веловича пронизано враждебными, клеветническими выпадами против нашего общественного и государственного строя. Велович всячески порочит кадры, пишет о засорении кадров партии и комсомола «пустыми болтунами и формалистами, которые не имеют права претендовать на звание рядового члена партии и комсомола». Велович утверждает, что «наша пропаганда рассчитана “на дурака”, а дураки у нас быстро переводятся (так в тексте! – А.Ю.), у сознательного советского человека такая пропаганда не оставляет ничего, кроме тяжелого осадка на душе». Велович порочит победивший в нашей стране колхозный строй, труд колхозников он сравнивает с барщиной².

Так отреагировали на письма Веловича в секретариате Калининского обкома КПСС — после проведенной проверки по указанию Центрального Комитета. Мы видим, что административное «кольцо» работает без изменений: любое обращение к высшим руководителям требует ответа от той партийной организации, которая целиком и полностью отвечает за состояние умов рядовых членов партии и членов комсомола.

² Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф.5. Оп.17. Д.424. Л.8.

«Докладная записка о результатах проверки писем инженера Савеловского завода комсомольца Веловича В.А., адресованных в ЦК КПСС», от 11 мая 1953 г. зафиксировала *обычную практику, привычные оценки, ожидаемые выводы.*

Велович не хочет видеть морально-политического единства советского народа, огромных успехов колхозного производства и постоянно растущего материального и культурного благосостояния колхозников. Он клеветает на колхозный строй и советское крестьянство, *подражая фашистской пропаганде* (курсив мой. – А.Ю.) <...> При проверке писем, в беседе с ним Велович упорно отстаивал свои убеждения. Он заявил, что все «теоретические выводы» им сделаны «от души, выношены в своем сознании», «взяты из жизни» в результате повседневных наблюдений и общения с сотнями, может быть с тысячами людей. Таким образом, антипартийные выводы и злобные клеветнические измышления Веловича нельзя рассматривать как простое заблуждение политически неграмотного человека. Они являются плодом его убежденности, результатом его враждебных, антисоветских настроений. В ходе беседы установлено, что Велович преклоняется перед буржуазной американско-английской техникой и культурой и рассуждает *как заядлый космополит* (курсив мой. – А.Ю.)³.

Среди документов, собранных Калининским обкомом партии, – биографическая справка:

Велович В.А., 1927 г. рождения, член ВЛКСМ с 1943 года, по национальности белорус, происходит из семьи служащих. Отец Веловича в 1938 году репрессирован органами государственной безопасности за контрреволюционную деятельность. Судьба его неизвестна. В 1949 году Велович окончил Московский авиационный институт, получив диплом с отличием. На Савеловском заводе работает с февраля 1951 года, сначала в должности инженера-конструктора, а в настоящее время в должности заместителя начальника конструкторского бюро ЦИАМ...⁴

³ Там же. Л.10.

⁴ Там же. Л.11.

Обвинения прозвучали так, что в них (по привычке!) слышался самый страшный приговор. А результат? Трудно поверить в такое, но было **«рекомендовано оставить Веловича В.А. в рядах комсомола»** (резолуция не датирована: май–июнь 1953 г.). Репрессивная машина если не остановлена совсем, то уже перестала производить новые «дела», в которых бесконечно умножались бы «перегибы», «недостатки», «извращения», «ошибки», «вражеские происки» и т. д. Слова обвинения, которые раньше производили судебные дела, теперь теряли значение и даже смысл: ведь если «заядлого космополита» оставляют в комсомоле, то ничего «заядлого» нет, как нет и «космополита».

В материалах «дела» Веловича отложилось его письмо Г.М.Маленкову (получено было 25 марта 1953 г.). Оно передает всю гамму переживаний рядового человека, считавшего своим долгом выразить общее настроение людей.

Пафос письма – в огромном желании автора сразу *устранить все социальные язвы*, все недостатки бытия ради обретения вождя социального рая на земле:

Решение задачи полного и безусловного устранения всех недостатков должно и может стать основным направлением борьбы партии, комсомола, всех советских людей вместе и каждого члена партии, комсомольца, советского человека в отдельности. Такой призыв о полном и безусловном устранении *всех без исключения недостатков на каждом участке хозяйственной и политической работы* (курсив мой. – А.Ю.) является сейчас именно тем правильным указанием на то, что нужно делать, необходимость которого сознается сейчас десятками миллионов советских людей... Один из самых серьезных и неприятных отрицательных фактов действительного внутривластного положения в стране в настоящее время заключается как раз в том, что сейчас у нас сложилось такое положение, когда большинство, не подавляющее, но все-таки большинство, наших советских людей и членов партии, и комсомольцев, и беспартийных, привыкло проходить мимо недостатков по принципу «моя хата с краю», «почему мне должно быть больше всех нужно» и т.д. Это положение сложилось уже давно, оно в свою очередь привело к тому, что во многих, может быть даже в большинстве, партийных, комсомольских и профсоюзных

ПОСЛЕ СТАЛИНА: КАК ОСТАНОВИЛСЯ МЕХАНИЗМ РЕПРЕССИЙ

организаций общественная работа превратилась в пустое и формальное выполнение директив сверху без всякой связи с насущными, жизненными задачами организации⁵.

Вызывало беспокойство резкое снижение общественной активности людей, без которой немыслима борьба за светлое будущее:

То, что это является фактом и фактом очень серьезным и печальным, подрывающим самую основу существования нашей страны, может показать, например, статистический анализ посещаемости партийных и комсомольских собраний. Для комсомольских собраний она в среднем не выше 40–50%, для партийных несколько выше, но тоже низка...⁶

Автор письма определил психологически то, что подрывает идеологическую систему в борьбе за устранение всех социальных язв, всех недостатков политической жизни:

Я думаю, что основной причиной, с которой началось развитие подобных настроений среди большинства наших советских людей, была *потеря врага* (здесь и далее курсив мой. – А.Ю.), с которым надо бороться, врага в виде группы или класса людей, *мешающих движению партии вперед*, какими были троцкисты, зинovieвцы, кулаки и т.д. в 30-х годах, и *потеря перспективы, ясной и определенной перспективы и цели борьбы*. Такой цели, движение к которой *требует усилий и даже жертвы*⁷.

Велович считал важнейшей причиной народной индифферентности «потерю врага»! Но идеологическая система уже не воспроизводила «врагов» и не хотела новых «дел».

...стремление к такой цели рождало героев строек первых сталинских пятилеток. Коммунизм сейчас еще в сознании громадного большинства советских людей не принял тех конкретных и ясных форм, которыми только и могут определяться задачи каждого отдельного советского человека в его собственных представлениях и решениях. Поэтому, так

⁵ Там же. Л.12–12 об.

⁶ Там же. Л.13.

⁷ Там же.

как направление и управление действиями масс возможно только воздействием на сознание людей, самой главной, решающей задачей партии и комсомола является, так сказать, *материализация понятия «коммунизм» в сознании всех советских людей* (курсив мой. – А.Ю.)⁸.

Велович уловил некоторое противоречие между материальным благополучием и стимулом к борьбе: если человек имеет материальные блага (при социализме) – будет ли он бороться за коммунизм? Нет, конечно:

...самыми главными качествами руководителя, обеспечивающими ему поддержку масс, от которой на 90% зависит успех любой работы, в том числе и хозяйственной, являются сейчас, во-первых, высокие моральные и нравственные качества коммуниста и только, во-вторых, все остальное. Одной из причин некоторых ошибок, допущенных руководством партии во внутривластной работе до сих пор, является, по-моему, неправильное понимание основного принципа исторического материализма: «бытие определяет сознание», который понимается часто буквально так: улучшение условий бытия определяет повышение сознательности людей. Это абсолютно неправильно, не было еще в истории случая, чтобы общественная группа людей, материально более обеспеченная, была бы одновременно и более сознательной, наоборот, обычно всегда такая группа людей наиболее реакционна. И эта закономерность не исчезает и при социализме, так как и тут привилегированное материальное положение группы людей отнимает у этой группы *стимул борьбы*: «Ну зачем мне бороться за коммунизм, тратить силы, энергию и здоровье, когда мне и при социализме хорошо»⁹.

Сталинизм в массах – это желание новых жертв ради светлой цели – устранения всех социальных язв. Только так можно было вновь обрести активность и энергию героев первых пятилеток.

⁸ Там же. Л.13 об.

⁹ Там же. Л.14.

На этом фоне сама репрессивная машина оказывалась плохо работающим механизмом; она лишилась своего Хозяина, не упускавшего случая запустить ее на полную мощь. Наследники Сталина явно не хотели новых жертв, новых кампаний, новых разоблачений, так как никто не мог гарантировать, что репрессии не обрушатся и на их головы. Таким образом, механизм подавления переставал быть сталинистским, несмотря на не угасшую еще потребность у советских людей в его запуске. В этом механизме прерывалась порождающая его жизнь «обратная связь»...

«О мерах Секретариата Союза писателей по освобождению писательских организаций от балласта»

24 марта 1953 года, на имя Н.С.Хрущева, в ЦК КПСС, поступила Записка с вышеупомянутым названием. Ее подписали генеральный секретарь Союза Советских Писателей СССР А.Фадеев, а также заместители – А.Сурков и К.Симонов.

Содержание Записки – откровенное продолжение кампании по борьбе с космополитами, которых не успели вывести из состава Союза писателей, и теперь настало время освободиться от «балласта». Антисемитский характер Записки никто не скрывал, и предложения авторов сводились к расправе с писателями-евреями. Фактически предлагалась новая кампания, во всяком случае ее «заготовка». И даже словечко было найдено подходящее – из морского лексикона: освобождение от балласта.

В настоящее время в Московской организации Союза Советских Писателей СССР состоит 1102 человека (955 членов и 147 кандидатов в члены Союза Советских Писателей СССР). Свыше 150 человек из этого числа не выступают с произведениями, имеющими самостоятельную художественную ценность от пяти до десяти лет. Эти бездействующие литераторы являются балластом, мешающим работе Союза Советских Писателей, а в ряде случаев, дискредитирующим высокое звание советского писателя. Согласно Уставу ССП СССР они подлежат исключению из Союза Советских Писателей вследствие «прекращения литературно-художественной и литературно-критической деятельности в течение целого ряда лет» (раздел 3, §5: п. «г»).

Большинство из этих людей и в прошлом не имело достаточных оснований для вступления в Союз писателей; многие из них были приняты в Московскую писательскую организацию в 1934 г. при создании Союза писателей, в условиях массового приема. Поблажки, допущенные при массовом приеме, в дальнейшем вошли в практику работы Союза писателей, когда в ряде случаев, при приеме в ССП, снижались требования к вновь вступающим, благодаря плохому изучению вновь принимаемых, а зачастую и из неприципиальных, приятельских отношений.

Много случайных людей, не имеющих самостоятельных литературно-художественных произведений, попало в Союз писателей в годы войны и в первые послевоенные годы – в силу стремления большого числа лиц, имевших косвенное отношение к литературе, проникнуть в Союз для получения материальных преимуществ, связанных с пребыванием в нем. (Снабжение, литературные карточки и т. д.)

Среди этого балласта – немало людей, которые, не имея возможности существовать на свои литературные заработки, иждивенчески относились и относятся к Союзу писателей и добиваются по всяким поводам материальной поддержки из средств Литературного Фонда¹⁰.

Хотя людей, «не имеющих литературно-художественных произведений» было много, в качестве «примеров» были названы литераторы еврейского происхождения:

А.Г.Ржешевский – с 1934 года числился драматургом. В соавторстве с другим лицом написал одну поставленную в театре пьесу и несколько сценариев. С 1946 года Ржешевский с новыми печатными (или поставленными в театре, или кино) литературно-художественными произведениями не выступает, целиком перейдя на «иждивение» Литфонда, ВУОПА¹¹ и некоторых театров. Заключенные договоры с театрами Ржешевский не выполнял, направив всю свою дея-

¹⁰ РГАНИ. Ф.5. Оп.17. Д.437. Л.4–5.

¹¹ ВУОП — Всесоюзное управление по охране авторских прав. В 1940–1949 гг. состояло в ведении Комитета по делам искусств при СНК СССР, в 1949 г. передано в ССП СССР.

тельность, главным образом, на получение авансов, попрошайничество и другие, недостойные советского писателя способы «заработка». К моменту исключения из Союза общая задолженность Ржешевского Литфонду, ВУОАПу и др. организациям достигла 150 тыс. рублей.

Д.М.Хаит – был принят в Союз Писателей в 1944 году. Последний раз выступил в печати в 1943 году с антихудожественными рассказами. Исключался в 1944 г. из Союза на один год за дискредитацию звания советского писателя. Исключен из Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний за неэтичное поведение и выступления с халтурными лекциями. Ко времени исключения из Союза писателей (1953 г.) остался должен Литературному Фонду 11,5 тыс. руб.

М.Шолок – был принят в Союз писателей в 1934 году на основании одной пьесы, написанной для цыганского театра. После этого, вплоть до своего исключения из Союза, не написал ни одного художественного произведения. Вел себя как авантюрист: при поездке по стране пытался выдавать себя за писателя М.А.Шолохова.

Из числа еще не исключенных из Союза:

Т.Л.Дубинская – состоит в Союзе писателей с 1934 года. До 1939 года написала несколько рассказов и две повести на весьма невысоком художественном уровне. С 1939 года не напечатала ни одной строчки. Разъезжая по стране с чтением неполноценных лекций, пыталась вымогать деньги у различных местных организаций. В течение ряда лет получала пособия от Литфонда: только за последние года два получила пособий на сумму в 6 тыс. рублей.

М.С.Хенкина – принята в Союз писателей в 1934 году. В 1929 и 1936 гг. выпустила две книжки стихов на еврейском языке. С тех пор нигде не печаталась. Рукописи, которые она представляла за последние годы в Союз писателей, не имеют никакой художественной ценности. Ничего не создавая и нигде не работая все эти годы, осаждает Союз требованиями материальной помощи.

Д.Ш.Хорол – принята в Союз писателей в 1935 году, будучи автором нескольких стихотворений для детей, опубликованных в еврейских журналах. С тех пор ее произведения

нигде не публиковались. Нигде не служа и не работая, только за последние два года получила из Литфонда пособий на сумму 7.679 рублей.

Б.В.Бобович – кандидат в члены Союза писателей с 1934 года; принят на основании нескольких эстрадных скетчей, написанных для «Синей блузы». Ничего не напечатал с 1941 года. За последние два года получил из Литфонда в виде всякого рода пособий 11.200 рублей.

Приведенные примеры характерны в той или иной мере для всего балласта, составляющего в московской организации, как отмечалось выше, более 150 человек.

Не поленились – посчитали, сколько еще осталось литераторов-евреев в московской организации ССП:

Значительную часть этого балласта составляют лица еврейской национальности, и в том числе члены бывшего Еврейского литературного объединения (московской секции еврейских писателей), распущенного в 1949 году. Из 1102 членов московской организации Союза писателей русских – 662 чел. (60%), евреев – 329 (29,8%), украинцев – 23 чел., армян 21 чел., других национальностей – 67 чел.

При создании Союза советских писателей в 1934 году в московскую организацию было принято 351 чел., из них – писателей еврейской национальности 124 чел. (35,3%). В 1935–1940 гг. принято 244 человек, из них писателей еврейской национальности – 85 человек (34,8%); в 1941–1946 гг. принято 265 чел. – из них писателей еврейской национальности 75 человек (26,4%). В 1947–1952 гг. принято 241 чел., из них писателей еврейской организации – 49 чел. (20,3%).

Такой завышенный прием в Союз писателей лиц еврейской национальности объясняется тем, что многие из них принимались не по их литературным заслугам, а в результате сниженных требований, приятельских отношений, а в ряде случаев и *в результате замаскированных проявлений националистической семейственности (особенно в период существования в Союзе писателей Еврейского литературного объединения, часть представителей которого входила в состав руководящих органов ССП СССР)* (кур-

сив мой. – *А.Ю.*). Следует особо сказать о членах и кандидатах в члены Союза писателей, состоявших в бывшем Еврейском литературном объединении. Все руководство этого объединения и значительная часть его членов были в свое время репрессированы органами МГБ. После ликвидации объединения и прекращения изданий на еврейском языке, только четверо из 22-х еврейских писателей, входивших ранее в это объединение, занялись литературной работой и эпизодически выступают в печати на русском языке. Остальные являются балластом в Московской организации Союза писателей. Среди них есть отдельные лица, вообще изменившие свою профессию (например, О.Дриз, уже несколько лет работающий гранильщиком в одной из строительных организаций). Приводя изложенные выше факты по Московской писательской организации, руководство ССП СССР располагает сведениями, что близкое к этому положение существует в Ленинградской организации. Не вполне благополучно обстоит дело с состоянием творческих кадров и в Союзе писателей Украины.

Полностью сознавая свою ответственность за такое положение с творческими кадрами, руководство Союза советских писателей СССР считает необходимым, путем систематического и пристального изучения членов и кандидатов в члены Союза писателей, последовательно и неуклонно освобождать Союз писателей от балласта. Руководство Союза писателей считает, что было бы политически неправильным проводить это мероприятие в порядке «чистки» или «перерегистрации». Эта работа должна проводиться постепенно, опираясь на пристальное изучение кадров. Вместе с тем мы считаем необходимым добиться того, чтобы в течение 1953–54 годов существующее ненормальное положение с составом творческих кадров писателей было бы решительно исправлено.

За последнее время Секретариат и Президиум Союза Советских Писателей СССР приняли первые меры в этом направлении. За ряд месяцев Президиумом Правления ССП СССР исключено из Союза писателей 11 чел.; Секретариатом ССП внесена в Президиум рекомендация – исключить еще 11 чел. Работа эта будет продолжаться.

Мы считаем необходимым довести до сведения ЦК КПСС об этих мероприятиях, учитывая, в частности, и то обстоятельство, что исключенные будут обращаться с жалобами в руководящие партийные и советские организации¹².

24 марта 1953 г. была составлена сопроводительная: «На ознакомление вкруговую: тт. Сулову М.А., Поспелову П.Н., Шаталину Н.Н.».

Кем-то (Хрущевым?) написано: «А мер-то и не намечено, дело не только в освобождении из Союза, а и в работе с членами Союза». На других сопроводительных записках читаем – «Ознакомить секретарей ЦК. 24/III – 53. Хрущев»; «Гов. Румянцеву А.М. 1.IV–53. Хрущев».

12 июня 1953 г. Н.С.Хрущеву была направлена информация от А.М.Румянцева по поводу Записки главных руководителей ССП:

Секретариат Союза Советских Писателей СССР присылал на Ваше имя для сведения Записку, в которой говорилось о засоренности писательской организации людьми, не ведущими в течение ряда лет по неуважительным причинам никакой литературно-художественной или литературно-критической деятельности. В Записке сообщалось также, что Секретариат ССП намерен, *не применяя какой-либо «чистки»*, постепенно освобождаться от балласта в писательской организации. При рассмотрении Записки в ЦК КПСС было сделано замечание, что в ней ничего не говорилось о мерах по улучшению воспитательной работы среди членов и кандидатов ССП, об оживлении их творческой деятельности и мерах контроля за этой деятельностью. На это было указано Секретариату ССП СССР...¹³

Надо сказать, что руководство ССП СССР сразу поменяло тональность и стало спешно готовить съезд писателей к сентябрю 1954 года¹⁴. 25 августа 1953 года А.Фадеев направил новую Записку в Президиум ЦК КПСС (на имя Г.М.Маленкова и Н.С.Хрущева). Она называлась «О застарелых бюрократических извращениях в деле руководства советским искусством и литературой и способах исправления этих недостатков». Чуткие к замечаниям «сверху» руководители ССП СССР осознали

¹² Там же. Л.7–9.

¹³ Там же. Л.11.

¹⁴ Там же. Л.20, 25, 30, 36.

ПОСЛЕ СТАЛИНА: КАК ОСТАНОВИЛСЯ МЕХАНИЗМ РЕПРЕССИЙ

необходимость самокритики. Вот какими словами начиналась эта Записка:

Советская общественность справедливо недовольна уровнем нашей литературы и искусства. Она остро критикует писателей и деятелей искусства всех видов. И деятели искусств и литературы только и делают, что всенародно каются...¹⁵

Репрессивную машину никто не хотел включать (страшно!), а без этой «обратной связи» энергия разоблачения, идущая «снизу», естественным образом убывала. Так уже в первых шагах новой власти после смерти Сталина возникали очертания будущего XX съезда КПСС.

¹⁵ Там же. Л.40.

**Жестоко, враждебно и несправедливо
все окружающее нас. Всюду воздвигнуты
преграды против естественных
побуждений, на каждом шагу
наталкиваешься на низкую злобу,
и приходится защищаться и защищаться,
чтобы не быть уничтоженным.**

Генрих Лаубе

**Если верна предпосылка,
что от психологической
и экономической катастрофы
нас может спасти только коренное
изменение характера человека,
выражающееся в переходе
от доминирующей установки
на обладание к господству
установки на бытие, то встает
следующий вопрос: возможно ли
вообще массовое изменение
человеческого характера, а если
возможно, то каким образом
оно может произойти?**

Эрих Фромм

**Ирина Медведева,
Татьяна Шишова**

**«ТЫ ЭТОГО ХОТЕЛ,
ЖОРЖ ДАНДЕН!»**

УДК
32.019.51

The article deals with the problem of juvenile justice. Pro-Western human rights activists are trying to introduce in Russia for along time. Ideology of juvenile justice comes into acute conflict with Russian traditional values and approaches to protection of families and children. Recently advocates of juvenile justice try to conceal their intentions under slogans of children's rights protection from cruel treatment. The authors vividly demonstrate what is hidden behind this signage and make offer to the public to rally for protection of downtrodden children's rights. Such protection means not a propaganda of permissiveness and license but, on the contrary, protection of a child's right to life and upbringing in his/her own family, protection of psychic, mental health of children and parents who will be very strongly injured by forced separation if a child is taken away from a family.

Ключевые слова: ювенальная юстиция; ювенальные технологии; жестокое обращение с детьми; физическое насилие; психическое насилие; социал-дарвинизм.

Key words: juvenile justice; juvenile technologies; cruel treatment of children; physical violence; psychological violence; Social Darwinism

E-mail: mmm11m@yandex.ru; tshl@mail.ru

В последние несколько лет гражданское общество в России стало активно противодействовать попыткам либералов учредить в нашей стране так называемую ювенальную юстицию (ЮЮ), которая лишает родителей воспитательных рычагов, поощряет анархию в детско-подростковой среде, позволяет чиновникам вторгаться практически в любую семью и отнимать детей. Увидев, что антиювенальное движение набирает силу, адепты ЮЮ изменили тактику. Теперь они делают основную ставку на «защиту детей от жестокого обращения». Что, впрочем, легко объяснимо. В ситуации, когда общество активно отвергает ювенальную юстицию и, мягко говоря, не в восторге от идеи защиты детьми своих прав, справедливо считая это поощрением своеволия и доношительства, на информационное поле боя выкатывают тяжелую артиллерию. Замысел прост, но коварен: кто осмелится заявить, что он за жестокое обращение с детьми? А раз так, то никуда вам, голубчикам, не деться, принимайте новые правила жизни! XXI век – без насилия над детьми!

Можно себе представить, как авторы этого коварного замысла довольно потирали руки: дескать, вот как мы всех объегорили! Только не учли хитрованы, что артиллерийская установка стреляет не в одну какую-то сторону, а в зависимости от того, куда ее развернуть. Что ж, как выразался персонаж из мольеровской пьесы, «ты этого хотел, Жорж Данден!» Действительно, поговорим о жестоком обращении с детьми. Тем более, что разговор этот отнюдь не надуманный, не высосанный из пальца. Жестокое обращение с детьми и вправду имеет место. Только местом этим реже всего бывает семья, поскольку никто так не любит детей, как родители. А любовь и жестокое обращение – две вещи несовместные. Между матерью и ребенком достаточно долго существует настолько неразрывная связь, что любые неприятности и особенно страдания, которые испытывает ребенок, воспринимаются матерью, как ее собственные. Даже на физическом уровне: что болит у ребенка, то болит и у нее.

**Жестокое обращение
с детьми
в ювенальной трактовке**

Конечно, бывают отдельные выродки – люди, как правило, страдающие тяжелой формой психопатологии (садисты, маньяки, изуверы-

алкоголики). Но их число не столь велико, чтобы делать далеко идущие обобщения. И для них, для их преступлений в нашем Уголовном кодексе предусмотрены соответствующие меры наказания.

Нет, огород городится не ради них. Сейчас законы хотят изменить, чтобы под жестоким обращением подразумевать совсем другие вещи.

«Понятие жестокого обращения в настоящее время законодательно не определено, – отмечает юрист О.В.Леткова¹. – В связи с этим дано поручение Верховному Суду РФ обобщить судебную практику и дать соответствующие разъяснения. Заметим, что в последнее время судебная практика по данной категории дел весьма широка. Родителей привлекают к уголовной ответственности и в случае применения мер воспитательного характера, и за привлечение детей к элементарному домашнему труду, и за попытки дисциплинировать ребенка, и по многим другим надуманным основаниям, заставляя родителей жить в страхе под "дамокловым мечом" ювенальной юстиции, а приемных родителей – массово возвращать детей в приюты, опасаясь возможных уголовных преследований».

В методических разработках, посвященных жестокому обращению с детьми, уже не раз попадались определения с расшифровками, подобные нижеприведенным. Цитирование начинаем с обложки, чтобы не было сомнений в солидности источника. И чтобы читатель обратил внимание на год выпуска «методички»: уже 6 лет назад саратовские чиновники позаботились о праве на ювенальную опричнину.

**Методические рекомендации для специалистов
органов и учреждений системы профилактики
безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних
по вопросу защиты детей от жестокого обращения²**

«Физическое насилие – действия (бездействие) со стороны родителей или других взрослых, в результате которых физическое и умственное здоровье ребенка нарушается или находится под угрозой повреждения».

Как это прикажете понимать? Отец совершил действие, к примеру, купил мороженое, дал сыну, на следующий день у мальчика заболело горло. Выходит, налицо факт физического насилия со стороны отца? А что значит бездействие? Ребенок играл на улице в салочки, упал, разбил коленку. Если

¹ Проект «Защита детей или новые угрозы ювенальной юстиции. Сайт «Русская народная линия». 8.12.2010.

² Утверждены на заседании межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в Саратовской области 20 сентября 2005 года.

следовать процитированной инструкции, его родители могут быть обвинены в физическом насилии, потому что бездействовали, не запретили ему бегать.

Следующая цитата тоже впечатляет:

«Влияние физического насилия на ребенка.

Поведенческие и психологические индикаторы:

задержка развития, малоподвижность; дети могут становиться агрессивными, тревожными; могут быть необычайно стеснительными, нелюбопытными, избегать сверстников, бояться взрослых и играть только с маленькими детьми, а не с ровесниками; страх физического контакта, боязнь идти домой; тревога, когда плачут другие дети, тики, сосание пальцев, раскачивание».

Все перечисленные «индикаторы» могут быть симптомами различных психологических и психиатрических отклонений, никакого отношения к физическому насилию не имеющих. Напротив, родители таких детей нередко грешат слишком мягким обращением с ними, боясь даже разумной строгостью усугубить их состояние. Еще одна выдержка:

«Заподозрить физическое насилие над ребенком можно, если: родители поздно обращаются за медицинской помощью или индикатором обращения являются другие люди; следы травм различной давности; родители дают противоречивые, путаные объяснения случившемуся; обвиняют ребенка в нанесении самоповреждений; не оказывают ребенку поддержки при медицинском осмотре; отсутствует обеспокоенность за здоровье ребенка или, напротив, демонстрируется преувеличенная забота (псевдолюбовь); повторные госпитализации в стационар с травмами различного характера...»

Надеемся, читателям понятно, что при таком широком спектре весьма размытых признаков физического насилия заподозрить в последнем можно при желании любого, каждого родителя. Особенно подозрительна преувеличенная забота, она же псевдолюбовь...

Из той же серии и другие «показатели» родительской жестокости:

«Отсутствие заботы о детях (пренебрежение основными потребностями ребенка) – невнимание к основным нуждам ребенка в пище, одежде, медицинском обслуживании, присмотре.

Влияние на ребенка:

не растет, не набирает подходящего веса или теряет вес; ребенок брошен, находится без присмотра, не имеет подходящей одежды, жилища;

нет прививок, нуждается в услугах зубного врача, плохая гигиена кожи, запущенное состояние детей (педикулез, дистрофия); не ходит в школу, прогуливает школу, приходит на занятия слишком рано и уходит из школы слишком поздно; устает, апатичен, имеет отклонения в поведении».

И уж совсем ничего не стоит, руководствуясь такими методическими пособиями, обвинить родителей в психическом насилии. Впрочем, судите сами.

«Психическое насилие (эмоционально дурное обращение с детьми): обвинения в адрес ребенка (брань, крики); принижение его успехов, унижение его достоинства; отвержение ребенка; длительное лишение ребенка любви, нежности, заботы и безопасности со стороны родителей; принуждение к одиночеству; совершение в присутствии ребенка насилия по отношению к супругу или другим детям; причинение боли домашним животным с целью запугать ребенка.

Влияние на ребенка:

задержка в физическом, речевом развитии, задержка роста (у дошкольников и младших школьников); импульсивность, взрывчатость, вредные привычки (сосание пальцев, вырывание волос), злость; попытки совершения самоубийства, потеря смысла жизни, цели в жизни (у подростков); уступчивость, податливость; ночные кошмары, нарушение сна, страхи темноты, боязнь людей, их гнева; депрессии, печаль, беспомощность, безнадежность, заторможенность».

Ну, скажите, может ли кто-то из нас, прочитав этот перечень, быть уверенным в своей невиновности?

А эксперт по проблеме насилия над детьми Е.И Цымбал³ считает, что «предположить возможность пренебрежения основными потребностями ребенка позволяют следующие особенности поведения родителей:

- необоснованный отказ от профилактических прививок;

³ Цымбал Е.И. Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия. Учебное пособие. Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН). М. 2007, стр. 166.

- *низкая медицинская активность (несвоевременное посещение поликлиники для профилактических осмотров, обращение за медицинской помощью только в случае тяжелого заболевания ребенка, невыполнение рекомендаций врача, плохое состояние зубов у ребенка);*

- *неправильное питание ребенка (неполноценная диета, родители дают ребенку продукты, не соответствующие его возрасту, несоблюдение режима кормления);*

- *увлеченность родителей "экстремальными" методами воспитания (закаливание грудного ребенка с помощью холодной воды, обучение его плаванию, использование неапробированных методик раннего интеллектуального развития и т.п.).*

О выявленных неблагополучных семьях должны быть проинформированы органы опеки и попечительства, к компетенции которых относится принятие мер по защите ребенка, вплоть до незамедлительного отобрания его у родителей».

Иными словами, любое отклонение от того, что в данный момент считается компетентными специалистами нормой, – это уже жестокость. Взять хотя бы приучение к плаванию. Одни «компетентные специалисты» в свое время усиленно это дело пропагандировали, в результате чего во многих детских поликлиниках понастроили специальные бассейны для грудничков, то есть медицинская инновация была поддержана официально, на государственном уровне. Теперь приходят другие «спецы» и заявляют, что все это вредно.

В принципе, такое в науке не редкость. Как не редкость и то, что жертвами научных баталий становятся живые люди, в том числе дети. По пословице «паны дерутся, а у холопов чубы трещат». Однако раньше никому не приходило в голову возлагать вину за неудавшийся эксперимент на самих жертв, да еще их за это наказывать.

Очень мило, что в том же процитированном отрывке жестоким обращением предлагается считать несоблюдение рекомендаций врача... То есть родитель, как ягненок из басни Крылова, виноват уж тем, что хочется чиновнику кушать.

Да... Чувствуется, что стратегию «борьбы с семейным насилием» разрабатывают в штабе ювеналов давно и основательно...

Ну, как там наша информационная гаубица? Развернулась? Тогда – артиллерия, пли!

Несколько ответных залпов

Первый залп в борьбе против жестокости к детям будет направлен на защитников абортов. Если не лицемерно, на словах, стремиться создать «города, доброжелательные к

ребенку», нужно не только запретить аборты, но и наказать по всей строгости закона тех, кто противодействует запрету абортов. Ведь это не просто жестокое обращение с детьми, а самое натуральное убийство детей, инфантицид.

Второй залп дадим по тем, кто разоряет семейные гнезда, разлучает детей с родителями. Из аналитической справки «Правовые и социальные аспекты введения ювенальной юстиции в РФ», подготовленной к рассмотрению на Госсовете 27.12.2010 пакета документов по защите прав детей: «С точки зрения психологии, сильнейшая эмоциональная привязанность детей и родителей (и, соответственно, моральная травма – в случае утраты детей или родителей) обусловлена не только социально-культурными причинами, но и сильнейшими инстинктами, лежащими в основе человеческой психики: инстинктом самосохранения для детей и инстинктом защиты и заботы о потомстве для родителей. Утрата детей или родителей является наиболее тяжелой из возможных для человека психологических травм, которая затрагивает эмоциональную и ценностную основу человеческой психики. Принудительное разделение семьи наносит ущерб ненамного меньший, чем утрата членов семьи вследствие смерти. Известно также, что утрата родителей, особенно в результате принуждения со стороны государства, ни в коей мере не "компенсируется" содержанием ребенка в воспитательных учреждениях или передачей их в семьи усыновителей, независимо от материальных условий содержания».

Больше того, оказывается ЮЮ «нарушает ряд положений Конституции РФ и норм международного права, в частности, Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 года⁴, как минимум, пункта «е». Ст.2 настоящей конвенции – "насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую". Кроме того, сама угроза лишения детей в результате действия органов ювенальной юстиции, в частности, по мотивам "недостаточности доходов" (не говоря о настойчиво предлагаемой лоббистами ювенальной юстиции регламентации "прав на деторождение") окажет существенное

⁴ <http://www.un.org/russian/documen/convents/genocide.htm>

воздействие на решение родителей на рождение ребенка, что подпадает под пункт «d» – "меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы", и отчасти – пункта «с» – "предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное и частичное физическое уничтожение ее". Учитывая, что принудительное отделение детей от биологических родителей причиняет и детям, и родителям сильнейшие моральные страдания, ювенальная юстиция подпадает и под пункт «b» – "причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы". Соответственно, обычная для ЮЮ практика массового и необоснованного изъятия детей из родительской семьи подпадает под ст. 357 УК РФ "Геноцид"⁵.

Может, кому-то кажется, что «геноцид», т.е. крайняя форма жестокого обращения, это художественная гипербола? Тогда продолжим цитирование документа: «В РФ, где до половины занятого (!) населения имеет доходы ниже прожиточного минимума, введение имущественного ценза на родительские права будет означать изъятие из семьи более чем половины детей якобы в связи с виной родителей, якобы "не желающих" материально обеспечить детей на "должном" уровне, произвольно определяемом органами ювенальной юстиции».

«Очевидно также, что сама угроза принудительного разделения семьи, не только реальная, но и потенциальная, причиняет членам семьи острый либо хронический стресс, вызывая моральные страдания и провоцируя психогенные заболевания».

Про психогенные заболевания можем кое-что добавить от себя. Сейчас и безо всяких ювенальных угроз отмечается высокий уровень невротизации населения. О причинах тут можно рассуждать долго, но реальность именно такова и никем из мало-мальски честных специалистов не опровергается. Мы, работая с семьями, тоже это видим, причем в последние годы появились вполне отчетливые новые тенденции: гораздо чаще, чем раньше, встречается явление, которое в психологии принято называть «гиперопекой». Тревожась за жизнь и безопасность ребенка, родители (как правило, матери) «нависают» над ним, не дают ему необходимой в его возрасте самостоятельности и невольно индуцируют ему свои страхи и тревожность. Некоторые мамы так трясутся над ребенком, что не выпускают его из поля зрения буквально ни на минуту. В результате ребенок становится дерганным, боязливым или, наоборот,

⁵ <http://www.zakonrf.info/uk/357/>

повышенно возбудимым, импульсивным, неуправляемым (у него развивается протестное поведение). Все это очень плохо для его психики. Впоследствии он может попасть в группу риска по различным зависимостям.

Представляете, в какое состояние впадут такие гиперопекающие мамы (которых, подчеркиваем, становится все больше!), если их из-за каждого перелома или ушиба, полученных ребенком, и даже из-за синяка и царапины будут приводить на допросы в полицию, заносить информацию о них в базу данных и потом контролировать, нет ли тут «семейного неблагополучия»? Тут уже запахнет не только невротизацией, а и психозами. С соответствующей проекцией на психику детей, которых ювенальщики тут же кинутся защищать от «неадекватных мамаш».

Согласитесь, это высшая, изощренная форма жестокости: сначала методично доводить родителей до психических расстройств, а потом лишать детей семьи. Геббельс отдыхает...

Вообще, в критике ювенальной системы пока что недостаточно отчетливо звучит тема жестокости по отношению к детям. А ведь любое ювенальное дело, какое ни возьми, поражает именно жестокостью чиновников. Жестокостью, которая сплошь и рядом принимает крайние формы. Сколько детей, которых огромными усилиями удалось вырвать из цепких ювенальных лап, нуждается сейчас в психологической, а то и психиатрической реабилитации! Разве не жестокое отношение к детям то, что произошло в Тульской области? Две малышки, которых якобы в их собственных интересах отняли у отца с матерью, за время пребывания в детдоме задержались в развитии и впали в состояние аутизма. Удастся ли теперь, когда их под влиянием большого общественного протеста, с привлечением телевидения и других СМИ вернули в семью, эти отклонения компенсировать – большой вопрос.

Разве не жестокое обращение с детьми – история приморского священника о. Александра Орехова⁶, у которого семеро своих детей и двое приемных? Органы опеки несколько лет назад принялись терроризировать его многодетную семью, заявлялись с проверками ночью, будили детей, допрашивали их, придирались к крошкам на столе. Один из приемных сыновей, спасаясь от милиции, пришедшей изымать его из семьи, всю ночь прятался в холодном сарае. Вам это не напоминает филь-

⁶ http://ruskline.ru/news_rl/2010/9/20/u_mnogodetnogo_svyawennika_otbirayut_detej/

мы про войну, в которых есть кадры, где дети скрывались от рыскавших по домам фашистов?

А разве не жестокое обращение с детьми – трагедия, разыгравшаяся под Москвой⁷? Женщина, растившая без мужа девятилетнюю дочь, ухаживала за больной раком матерью. Состояние больной было уже очень тяжелым, помощи ниоткуда, в том числе от государства, не поступало. Но зато государство вдруг решило помочь – на ювенальный манер – девятилетней девочке. Вломившись в квартиру бабушки, где в это время находился и ребенок, детозащитники заявили, что детям в такой неубранной квартире, в таких антисанитарных условиях жить не подобает и поэтому ребенка надо немедленно изъять. Мать в ответ пролепетала, что у нее с девочкой есть своя квартира и там очень даже чисто. И предложила непрошеным гостям проехать туда, чтобы в этом убедиться. Они согласились, но, выйдя на улицу, оторвали девочку от матери и, хотя ребенок сопротивлялся и кричал, его втолкнули в милицмейскую машину и увезли. Мать скоропалительно ограничили в родительских правах и – это тоже новая «ювенальная технология» – завели на нее уголовное дело, обвинив в насилии над дочкой. А девочку, тоже по ювенальной схеме, сперва упрятали в инфекционное отделение больницы, чтобы исключить свидания с матерью, после чего поместили в опекунскую семью, где стали запугивать переводом в детдом, если она не даст показания против мамы. Показания из ребенка надо было выжать, по-видимому, для того, чтобы упечь мать за решетку. Еще недавно казалось, что такое нагромождение жестокостей бывает только в фильмах ужасов. Даже трудно сказать, какая жестокость ужасней: насильственное разлучение ребенка с матерью? Попытка посадить мать руками дочери? Каково было бы повзрослевшей девочке жить с таким страшным грузом на совести? А какое воспоминание останется у нее о том, как она простилась с умирающей бабушкой? (О самой бабушке, которой напоследок устроили такую «веселую жизнь», и о матери, которая непонятно как вынесла такое двойное горе, мы уж молчим, ибо наша тема – жестокое обращение с детьми.) Каково подрастающему человеку сознавать, что он живет в государстве, где добивают слабых и больных?

Описанный нами случай, когда нахождение в квартире лежачего больного, которая по более чем уважительной причине была не убрана, опека расценила как «угрозу жизни и здоровью ребенка» и, соответст-

⁷ http://ruskline.ru/analitika/2011/06/15/tanin_prazdnik

венно, как основание для его изъятия, отнюдь не единичен. Это еще одна «ювенальная технология». Сама логика, по которой слабые, больные и бедные недостойны воспитывать детей, разве не есть жестокое отношение к людям и к детям в частности? Это же логика сатанизма: падающего толкни, слабого добей! А сатанизм – это апофеоз жестокости.

Спасибо за хорошую идею!

Список злодеяний по отношению к детям со стороны «сердобольных» ювеналов можно продолжать чуть ли не до бесконечности. На самом деле пора уже писать «белую книгу»

ювенального детства. Но мы, по крайней мере, сейчас этого делать не будем, а призовем людей и организации, которые противодействуют установлению в нашей стране ювенального ГУЛАГа, которые вызволяют незаконно отобранных детей и возвращают их в кровные семьи, на этом не останавливаясь. Необходимо доводить дело до логического конца: виновные в разыгравшейся трагедии чиновники должны быть наказаны. Причем не только за подтасовку фактов и превышение должностных полномочий. В первую очередь – за жестокое обращение с детьми!

Некоторые другие виды жестокого обращения мы, чтобы не растягивать статью, обозначим по возможности схематично. Или, если снова применить военную лексику, дадим серию коротких залпов.

Разве не жестоко по отношению к детям укорачивать жизнь их родителям? Молодая мать в Полтавской области бросилась под поезд после того, как органы опеки отняли у нее двух ребятишек: семилетнего мальчика и малышку грудного возраста⁸. Другие с собой не кончают, но заболевают от горя сердечно-сосудистыми хворями, депрессиями и даже онкологией, которая нередко развивается на фоне длительного стресса. Все это, конечно же, не лучшим образом влияет на продолжительность жизни, которая у нас и без того не слишком высока.

А навязывание небезопасных прививок, из-за которых в последние годы все больше детей становятся тяжелыми инвалидами, заболевая детским церебральным параличом и аутизмом? Да и бронхиальная астма, судорожный синдром, дисбактериозы, тяжелые формы аллергии и другие последствия вакцинации, проводящейся без учета иммунного

⁸ [http://kramtp.info/news/20/full/id=11895;](http://kramtp.info/news/20/full/id=11895)

статуса ребенка, непроверенными, а то и заведомо некачественными вакцинами, гораздо больше коррелируют с понятием жестокого обращения, чем с защитой детства.

(Вообще, ювеналам надо сказать спасибо за подсказку. Так бы, может, и в голову не пришло, что целый ряд вредоносных действий, направленных на детей, это не что иное, как жестокое обращение с ними. Спасибо, дорогие детозащитники! Теперь соответствующая формулировка будет фигурировать в обращениях в суд, прокуратуру и другие официальные инстанции.)

Безусловно, жестоко столько лет продолжать информационное расстройство детей и подростков. Это настоящее духовное насилие – лишение детей чистоты, невинности, целомудрия. Самой сути, **сердцевины** детства.

Крайне жестока и норма закона о здравоохранении, по которой подростка-наркомана с 16 лет можно лечить только если он даст на это свое согласие. А он согласия, как правило, не дает, потому что в этом возрасте преобладает тяга к веселой жизни, да и смерть кажется нереальной. Таким образом, под песни о свободе выбора юный наркоман лишается медицинской помощи. Неоказание медицинской помощи в данном случае грозит летальным исходом. Это не то, что не дать микстуру больному ОРЗ (хотя и недолеченное ОРЗ порой бывает чревато серьезными осложнениями, укорачивающими человеку жизнь).

Неоказание медицинской помощи детям касается, кстати, не только наркоманов. В СМИ и интернете регулярно появляются призывы собирать деньги на операцию и лечение смертельно больного ребенка. Чинovníки от медицины при этом себя и своих близких не обижают. А кое-где в высоких медицинских кругах можно даже услышать, что пора менять Конституцию: дескать, норма о бесплатной медицинской помощи устарела. А это, между прочим, уже вульгарнейший социалдарвинизм, идеология, осужденная в XX веке не просто как жестокая, но как античеловеческая!

Можно было бы еще продолжить информационный артобстрел, но авторы (да и, наверное, читатель) устали от грохота канонады. Поэтому давайте поступим так. Статью мы на этом закончим, напоследок выразив надежду, что борьба против настоящего жестокого обращения с детьми, о котором шла у нас речь, будет продолжена уже не только в информационном поле, но и в реальной жизни. Ведь действительно надо защищать детей. С этим не поспоришь.

Александр Калинин

**ВСЕГО ЛИШЬ
ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ**

УДК
329.019.5

The upsurge of political activism that occurred in December of 2011 after the election to the Russian State Duma and continued in the subsequent months up to June of 2012 is an enigmatic phenomenon in many respects. Causes of discontent as aired by the opposition leaders had been present for a very long time prior to the upsurge and roused no massive dissatisfaction. There is every reason to suspect that the genuine if hidden cause of mass demonstrations, meetings and riots is the authorities' desire to defuse a frightening potential of mass discontent well in advance of decisive imminent confrontation related with consequence of Russia's joining WTO. In fact, the authorities tried to burnout the mass discontent potential and found support of opposition in this undertaking.

Ключевые слова: российская оппозиция; массовые демонстрации и уличные беспорядки; выжигание потенциала массового протеста.

Key words: the Russian opposition; mass demonstrations and riots; burnout of mass discontent potential.

E-mail: beaver2007.61@mail.ru

Не буду скрывать, что к массовым акциям уличного протеста я отношусь скептически. Такое отношение объясняется не моей сварливостью и моим консерватизмом. Нынешняя власть мне не нравится. У меня с этой властью множество разногласий, которые, впрочем, практически не находят отражения и в требованиях оппозиции¹.

Не буду нудно перечислять мои претензии к власти. Они никому не интересны. Лучше я поделюсь соображением, появившимся у меня совсем недавно после участия в одном из московских митингов.

С декабря 2011 г. меня занимал вопрос, почему вдруг возник весь этот гражданский протест, возглавленный вполне благополучными людьми. Ведь такие явления, как фальсификации результатов выборов, существовали всегда, стали российской традицией, которая особого негодования не вызывала. Все как-то с этим мирилось. И вдруг возмутились.

Были ли результаты декабрьских выборов сфальсифицированы как-то особенно грубо и нарочито оскорбительно? По-моему, не были. Так почему они вызвали протест?

Все разговоры о том, что на политическую арену вышел, наконец, средний класс, который расправил плечи и под водительством своего боевого авангарда, креативного класса, пошел в бой за свои поприанные властью идеалы, меня нимало не убеждают. Но даже если предположить, что дело обстоит именно так, как «все говорят», остается вопрос, почему средний класс так воспалился именно в декабре и именно из-за последних выборов в Государственную Думу, а затем – из-за последних президентских выборов.

В козни Госдепа и прочих внешних врагов я не то чтобы не верю, но думаю, что эти козни возможны только в условиях острого внутреннего кризиса вроде тех, что привели к смене режимов в Северной Африке. США и ЕС не так уж сорят деньгами: им есть на что деньги тратить.

Массовость уличных акций обеспечил вовсе не средний класс, который проявил присущую ему осторожность и на улицы в сколько-нибудь значительных количествах не пошел². Массовость уличных акций обеспечил

¹ Я поддерживаю требование «свободных и честных выборов», но не могу представить, как это требование осуществить. Ведь в фальсификации вовлечены десятки тысяч людей, набравшихся бесценного опыта и готовых поставить этот опыт на службу любому, кто заплатит больше и кто сильнее накажет за нарушение договоренностей.

² Предположим, что в благополучной Москве четверть населения составляет средний класс. Четверть населения Москвы – это в любом случае 2,5 млн. человек. Допустим, из этих 2,5 млн. на улицы вышел бы каждый десятый. Это было бы 250 тысяч человек. Но этих 250 тысяч просто не было. По любым подсчетам, в любой произошедшей за послед-

городской плебс (используя это слово, я никого не хочу оскорбить, просто описываю положение участников демонстраций; я и сам плебей³). Городской плебс заслуживает определенного уважения уже потому, что без его поддержки никакой серьезной подвижки в нашем болоте не получится.

Но если демонстрации, митинги и марши были массовыми потому, что в них участвовал столичный плебс, то почему на трибунах не было его представителей? Почему на этих акциях не звучали требования плебса или, говоря другими словами, требования масс?

Потому, что массы не в состоянии сформулировать свои требования. И дело тут не в тупости масс, а в том, что массы поглощены другими заботами. Массы заняты собственным выживанием. Если угодно, массы неполиitizedированны и никогда политизированны не будут. Массы – своего рода «великий немой». Это не значит, что массы не могут выдвинуть из своей среды ярких политических деятелей. Могут. Но на то и власть, чтобы таких выдвиженцев вовремя выявлять и поступать с ними по обстоятельствам. Легче всего выдвиженцев перекупить (что чаще всего и делают), но есть и другие варианты.

Протестный потенциал масс велик. Насколько велик, сказать не могу. Но всякий, кто выходит на улицу, ездит общественным транспортом, ходит по магазинам и поликлиникам, тем более по государственным конторам и судам, знает, что уровень напряженности в обществе повышается. И с этим надо что-то делать. Потому что иначе рванет. От какой-нибудь малости, которую общество, пребывающее в спокойном состоянии, и не заметило бы.

Между тем РФ стоит на пороге событий, которые малостью никак не назовешь. Достаточно назвать вступление РФ в ВТО, грозящее бедами, о которых никто не предупреждал (и о которых, кажется, никто доподлинно и не знает). Не могу сказать, как с последствиями вступления в ВТО справится средний класс, но по массам будет нанесен мощный удар. Допускаю, что массы извлекут из вступления в ВТО определенные выгоды как потребители, но в любой рыночной экономике значение имеет только эффективный спрос, а не мечты о том, что хорошо бы приобрести вон то и вон это, а

ние 6–7 месяцев акции участвовало не более 150 тысяч человек (на самом деле, гораздо меньше).

Тут возникает заковыка: либо численность среднего класса сильно преувеличена, либо средний класс предпочитает более комфортные, более безопасные условия и иные формы выражения своего протеста. Например, голосует за «Единую Россию», а потом возмущается своим малодушием в кафе и ресторанах. И плачет.

³ В исконном, древнеримском смысле этого слова.

ВСЕГО ЛИШЬ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

еще то, то и то... Эффективный спрос – это спрос, обеспеченный покупательной способностью, а каким будет совокупный эффективный спрос после вступления РФ в ВТО, никто не скажет. Даже приблизительно. Думаю, эффективный спрос сократится, и это сокращение произойдет, в первую очередь и главным образом, за счет сокращения потребления масс, которые и без членства РФ в ВТО не жируют.

Сокращение потребления масс приведет к еще большему росту протестных настроений. И власть понимает это. Что должна сделать власть с протестным потенциалом? Власть должна его заблаговременно выжечь. Что она и делает с помощью оппозиции.

Как было сказано выше, массы потому и массы, что они неполиitizedованы и не могут сформулировать свои интересы и цели. Массы не могут постоянно пребывать в состоянии мобилизации, политизации. Такие моменты редки и непродолжительны. Раз в полгода получать удар «демократизатором» по голове или по почкам еще можно, но раз в неделю – это уже много для нормального человека любого возраста. Нормальные люди занимаются нормальными делами, зарабатывают себе на жизнь. Аресты и травмы нормальной жизни не способствуют. Власти надо принимать превентивные меры, «отоваривая» дубинками людей для того, чтобы в следующий раз они уже не вышли, и вынося приговоры самым активным смутьянам. Если в жернова попадают простые участники уличных акций, то и того лучше. Это наглядное предупреждение всем: не ходите куда не велено. Ходите на работу и на дозволенные властью увеселения.

На мой взгляд, оппозиция просто подыгрывает власти, помогая ей ослабить грядущий взрыв. У власти глубоко эшелонированная оборона (ОМОН, ВВ, полиция, суды, выборные органы власти, общественные палатки и общественные же советы и т.д.). Прорвать эту оборону извне практически невозможно.

Некоторые питают надежду на то, что всю эту систему взорвут изнутри, надежду на раскол так называемой элиты. Но, во-первых, реализация такого сценария приведет к утрате суверенитета страны, если не к ее распаду. Во-вторых, реализация такого сценария ничего в стране не изменит, никаких бед страны не устраним (ведь к власти придут люди, подобные тем, кто правит ныне; а если к власти на какое-то время придут оппозиционеры, то мигом выяснится, что оппозиция – последний и самый надежный эшелон обороны режима). В-третьих, реализация такого сценария обойдется очень дорого (люди, находящиеся у власти, ее так просто не отдадут; они потребуют компенсации, и их требования сочтут обоснованными), и эти расходы придется нести массам.

Можно продолжить, но и этого достаточно.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного
фонда «Экспериментальный творческий центр», главный редактор
журнала «Россия XXI», главный режиссер театра «На досках»

Марьина Валентина Владимировна

профессор, доктор исторических наук, главный научный
сотрудник Института славяноведения РАН

Потапова Наталья Дмитриевна

кандидат исторических наук, доцент факультета истории
Европейского университета в Санкт-Петербурге

Штеллнер Франтишек

доктор исторических наук, заведующий кафедрой
экономической истории Высшей экономической школы в Праге
и доцент Института всеобщей истории Карлова университета в Праге

Антонов Дмитрий Игоревич

кандидат исторических наук,
доцент Института русской истории РГГУ

Майзульс Михаил Романович

историк, преподаватель
Российского государственного гуманитарного университета

Печатнов Владимир Олегович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
истории и политики стран Европы
и Америки МГИМО МИД СССР

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
истории России Средневековья
и раннего Нового времени РГГУ

Медведева Ирина Яковлевна

психолог, член Союза писателей России, сотрудник
Фонда социально-психического здоровья семьи и ребенка

Шишова Татьяна Львовна

педагог, член Союза писателей России, сотрудник
Фонда социально-психического здоровья семьи и ребенка

Калинин Александр Анатольевич

историк, переводчик, публицист

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public
Foundation «Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Mar'ina Valentina Vladimirovna

D.Sci. in history, Professor, the Chief researcher of the Institute
of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

Potapova Natalia Dmitrievna

Ph. D., historian, Assistant Professor,
European University, St. Petersburg

Stellner Frantisek

D. Sci., historian, Head of Chair of Economical History
in Higher Economical School in Prague, Associate Professor
of World History Institute, Charles University, Prague

Antonov Dmitriy Igorevich

Ph.D in history, Assistant Professor of the Institute of Russian History,
Russian State University for the Humanities

Mayzul's Mikhail Romanovich

historian, the lecturer of Russian State University for the Humanities

Pechatnov Vladimir Olegovich

D. Sci., historian, Professor, Head of Chair of European and American Policy
of Moscow State Institute of International Relations (University)

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor, Chair of Early and Early Modern Russian History,
Russian State University for Humanities

Medvedeva Irina Iakovlevna

psychologist, publicist, the member of the Russian Writers' Union,
specialist of the Foundation of Social-Psychical Health of Family and Child

Shishova Tat'ana L'vovna

teacher, psychologist, publicist, the member of the Russian Writers' Union,
specialist of the Foundation of Social-Psychical Health of Family and Child

Kalinin Alexander Anatol'evich

historian, translator, publicist

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

«Фаланстер», М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;
«Циолковский», Политехнический музей, подъезд 7д;
киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;
киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д.6;
киоски «Аргумент» в I и II гуманитарных корпусах МГУ,
Воробьевы горы;
киоск в РГБ, ул. Воздвиженка, д.3/5, 3-ий читательский
подъезд;

в Санкт-Петербурге

магазин «Книжный окоп»,
Тучков пер., 11/5
магазин «Ноосфера»
ул. Малая Посадская, 4а (вход в арку) тел. (812)498-61-71

по всей России

**журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».**
**Адрес: Москва, Глинищевский переулок, дом 6
(за книжным магазином «Москва», под вывеской
«Союз женщин России»).**
**Телефон: (495) 650-60-31,
сайт www.hamlet.ru**

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
С 2012 года меняется подписной индекс журнала
по каталогу Агентства «Роспечать».
Теперь подписка на журнал годовая, индекс 83496.

Альтернативная подписка:
ООО «ИнтерПочта-2003»
тел. (495)788-00-60, факс (495)225-67-64
ООО «Смарт-Трейд» т/ф (499)500-97-08
ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00
ООО «Союзпресс» тел. (495)675-09-40

Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12, факс (495)306-37-57
e-mail: export@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru

В редакции подписка и продажа льготные.
Тел. (495)691-74-79
E-mail: russia21@ecc.ru,
bushueva@ecc.ru
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI» 2012.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 01.08.2012. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 12,25 печ. л.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»–«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: (495) 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.

**Международный общественный фонд
«ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ЦЕНТР»**

представляет новые книги:

Четырехтомник
«СУТЬ ВРЕМЕНИ»

Философское обоснование мессианских претензий России в XXI веке. В книге собраны стенограммы цикла 41 видеолекции автора, в каждой из которых размышления С.Кургиняна о сути нынешнего времени, его метафизике, диалектике и их отражении в ключевых аспектах актуальной российской и глобальной политики.

2-ое издание 770-страничной книги
«КАЧЕЛИ»,

в которой рассматривается феномен так называемой «подковерной политики» и одновременно разрабатывается аппарат, с помощью которого можно анализировать нетранспарентные политические процессы.

сборник
«ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ»

Взгляд из России и Индии

Под редакцией *Юрия Бялого* и *Ангиры Сен Шарма*

Все эти книги можно приобрести

в реакции журнала

«РОССИЯ XXI»

и в интернет-магазине

«Русская деревня» www.hamlet.ru

**Адрес редакции: 123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21
стр.1-2.**

Тел.: (495) 691-74-79, E-mail: russia21@ecc.ru

4. 2012 july-august

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

The Energy of Self-Destruction _____ **6**

European Parallels

Valentina Mar'ina

Edvard Benesh: Thoughts on Democracy _____ **28**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Natalia Potapova

Concept of Memory in Culture of Modernity
(the end) _____ **58**

Pages of History

Frantisek Stellner

Dynastic Policy of Austria, Prussia and Russia
in XVIII Century:
Comparative Historical Analysis _____ **82**

Labels and Myths

Dmitriy Antonov, Mikhail Mayzul's
“Phantoms” and “Illusions”:
Devil’s Delusions in Texts
and Iconography _____ **112**

Topical Archive

Vladimir Pechatnov
How Truman sought the Kuriles
from Stalin _____ **140**
Andrey Yurganov
After Stalin. How the Mechanism
of Repression Ran down _____ **158**

Reader's Letters

Irina Medvedeva, Tat'ana Shishova
“You Desired that,
George Dandin!” _____ **174**
Alexander Kalinin
Just a Hypothesis _____ **186**

РОССИЯ XXI